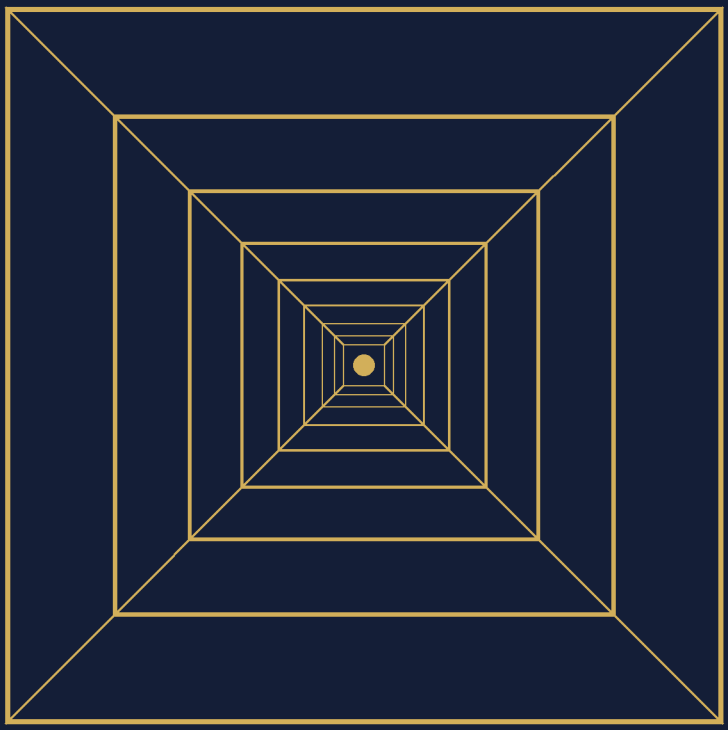
ДЖОН УИЛЬЯМ ДАНН

ЭКСПЕРИМЕНТ СО ВРЕМЕНЕМ

ДЖОН УИЛЬЯМ ДАНН

ЭКСПЕРИМЕНТ СО ВРЕМЕНЕМ

Об этой книге

«Эксперимент со временем» — книга английского авиаконструктора Джона Уильяма Данна. Много лет он записывал свои сны и заметил странную вещь: в них то и дело появлялись картины событий, которые случались не до, а после сна, — пожар, извержение вулкана, крушение, мелочи завтрашнего дня. Объяснять это ясновидением он не стал, а поступил как инженер: придумал простой опыт, который может повторить любой читатель, и проверил его на себе и на других.

Первые части книги — рассказ об этих снах и о том, как ставить опыт. Дальше автор ищет объяснение и приходит к «серийному времени»: за привычным временем стоит второе, в котором движется наш взгляд, за вторым — третье, и так далее; а у человека, который все это наблюдает, есть свой ряд наблюдателей. Отсюда автор выводит, почему сон может заглянуть вперед и что из этого следует для вопроса о смерти.

Книга вышла в 1927 году и стала одной из самых известных книг века о природе времени. Ее читали и обсуждали писатели, философы и ученые; к ее мыслям о времени возвращались и Пристли, и Толкин.

Содержание

	Часть первая	**6**
I	Глава I	7
II	Глава II	9
III	Глава III	16
IV	Глава IV	22
V	Глава V	28
	Часть вторая	**36**
VI	Глава VI	37
VII	Глава VII	46
	Часть третья	**55**
VIII	Глава VIII	56
IX	Глава IX	62
X	Глава X	64
XI	Глава XI	72
XII	Глава XII	81
XIII	Глава XIII	89
XIV	Глава XIV	95
	Часть четвертая	**97**
XV	Глава XV	98

XVI	Глава XVI	100
XVII	Глава XVII	102
XVIII	Глава XVIII	113
XIX	Глава XIX	120
	Часть пятая	**131**
XX	Глава XX	132
XXI	Глава XXI	135
XXII	Глава XXII	165
XXIII	Глава XXIII	175
XXIV	Глава XXIV	191
XXV	Глава XXV	202
XXVI	Глава XXVI	209

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

✦

Пожалуй, стоит сказать прямо здесь — ведь читатель, возможно, уже заглядывал вперед, — что эта книга не об «оккультизме» и не о том, что называют «психоанализом».

Это всего лишь отчет об очень осторожной разведке в довольно новом направлении — отчет, изложенный в обычной форме: рассказ о том, как на деле шла работа, и вместе с ним изложение теоретических соображений, которые здесь, как полагают, замешаны. И драматический, на первый взгляд причудливый характер начала этой истории пусть не смущает читателя. Он легко поймет, что задача, стоявшая на том этапе, состояла в том, чтобы «выделить» (если позаимствовать слово у химиков) один-единственный основной факт из груды вводящего в заблуждение материала. Всякий рассказ о подобном разделении, разумеется, должен содержать какое-то описание того вещества, из которого это разделение производилось. А такое вещество очень часто бывает — и в нашем случае по большей части было — хламом.

Факт, который в данном случае обнаружился, — именно тот, какого по теоретическим соображениям и следовало ожидать. Он очень ловко встает в свою маленькую нишу в системе знания; и к тому же он, по-видимому, обладает тем свойством, с которым ничто в конечном счете не может спорить, — свойством быть ясно и непосредственно наблюдаемым каждым, кому это интересно. Хочется надеяться, что нынешний читатель сам позаботится о том, чтобы в этом убедиться.

В этих страницах, кажется, нет ничего, за чем кому-либо было бы трудно уследить, — если только он будет обходить те изредка встречающиеся абзацы мелким шрифтом, которые написаны больше для специалистов. Да еще часть V, быть может, придется прочесть дважды. Но то и дело будут попадаться несколько обиходных полунаучных выражений; а всегда возможно, что другие люди привыкли вкладывать в эти слова смысл несколько иной, чем тот, который надеется передать пишущий эти строки. Подобное недоразумение, очевидно, привело бы к тому, что на протяжении большей части книги мы говорили бы о разном. Поэтому нам, пожалуй, стоит прийти к какому-то черновому предварительному соглашению — не о том, как эти слова следует правильно употреблять, а о том, что они должны означать именно в этой книге. Так мы, по крайней мере, избежим самого досадного для читателя — текста, который то и дело прерывается отсылками к сноске или словарю.

То, что соглашение будет совершенно односторонним, лишь облегчит дело.

ГЛАВА II

✦

Итак, вкратце.

Предположим, что у вас гостит приезжий из страны, где все жители рождаются слепыми, и вы пытаетесь объяснить гостю, что вы имеете в виду под словом «видеть». Допустим далее, что у вас обоих, к счастью, есть вот что общее: вы оба досконально знаете значения всех специальных выражений, принятых в физических науках.

Опираясь на эту почву взаимопонимания, вы стараетесь растолковать свою мысль. Вы описываете, как в той маленькой камере, которую мы зовем «глазом», некие электромагнитные волны, исходящие от удаленного предмета, фокусируются на сетчатке и производят там физические изменения на затронутом участке; как эти изменения связаны с токами «нервной энергии» (возможно, электрическими) в переплетении нервов, ведущих к мозговым центрам; и как молекулярных или атомных изменений в этих центрах достаточно, чтобы дать «видящему» запись очертаний удаленного предмета.

Все это ваш гость мог бы прекрасно понять.

А теперь заметьте вот что. Перед нами знание, о котором слепой прежде не имел никакого понятия. Это знание, которое он не может, как вы, приобрести сам обычным путем личного опыта. Взамен вы предложили ему описание, составленное на языке физической науки. И эта замена справилась с делом: передала это знание от вас к нему.

Но в «видении», конечно, есть гораздо больше, чем простая запись очертаний. Есть, например, — Цвет.

И вы продолжаете примерно так. То, что мы называем «красным» пламенем, порождает электромагнитные волны определенной длины; «синее» пламя порождает точно такие же волны, отличающиеся лишь тем, что они немного иной длины. Органы зрения устроены так, что разбирают волны с такой разницей в длине, причем разбирают так, что эти различия в итоге записываются соответствующими различиями в тех физических изменениях, которые происходят в мозговых центрах.

С точки зрения вашего слепого гостя, и это описание было бы вполне удовлетворительным. Теперь он прекрасно понимал бы, каким образом физический мозг способен регистрировать разницу в длине волны. И, если бы вы на этом успокоились, он ушел бы, благодарный и убежденный, что язык физики снова оказался на высоте и что ваше описание в физических терминах снабдило его знанием, скажем, того, что другие называют «красным», — знанием во всех отношениях столь же полным, как то, каким обладают они сами.

Но это его предположение было бы нелепым. Ибо о существовании одной весьма примечательной особенности красного он, очевидно, по-прежнему не знал бы ровно ничего. И эта особенность (быть может, самая загадочная и уж наверняка самая навязчивая из всех) — его краснота.

Краснота? Да. Не вдаваясь в то, вещь ли краснота, качество, иллюзия или что-нибудь еще, никуда не деться от того факта, (1) что это особенность красного, которую вы и все зрячие люди ощущаете весьма сильно, и от другого факта, (2) что ваш гость пока не имел бы ни малейшего представления о том, что вы или другие переживаете что-либо подобное, — и даже о том, что

вообще может существовать нечто подобное, что можно пережить. Значит, если вы намерены довести до конца добровольно взятую на себя задачу — поднять его знание о «видении» до уровня вашего собственного, — перед вами остается еще один шаг.

Понимая это, вы мысленно пробегаете глазами список физических выражений, и — довольно одного взгляда, чтобы убедиться: для того чтобы передать слепому гостю описание красноты, ни одно из этих выражений не годится ни в малейшей степени. Вы могли бы говорить ему о частицах (комочках — центрах инерции) и описывать, как они колеблются, вращаются, кружат, сталкиваются и отскакивают в каком угодно замысловатом танце, какой вам вздумается вообразить. Но во всем этом не нашлось бы ничего, что ввело бы понятие красноты. Вы могли бы говорить о волнах — больших волнах, малых волнах, длинных волнах и коротких волнах. Но мысль о красноте так и осталась бы нерожденной. Вы могли бы вернуться к старой физике и распространяться о силах (притяжениях и отталкиваниях) — магнитных, электрических и гравитационных; или ринуться вперед, к новой физике, и рассуждать о неевклидовом пространстве и гауссовых координатах. И вы могли бы ораторствовать в таком духе, пока не выбьетесь из сил, а слепой кивал бы и одобрительно улыбался; но очевидно, что под конец всего этого он подозревал бы о том, что вы (по выражению Уорда) «непосредственно переживаете, когда смотрите на полевой мак», ничуть не больше, чем в самом начале.

Физическое описание не может дать здесь тех сведений, которые мог бы дать опыт.

Так вот, краснота, может быть, и не вещь — но она, вне всякого сомнения, факт. Оглянитесь вокруг. Это один из самых

бросающихся в глаза фактов на свете. Он бросает вам вызов повсюду, требует, во весь голос требует объяснения. А язык физики в корне непригоден для того, чтобы такое объяснение дать.

Очевидно, что, окрестив красноту «иллюзией», физик ничего бы не выиграл. Ибо как физике взяться за описание или объяснение того, каким образом в эту иллюзию входит элемент красноты? Вселенная, какой ее рисует физика, — бесцветная вселенная, и в этой вселенной все события в мозгу, включая «иллюзии», — вещи бесцветные. Объяснения требует именно вторжение Цвета в эту картину — под видом ли иллюзии или под любым другим названием.

Как только вы по-настоящему поймете, что краснота есть нечто большее, чем сочетание положений, сочетание движений, сочетание напряжений или математическая формула, вам нетрудно будет заметить, что Цвет — не единственный факт такого рода. Если бы ваш воображаемый гость был не слеп, а глух, то, давая ему читать книги по физике, вы никогда не пробудили бы в нем даже зачатка подозрения о природе «Звука» — такого, каким его слышат. А ведь Звук, каким его слышат, — факт (отложите книгу и прислушайтесь). Но в мире, описанном физикой, такого факта не найти. Все, что физика может нам показать, — это изменение взаимного расположения частиц мозга или изменения напряжений, действующих на эти частицы. И ни в каком перечне величин и направлений таких изменений не нашлось бы ничего, что наводило бы на мысль, будто где-то во вселенной существует явление вроде того, которое вы непосредственно переживаете, когда звонит колокол. В сущности, так же как физика не может справиться с элементом красноты в «красном», она по самой своей природе неспособна объяснить

вторжение этого чистого колокольного звука во вселенную, которую она может изобразить лишь как ожившую схему группировок, толчков и тяг.

Но если в такой схеме не может быть ничего ни от Цвета, ни от Звука, есть ли нам какой-нибудь смысл искать в ней явления вроде «Вкуса» и «Запаха»? Самое большее, на что мы могли бы надеяться, — это найти те движения частиц мозга, которые сопровождают эти переживания; или, быть может, когда-нибудь — уравнения передачи, относящиеся к какому-то до сих пор не замеченному круговороту энергии. Ваш воображаемый гость и вы оба могли бы обладать самым полным знанием об этих возмущениях в мозгу, самым основательным знакомством с энергетическими уравнениями, какие, возможно, еще предстоит написать; но если бы вы действительно могли ощущать вкус и запах, а он нет, то неопровержимо, что ваше знание о каждом из этих явлений включало бы нечто совершенно ему неизвестное и, более того, совершенно для него невообразимое.

Когда мы говорим о каком-либо событии, что оно «физическое», мы имеем в виду, что его в принципе можно описать в физических терминах. (Иначе это выражение было бы совершенно бессмысленным.) Так что вполне правильно будет сказать: в каждом событии, с которым связаны наши чувствительные нервы, мы находим — после того как отвлечем от него всякую известную или мыслимую физическую составляющую — некие безусловно нефизические остатки.

Но эти остатки — самое навязчивое, что есть в нашей вселенной. Настолько навязчивое, что при пособничестве нашей привычки воображать их расположенными у наших внешних нервных окончаний или простирающимися за эти окончания во внешнее Пространство они создают впечатление огромного

внешнего мира пылающих огней и красок, острых запахов и шумных, бурных звуков. Все вместе они вырастают в поразительнейшую бурю резко различающихся явлений. И эту бурю еще предстоит рассмотреть после того, как физика скажет свое слово.

Физика. Да и этому последнему не стоит удивляться. Ибо идеальная цель физики — отыскать, выделить и описать такие элементы Природы, которым можно приписать существование, не зависящее от существования какого-либо непосредственного наблюдателя. Таким образом, физика — это наука, нарочно задуманная для изучения не вселенной, а того, что предположительно осталось бы в этой вселенной, если бы мы отвлекли от нее всякое действие чисто чувственного свойства. С самого начала, стало быть, она отказывается от всякого интереса к таким вещам, как те цвета, звуки и т. д., которые мы воспринимаем непосредственно, — к вещам, по существу зависящим от присутствия непосредственного наблюдателя и не существующим в его отсутствие, — и ограничивается языком и набором понятий, пригодных лишь для описания фактов, относящихся к ее собственной ограниченной области.

Психология и психическое. Но мы, как научные исследователи того положения, в котором оказались, разумеется, не можем пренебречь изучением массы явлений, настолько обширной и настолько навязчивой, что на первый взгляд она составляет весь известный нам мир. Поэтому постепенно возникла отдельная наука, которая старается разобраться с этими и другими довольно громоздкими остатками, оставленными физикой. Эта наука называется «Психологией», а факты, которыми она занимается, — факты, существующие только в

присутствии непосредственного наблюдателя, — именуются «ментальными», или, чаще, «Психическими».

ГЛАВА III

✦

Хотя научно бесспорно, что мозг, рассматриваемый как чисто физический механизм, не может сам по себе и из ничего создать ни одно из тех ярких психических явлений, которые мы называем «цветом», «звуком», «вкусом» и т. д., можно считать опытно установленным, что эти явления не возникают, если их не сопровождает некоторое раздражение соответствующих органов чувств. Более того, их характер меняется в зависимости от того, какой орган чувств в этом участвует: свет и цвета сопутствуют деятельности зрительных нервов; звуки связаны с существованием ушей; вкусы — с языком. Психические явления различны потому, что различно устроены органы чувств. Цветовые переживания у человека простираются от фиолетового до темно-красного в зависимости от длины волны электромагнитных лучей, падающих на глаз. Если эту длину волны еще немного увеличить, связанное с ней психическое переживание будет одним лишь ощущением тепла. Но мы знаем, что при совсем небольшом изменении участвующих в этом чувствительных элементов глаза эти тепловые переживания сопровождались бы переживаниями видимого инфракрасного цвета.

Таким образом, физический мозг, хотя и не может создавать подобные чувственные явления, служит главным фактором, определяющим их характер, а потому и важным фактором в том процессе, каков бы он ни был, который заставляет их появляться.

Положение дел на этот час обычно подытоживают осторожным утверждением, что эти особые виды психических явлений, с одной стороны, и соответствующие им раздражения органов чувств, с другой, неизменно сопровождают друг друга, или, так сказать, идут по параллельным путям во Времени. Заметим, что это никогда не выдвигается как «объяснение»: это считается лишь простым способом сообщить факты, не втаскивая в дело различные метафизические убеждения, которых держатся различные сообщающие.

Психонейральный параллелизм. Допущение, что этот «параллелизм» психических и нейральных (нервных) событий распространяется на весь наблюдаемый мыслительный опыт — что нет наблюдаемой психической деятельности без какой-то соответствующей деятельности мозга, — называется «Психонейральным параллелизмом»; деятельность каждого рода при этом именуется «коррелятом» деятельности другого.

Накопленные свидетельства в пользу этого взгляда практически подавляющи. Напряженное мышление вызывает утомление мозга; вещества, отравляющие мозг, мешают нам рассуждать; разрушение мозга сказывается на нашей способности образовывать новые воспоминания. Но главное — «сотрясение» мозга, по-видимому, уничтожает всякую память о событиях, непосредственно предшествовавших несчастному случаю; собственно, именно по тому, что больной не может вспомнить, что привело к несчастью, врач и ставит диагноз сотрясения. Это дает нам почти неопровержимое свидетельство, что средства запоминания — это «следы в мозгу», которым нужно немного времени, чтобы надежно закрепиться.

Что такие следы в мозгу (изолированные пути, проложенные прохождением нервных токов) действительно существуют,

хорошо известно; и, более того, показано, что чем больше способность человека к ассоциативному мышлению, тем многочисленнее и тем сложнее в своих разветвлениях соответствующие мозговые пути.

Наблюдатель. Теперь мы подошли на расстояние, с которого можно представиться тому весьма смиренному существу, которое современная наука знает как «Наблюдателя». Постоянное препятствие на пути наших поисков внешней реальности состоит в том, что мы никогда не можем полностью избавиться от этой особы. Как бы мы ни рисовали вселенную, картина остается нашего изготовления. С другой стороны, вероятно, столь же верно, что, как бы мы ни писали картину, писать ее приходится теми красками, какие нам даны. Но нет причин, по которым любое из этих ограничений лишало бы силы результат, если рассматривать его как карту, по которой можно уверенно прокладывать курс. Более того, мы можем проверить ее в этом отношении; и опыт показал, что при такой проверке она оказывается надежной. В этом и состоит оправдание наших поисков знания.

Стоит заметить, что, изучая картину, мы всегда можем кое-что заключить о характере и положении художника, который на нее не попал. Наука и в самом деле нередко бывает вынуждена решить, что некоторые изменения или особенности в наблюдаемом можно объяснить, только предположив изменения или особенности в наблюдателе.

Однако общий порядок в каждой науке — начинать с точного перечня различий в том, что наблюдается. Если потом мы обнаружим, что эти различия обусловлены характером или действиями наблюдателя, мы можем отметить, что таково объяснение различия, и соответственно выстроить нашу науку;

но это прибавление к нашему знанию не лишает силы наш прежний разбор различий в том виде, в каком они наблюдались.

Все науки имеют дело только со стандартным наблюдателем, если явно не оговорено противное; и психология — не исключение из этого правила. Ее наблюдателем считается любой нормально устроенный человек. И этот человек — тот же самый наблюдатель, которым в конечном счете пользуется и физика. В том, что психолог говорит о цвете «остаточных впечатлений», и в том, что физик говорит о «спектрах» некоторых звезд, участвует один и тот же стандартный наблюдатель. И предполагается, что он не дальтоник.

Надо признать, что положения психонейрального параллелизма не очень-то обнадеживают этого «наблюдателя». Ибо они наводят на мысль, что, когда работа мозга прекращается, психические явления тоже перестают нас тревожить. Более того, научный прием — отодвигать наблюдателя как можно дальше назад, чтобы как можно больше картины попало в разряд наблюдаемого, — склонен низводить его до положения беспомощного зрителя, у которого не больше возможности вмешаться, чем у публики в кинотеатре — изменить ход истории, развертывающейся перед ней на экране. Ненамного больше утешения можно почерпнуть и из изучения различных метафизических толкований (ни одно из них не предлагает объяснения) этого параллелизма Духа и Тела. Идеалист и реалист могут горячо спорить о том, насколько именно наблюдатель, так сказать, окрашивает наблюдаемые им явления; но решения, принятые на этот счет, вовсе не обязаны предполагать, что у него есть какая-либо власть изменить либо сообщаемую им окраску, либо вещь, воспринимаемую как окрашенная таким образом, — и уж тем более способность продолжать наблюдение, когда больше

нет никакой деятельности мозга, которую можно было бы наблюдать.

Анимизм. В этой связи, однако, мы должны признать существование небольшой, но весьма энергичной группы философов, известных как «Анимисты». В нынешнем, двадцатом веке ведущий представитель анимизма — бесспорно, профессор Уильям Макдугалл, чья книга «Тело и дух» излагает доводы за эту теорию и против нее с безупречной добросовестностью. Право, я не могу припомнить никого, кто изложил бы доводы против анимизма с такой сокрушительной силой.

Анимизм утверждает, что наблюдатель — все что угодно, только не пустое место. Он вовсе не «сознательный автомат». Он, может быть, и стоит целиком вне изображаемой вселенной; но он — «душа», наделенная способностью вмешиваться, которая позволяет ей изменять ход наблюдаемых событий, — ум, который не только читает мозг, но и пользуется им как орудием. Примерно так владелец механического пианино может либо слушать, как оно играет, либо играть на нем сам.

Отсюда следует, что этот наблюдатель может пережить разрушение того мозга, который он наблюдает. Что же до его вмешательства, то с физической стороны против него нет непреодолимых возражений. Макдугалл приводит и предлагает разные способы, какими вмешательство могло бы осуществляться, не прибавляя и не убавляя количества энергии в нервной системе.

Человек с улицы вечно недоумевает, почему огромное большинство ученых так холодно противится мысли о «душе». Особенно не может понять верующий, почему его доводы вызывают не просто возражения, но горькое презрение. А между тем причину искать недалеко. Дело не в том, что эту мысль

приписывают непомерному самомнению человека (хотя порой так и делают); ибо, в конце концов, землекоп, который может зайти в пивную и заказать кружку пива, — вещь бесконечно более удивительная, чем самый большой ком остывающей грязи, когда-либо плававший в небесах. Но не может быть разумных сомнений в том, что мысль о душе впервые возникла в уме первобытного человека в итоге наблюдения за своими снами. При тогдашних своих знаниях он не мог прийти ни к какому иному заключению, кроме того, что во сне он оставляет свое спящее тело в одной вселенной и отправляется бродить по другой. Считается, что, если бы не этот первобытный человек, мысль о такой вещи, как «душа», вообще никогда не пришла бы человечеству в голову; так что доводы, привлеченные впоследствии в подкрепление дела, испорченного таким образом в самом источнике, не могут притязать на чье-либо серьезное внимание.

ГЛАВА IV

✦

Представления. Итак, психология должна начинать с описания наблюдаемых явлений (это и есть буквальный перевод слова «феномены»), никак не предрешая вопроса о том, что их вызывает. Поэтому, хотя она и может говорить о таких явлениях так, словно они вещи, не следует считать, будто она утверждает, что они в основе своей нечто большее, чем действия, связанные с работой мозга. Этот вопрос она поначалу оставляет открытым.

Поле представления. Все такие явления она называет «Представлениями» и считает их расположенными внутри частного «Поля представления» каждого человека. (Мы будем пользоваться этим термином, а не более привычным «полем сознания», которое недостаточно определенно.) Это поле представления содержит в каждый данный миг Времени все явления, какие оказались предложены для возможного наблюдения. Возьмем конкретный пример того, что это значит. Вы сейчас читаете эту книгу, и ваше поле представления содержит зрительные явления, связанные с печатными буквами слова, на которое вы смотрите. Оно содержит также, в тот же самый миг, зрительное явление, относящееся к маленькой цифре внизу страницы. Ее вы «не заметили»; но эта цифра явно находилась в пределах области, охваченной вашим зрением, — она воздействовала на ваш мозг через глаз, ее психический коррелят предлагался вашему вниманию. И это утверждение справедливо для множества других зрительных явлений. Поразмыслив, вы согласитесь и с тем, что поле в тот миг должно было содержать —

представленными вниманию, но оставленными «незамеченными» — некоторые мышечные ощущения, вроде давления на ваше тело, немалое число звуков и приятное чувство, которое производил воздух, входящий в ваши легкие, когда вы дышали.

Внимание. Было бы неосторожно утверждать, что эти сравнительно незамеченные явления не наблюдались сознательно. Когда вы смотрите на снегопад, наблюдение может сосредоточиться на одной плывущей в воздухе снежинке; но это не значит, что вы не воспринимаете остальные. Если бы они исчезли, оставив в воздухе одну эту снежинку, их исчезновение мгновенно отвлекло бы ваше вспугнутое внимание от предмета, которым вы были прежде заняты. Когда вы слушаете игру оркестра, вам не нужно переставать следить за музыкой, чтобы заметить, что раздражающий человек в кресле впереди перестал отбивать такт своей программкой. Как правило, однако, наблюдение, по-видимому, явно сосредоточено на той или иной определенной части толпы представлений, — хотя у нас нет психических данных, которые показывали бы, что это нечто большее, чем дело привычки. Наблюдение, сосредоточенное таким образом, называется «Вниманием». Принято говорить, что та часть поля, на которой оно сосредоточено, находится в «Фокусе внимания»; и общеизвестно, что в этом «фокусе» и вокруг него внимание может быть сосредоточено с большей или меньшей силой.

В физиологии (науке, которая занимается мозгом как физическим органом) поле представления было бы просто той частью большого мозга, которая в данный момент находится в состоянии деятельности, связанном с порождением психических явлений. А фокус внимания был бы просто тем мозговым путем, по которому случилось идти наибольшему току нервной энергии.

С первого взгляда легко предположить, что этот наибольший ток порождается тем, что оказалось самым сильным раздражением чувств; но таким правило быть не может. У голодного человека, подошедшего к обеденному столу, внимание сосредоточено не на блеске сияющего серебра, а на куда более тусклом раздражении чувств — на хорошо подрумяненной бараньей отбивной. Следовательно, внимание может быть либо привлечено извне организма, либо направлено изнутри. Если бы мы приписали такое направление конечному наблюдателю, мы признали бы за ним положение самой настоящей души анимистов, наделенной властью вмешиваться. Ибо, как знает каждый школьник, сосредоточение внимания очень заметно влияет на образование воспоминаний. Но физиолог стал бы настаивать, что у нас нет нужды считать это внутреннее направление внимания исходящим из чего-либо помимо чисто механического внутреннего состояния мозга.

Поле представления в любой данный момент может содержать, помимо тех чувственных явлений, которые мы рассматривали, еще очень много наблюдаемых явлений. Оно может содержать, например, «Образы памяти».*

* Прошу прощения у современного психолога за то, что воскрешаю старинное слово «образ». Позже он увидит, что его употребление вполне оправдано, даже если оно означает не более чем повторное использование «диспозиции», или повторное раздражение мозгового пути.

Что же это за явление — «образ памяти»?

Впечатления. Представления можно разделить на два резко различающихся класса. Первый из них охватывает все явления, которые представляются наблюдателю прямо обусловленными действием его внешних органов чувств или нервных окончаний. Что они действительно связаны с деятельностью этого

поверхностного механизма, видно из того, что движение соответствующих органов или нервных окончаний или вмешательство в их работу извне приводит к изменению характера наблюдаемых явлений, а также из столь же показательного факта, что в отсутствие таких движений или вмешательств явления остаются неизменными и неотвязными. Их нельзя, как говорится, «прогнать усилием воли». Такие явления называются «Впечатлениями».

Образы. А теперь представьте себе комнату, которую вы помните. Нет сомнений, что вы наблюдаете зрительное представление — мысленную картину. Процесс вовсе не таков, что вы говорите себе: «Посмотрим: в том углу стоял диван, в другом — пианино, а ковер был такого-то цвета». Скорее все, что вы помните, встает перед вашими глазами в виде одновременного видения. Если же вы хотите совершенно удостовериться, что такие зрительные картины — не то, что вы нарочно изготовляете из перечня подробностей, запомненных словами, можете проделать следующий опыт. Внимательно посмотрите на картину с пейзажем; затем, через полчаса, попробуйте снова зрительно представить то, что видели. Вы обнаружите, что можете снова наблюдать многое из точной окраски первоначальных впечатлений — особые оливковые, коричневые и серые тона, — хотя многие из этих цветов были совершенно недоступны вашему умению разобрать их по-художнически, не говоря уж о том, чтобы описать словами. Значит, вы, должно быть, видите как «образ» сочетание цветов, подобное тому, что видели как впечатления.

Тон внешней реальности. Между впечатлением и связанным с ним образом есть разница, которую каждый психолог затруднялся описать. Она заключается в присутствии или отсутствии того, что иногда называют «чувственной яркостью»,

но что, по-моему, лучше было бы назвать «Тоном внешней реальности». По сравнению с комнатой, которую вы можете видеть глазами, вспоминаемая вами комната кажется нереальной, но все же достаточно реальной, чтобы ее можно было узнать как зрительный, а не, скажем, слуховой образ. Или вот еще: ударьте по краю бокала и прислушайтесь к звуку, пока он замирает. Он становится все слабее и слабее, пока не исчезнет; но до последнего (как указывает Уорд) он сохраняет тон внешней реальности. После того как он совсем исчез, вы можете вспомнить, как он звучал перед самым концом. Это воспоминание узнается как воспоминание о звуке — слуховой образ. В нем есть все тональные качества первоначального слабого впечатления; но ему недостает видимости внешней реальности.

Далее, сравните настоящий образ памяти с явлением, которое обычно называют «остаточным впечатлением». Его легко наблюдать. Если вы шестьдесят секунд пристально посмотрите на ярко-красный абажур, а затем поднимете глаза к потолку, то через мгновение-другое увидите зеленое пятно, очертаниями похожее на абажур. Это явление тусклое, в его границах почти или вовсе не видно подробностей, оно противоположного (дополнительного) цвета по отношению к первоначальному впечатлению и лишено всякой перспективы — кажется совершенно плоским. Однако оно обладает тоном внешней реальности и явно есть впечатление. Оно движется, когда вы двигаете глазами. Но, глядя на это зеленое пятно, плывущее перед вами, вы можете в то же время наблюдать настоящий образ памяти первоначального впечатления от абажура. Он первоначального красного цвета, показывает много внутренних подробностей и кажется трехмерным, то есть обладает глубиной, какую видишь двумя глазами.

Пять минут спустя, когда всякий след зеленого остаточного впечатления исчез, вы можете по желанию наблюдать ясные образы памяти либо красного абажура, либо зеленого пятна.

Отметим, стало быть, что образы — явления, вполне отличные от просто угасающих впечатлений.

ГЛАВА V

✦

Цепь памяти. Когда вы пытаетесь припомнить череду наблюдавшихся впечатлений, относящиеся к ним образы наблюдаются так, будто они и в самом деле расположены в порядке, соответствующем порядку, в котором были получены первоначальные впечатления. Это предполагаемое расположение называется, как всем известно, «Цепью памяти», и примечательно, что процесс припоминания событий в том порядке, в каком они происходили, требует порой весьма значительного умственного усилия. Но если вы просто даете мыслям блуждать — как в грезах наяву, — не стремясь сознательно ни к какой определенной цели, то наблюдаемые при этом образы оказываются расположенными в такой последовательности, которая мало соответствует какой-либо прежде наблюдавшейся череде событий.

Вереница мыслей. Эта любопытная череда образов называется «Вереницей мыслей», и, возможно, весьма знаменательно, что простое, ничем не направляемое следование за вереницей мыслей, по-видимому, не влечет за собой никакого умственного усилия или утомления.

Почти каждый когда-нибудь забавлялся тем, что прослеживал назад вереницу мыслей, которая привела его, без всякой сознательной цели с его стороны, к тому, чтобы подумать о чем-то или вспомнить что-то. «Я увидел вот это, — скажет он, — и это напомнило мне то-то; а это заставило меня подумать о том-то». И так далее. Вот, однако, конкретный пример.

Сейчас вечер, и передо мной стоит чайная чашка с клетчатой черно-белой каемкой. Вид ее (впечатление) «вызывает» образ памяти клетчатого линолеума на полу, которым я нынче утром пользовался как материалом для опыта по получению остаточных впечатлений. А во время этого опыта я думал об описании этих явлений у Уорда в «Британской энциклопедии»; и следующий образ, появляющийся передо мной, — образ того самого красного тома (у меня издание мелким шрифтом). За ним появляется образ раскрытой страницы этого тома и очень яркий образ ощущения напряжения в глазах при ее чтении. Это «вызывает» образ лупы для чтения, которой я иногда пользуюсь. Та вызывает образ увеличительного стекла, которое я вчера утром одолжил в магазине рыболовных снастей, чтобы рассмотреть форелевых мушек, которых я там покупал. Это «вызывает» образ друга, для которого я купил этих мушек, — таким, каким он стоял, когда просил меня об этом. А это «вызывает» приятный образ форели в два с половиной фунта, которую я два дня назад умыкнул из вод этого друга. Так, начав с чайной чашки, я прихожу к форели.

Если же исследовать природу вереницы мыслей, обнаруживаются следующие факты.

Родовые образы. Когда на несколько отчасти сходных впечатлений в разное время обращалось внимание, то, помимо отдельных образов памяти, относящихся к этим отдельным впечатлениям, наблюдается смутный общий образ, который не содержит ничего, кроме ключевых элементов, общих для всех этих отдельных образов. Например, образы сотен курительных трубок, которые я видел, курил и держал в руках, все содержат общий элемент, который теперь предстает мне как расплывчатый образ «трубки» вообще. Он являет все существенные признаки, которые служат для отличия трубки от любого другого предмета

— скажем, от зонтика. Эти признаки таковы: полая чашечка, трубчатый чубук — короче, вид предмета, пригодного для курения. Но этот неопределенный образ не показывает никаких признаков определенного цвета или точных размеров. Тем не менее он, по-видимому, служит ядром всех определенных образов отдельных трубок, какие найдутся в моем умственном хозяйстве; ибо если направить на него внимание, то вскоре станет наблюдаемым образ то одной, то другой из таких отдельных трубок.

Эти смутные, почти бесформенные общие образы называются «Родовыми образами», и они, по-видимому, подобны центральному узлу, к которому конкретные, определенные образы относятся как расходящиеся от него нити.

Ассоциативная сеть. Очевидно, что многие из этих нитей — этих определенных образов — могут расходиться также и от другого родового образа. Определенный образ чашечки какой-то деревянной трубки может принадлежать, с одной стороны, к родовому образу «трубка», а с другой — к родовому образу, который я называю «узорчатое дерево». У этого родового образа может быть среди прочих составных частей определенный образ полированного орехового стола, а этот образ, в свою очередь, может быть также расходящейся нитью, принадлежащей к родовому образу «мебель». Нить от «мебели» — скажем, образ какого-то гарнитура, виденного в витрине, — может быть звеном, связывающим с родовым образом «старина». Итак, пока перед нами нечто подобное сети из узлов (родовых образов) и расходящихся нитей (определенных образов), по ячейкам которой внимание может переходить без всякого сознательного усилия со стороны наблюдателя. Мысли, связанные между собой таким образом, наглядно подобным сети из узлов и нитей, называются

«ассоциированными». Поэтому мы можем называть эту структуру «Ассоциативной сетью».

Обычно принимают, что ассоциация бывает двух родов: ассоциация по сходству, когда одно событие напоминает сходное событие, случившееся, может быть, давным-давно; и ассоциация по смежности — это значит, что когда два события произошли одно вскоре за другим, припоминание одного ведет к воспоминанию о другом.

Для физиолога ассоциативная сеть — это просто сеть мозговых путей, где «узлы» — это области, или узоры, в ней, а «соединительные нити» — пути, принадлежащие более чем одной такой области, или узору. Все явления ассоциации, по-видимому, вполне объясняются этим предположением; и ни при какой другой теории, насколько я могу судить, вообще невозможно объяснить ассоциацию «по сходству».

Когда нет никакого иного руководства, путь, по которому идет вереница мыслей, по-видимому, в очень большой степени определяется свежестью образов. При прочих равных условиях образ, установившийся недавно, сильнее притягивает блуждающее внимание, чем тот, которым давно пренебрегали. Читатель заметит, что в приведенном чуть выше примере вереницы мыслей (той, что начиналась с чайной чашки) все образы относились к недавним переживаниям. Например, черно-белая клетка на чашке привела меня не к шахматам, хотя это очень навязчивый мой родовой образ, а к куску линолеума, который я видел в то утро. Физиологически это означало бы, что мозговые пути, по которым недавно проходили, дают лучший проход токам нервной энергии, чем те, которые были заброшены.

Предполагаемая «цепь памяти», по-видимому, есть не что иное, как определенная тропа через ассоциативную сеть — та тропа, по

которой таким образом недавно прошли. Если вы попытаетесь проследить «цепь памяти» назад хоть сколько-нибудь далеко, то обнаружите, что тропа перестала быть четко обозначенной: образы не появляются в неизменно правильной последовательности, так сказать, сами собой. Приходится помогать памяти, рассуждая о том, какое событие должно было произойти следующим, — а иногда рассуждаешь неверно.

Сны. Сны, как и многие другие душевные явления, состоят большей частью из образов, которые поставляет ассоциативная сеть. Но от блуждания мыслей они отличаются в нескольких важных отношениях. В этом последнем виде деятельности рассудок почти всегда отчасти работает, определяя путь, которым следовать по сети. Во снах же такое руководство, по-видимому, в значительной мере отсутствует, и образы сна предстают как настоящие — хотя и странно неустойчивые — эпизоды личной приключенческой повести, разумной лишь отчасти.

Интеграция. Связь между образами бывает иногда вполне ясной; но, как правило, такая связь принимает любопытную форму, известную как «Интеграция». Под этим словом мы будем понимать «соединение ассоциированных образов, в котором составляющие элементы качественно различимы». (Это определение взято из «Словаря философии и психологии» Болдуина.) Например, образ розового платья, увиденного в витрине в понедельник, и образ продавщицы, увиденной, когда в то же место зашли снова во вторник, могут соединиться в сне, приснившемся в ночь на среду, в единый образ продавщицы в розовом платье. Но если, проснувшись, припомнить этот сон, то обе составные части образа из сна, платье и девушка, ясно различаются как образы первоначально раздельных впечатлений.

Понятия. Можно заметить, что в приведенном перечне определений не делалось попытки копнуть глубже того класса мыслительных процессов, который называют «образным», — класса, в отношении которого связь психики с нервной системой напрашивается сама собой. Мыслительные процессы более высокого порядка пока еще не поняты как следует — и даже, пожалуй, не поняты как не следует. Наши знания о них самые смутные. По-видимому, существуют некие обобщенные идеи, называемые «Понятиями», — такие, например, какими мы пользуемся, когда думаем о «еде», «игре», «воображении» или о «трудности», «истине», «обмане», «различии»; но сомнительно даже, можно ли законно согнать их всех под одно общее название класса. Сравните, к примеру, «еду» с «различием». Первая идея, может быть, не более чем раздражение самых широко определяющих линий какого-то обширного узора в сплетении мозговых путей; но вторая может притязать на связь с каждой мыслью, какую мы способны сформулировать, или на участие в ней.

Именно здесь анимист может дать свой лучший бой в защиту приписываемой наблюдателю способности вмешиваться. Но даже здесь материалист может заявить, что захватил значительную часть спорной территории. Ибо человек, чей мозг поврежден болезнью, может, по-видимому, забыть, что такое «еда»; или может весьма смутно представлять себе, есть ли «различие» между ним самим и кузнечиком.

Наша нынешняя дорога не ведет через это поле битвы, хотя мы проходим на расстоянии оклика от сражающихся. От них, однако, мы можем принять к сведению, что понятия часто определяют путь, которым внимание следует по ассоциативной сети. Едва ли возможно, чтобы ничем не направляемое внимание задержалось

на каком-либо понятии и мгновение спустя не оказалось перед родовым или даже конкретным образом, явно связанным с этой главной идеей.

* * *

Прежде чем перейти к следующему разделу, лучше сделать совершенно ясной одну сторону психологии. Во всех науках новые факты могут быть открыты:

1. Логическим выводом из уже установленных фактов;
2. Прямым опытом;
3. Обоими путями, подтверждающими друг друга.

Факт, принадлежащий только к классу 2 (то есть такой, который не был логически выведен из других фактов), требует значительно больше опытных доказательств, чем факт класса 1. Если же он такого рода, что его никак нельзя было бы вывести из какого-либо иного имеющегося у нас знания (например, то, что мы испытываем «боль», когда нерв определенного рода чрезмерно раздражен), его нельзя считать научно полезным, если он не удовлетворяет условию, что он «доступен наблюдению каждого» («Словарь философии и психологии» Болдуина). Очень многие психологические факты принадлежат к этому невыводимому роду; и, имея с ними дело, психолог следует научному правилу. Он не довольствуется тем, чтобы сказать: «Люди безупречной честности и бесспорного авторитета исследовали такие-то и такие-то душевные явления, и итогом их изысканий было установление того, что и т. д. и т. п.». Напротив, в его утверждениях (в отличие от его догадок) всегда обнаружится подразумеваемое: «Проделайте со своим умом то-то или то-то, и вы увидите, что факты таковы-то».

Тот предмет, которым мы будем заниматься в этой книге, был, когда его впервые обнаружили, по видимости невыводимым фактом, принадлежащим только к классу 2, и с ним приходилось обращаться соответственно. Позднее выяснилось, что это факт класса 1 (то есть прямо выводимый из уже установленных фактов). Таким образом, в конечном счете он предстает перед читателем как факт класса 3.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА VI

✦

В этой части мне придется рассказать — как можно короче — о тех досадно драматичных и в высшей степени обманчивых случаях, о которых шла речь во втором абзаце первой главы (читатель помнит данное там обещание). Он заметит, что эти случаи до совершенства повторяли многие классические примеры того, что считают «ясновидением», «астральными странствиями» и «посланиями от умерших или умирающих». Понятно, что описываю я их лишь ради наглядности (читатель, следивший за тем, что было сказано о психологических свидетельствах, это оценит) и потому, что они составляют часть «повествования о том, как все происходило на деле». Но в одном отношении эти события имели ценность совершенно исключительную. Дело в том, что мне не пришлось, как это обычно бывает в подобных вопросах, принимать их из вторых рук — через «ясновидящего» или «медиума», когда важные подробности легко теряются, а к рассказу примешиваются посторонние догадки. Ибо все они, до единого, случились со мной самим.

* * *

Первый случай был весьма недурным образцом того, что легко сошло бы за «ясновидение».

Произошел он в 1898 году, когда я жил в гостинице в Суссексе. Однажды ночью мне приснилось, что я спорю с одним из официантов о том, который теперь час. Я утверждал, что сейчас половина пятого дня; он стоял на том, что сейчас половина пятого

ночи. С той кажущейся нелогичностью, что свойственна всем снам, я заключил, что, должно быть, у меня остановились часы; и, вынув сей прибор из жилетного кармана, я посмотрел на него сверху и увидел, что так оно и есть. Часы остановились, и стрелки показывали половину пятого. На этом я проснулся.

Сон был необычный (по причинам, к этой книге отношения не имеющим), и кончилось все тем, что я зажег спичку — посмотреть, правда ли остановились часы. К моему удивлению, их не оказалось там, где они обычно лежат, — у кровати. Я встал, поискал вокруг и нашел их на комоде. И действительно, часы стояли, а стрелки показывали половину пятого.

Разгадка казалась совершенно очевидной. Часы, должно быть, остановились накануне днем. Я, должно быть, это заметил, забыл, а во сне вспомнил. Успокоившись на этот счет, я завел часы, но, не зная настоящего времени, оставил стрелки как были.

Спустившись утром вниз, я направился прямо к ближайшим часам, чтобы поставить свои верно. Ведь если, как я полагал, они остановились накануне днем и были лишь заведены в какой-то неведомый час ночи, то они, вероятно, отставали на несколько часов.

К полному моему изумлению, оказалось, что отстали они всего минуты на две-три — примерно на столько времени, сколько прошло между моим пробуждением и тем, как я их завел.

Это означало, разумеется, что часы остановились в самую минуту сна. Сам сон, вероятно, и был вызван тем, что я перестал слышать привычное тиканье. Но как же я сумел увидеть во сне, что стрелки стоят — как и было на самом деле — на половине пятого?

Расскажи мне кто-нибудь другой такую историю, я, вероятно, ответил бы, что ему приснилось все происшествие от начала до

конца, включая и то, как он вставал и заводил часы. Но такого ответа я не мог дать самому себе. Я знал, что не спал, когда поднялся и посмотрел на часы, лежавшие на комоде. Но что же тогда остается? «Ясновидение» — зрение сквозь пространство, сквозь темноту и сомкнутые веки? Даже если допустить, что существуют неизвестные лучи, способные так проникать, а затем вызывать зрительный образ, — во что я не верил, — часы ведь лежали выше уровня моих глаз. Что же это за лучи такие, которые огибают углы?

Из Суссекса я поехал в Сорренто, в Италию. Лежа там однажды утром в постели, я проснулся и стал гадать, который может быть час. У меня не хватало сил взглянуть на часы: они лежали за пологом от комаров на столике — рукой достать, но не видно, когда голова на подушке. Мне пришло в голову поставить опыт и проверить, не смогу ли я снова увидеть часы тем, по-видимому, «ясновидческим» способом, как в прошлый раз. Закрыв глаза и сосредоточив мысли на вопросе, который теперь час, я погрузился в ту полудрему, в которой человек еще сознает, где он находится. Мгновение спустя я увидел, что смотрю на часы. Я видел их обоими глазами, как наяву: они стояли прямо, висели в воздухе примерно в футе от моего носа, освещенные обычным дневным светом и окруженные густым беловатым туманом, который заполнял все остальное поле зрения. Часовая стрелка стояла ровно на восьми; минутная колебалась между двенадцатью и единицей; секундная расплылась в бесформенное пятно. Я чувствовал, что если стану вглядываться пристальнее, то совсем проснусь, и потому решил поступить с минутной стрелкой так, как поступают со стрелкой призматического компаса, — разделить дугу ее качания пополам. Это дало время: две с половиной минуты девятого. Решив это, я открыл глаза, протянул

руку под полог, схватил часы, втянул их внутрь и поднял перед собой. Я совершенно проснулся, и — стрелки показывали две с половиной минуты девятого.

На этот раз, казалось, выхода не было. Я был вынужден заключить, что обладаю какой-то забавной способностью видеть — видеть сквозь препятствия, через пространство и за углом.

Но я ошибался.

* * *

Затем последовал случай совсем иного рода.

В январе 1901 года я находился в Алассио, на итальянской Ривьере, куда был отправлен по болезни с Англо-бурской войны. Однажды ночью мне приснилось, что я нахожусь в месте, которое я принял за Фашоду, — немного выше Хартума по Нилу. Сон был самый обыкновенный и вовсе не яркий, кроме одной подробности. А именно — внезапного появления трех человек, шедших с юга. Они были невероятно оборваны, одеты в хаки, выгоревшее до цвета мешковины, а лица под пыльными тропическими шлемами загорели почти дочерна. Вид у них был точь-в-точь как у солдат той колонны, с которой я недавно «трекал» по Южной Африке, — за таких я их и принял. Я недоумевал, зачем им понадобилось проделать весь путь из той страны до Судана, и расспросил их об этом. Они, однако, уверили меня, что именно так и было. «Мы прошли от самого Капа», — сказал один. Другой прибавил: «Мне досталось ужасно. Я чуть не умер от желтой лихорадки».

Остальная часть сна была неважной.

В то время мы регулярно получали из Англии «Дейли телеграф». Раскрыв газету за завтраком, наутро после сна, я наткнулся взглядом на такие кричащие заголовки:

ЭКСПЕДИЦИЯ «ДЕЙЛИ ТЕЛЕГРАФ»
ОТ КАПА ДО КАИРА
В ХАРТУМЕ

От нашего специального корреспондента.

Хартум, четверг (5 ч. вечера).

Экспедиция «Дейли телеграф» прибыла в Хартум после великолепного путешествия, и т. д., и т. д.

В заметке на другой странице газеты говорилось, что экспедицию возглавлял г-н Лайонел Декль. Позже я слышал или читал, что один из трех белых участников отряда умер в пути — однако не от желтой лихорадки, а от брюшного тифа. Правда ли это и было ли в отряде трое белых начальников, я не знаю.

Здесь можно сделать одно-два замечания.

Несколькими годами раньше я слышал, что г-н Лайонел Декль задумывает какое-то подобное путешествие через весь материк; но я не знал, вышло ли что-нибудь из этого замысла. И уж точно я понятия не имел, что экспедиция отправилась в путь.

Экспедиция прибыла в Хартум за день до того, как известие было напечатано в Лондоне, и, следовательно, задолго до моего сна, ибо этому номеру газеты нужно было еще добраться из Лондона в Алассио, а сон пришел лишь в ночь перед его прибытием. Это начисто исключало всякие «астральные странствия». Объяснять что-либо я не пытался.

* * *

Следующий случай был так драматичен, как только может пожелать любитель чудесного.

Весной 1902 года я стоял лагерем с 6-м полком конной пехоты близ развалин Линдли, в тогдашнем Оранжевом Свободном

государстве. Мы только что вернулись из похода, и почта с газетами приходила к нам редко.

Там однажды ночью мне приснился необычайно яркий и довольно неприятный сон.

Мне казалось, будто я стою на возвышенности — на верхних склонах отрога какого-то холма или горы. Почва была странного белого строения. Тут и там в ней виднелись маленькие трещины, и из них вверх били струи пара. Во сне я узнал это место: то был остров, который уже снился мне прежде, — остров, которому грозила неминуемая гибель от вулкана. И когда я увидел пар, бьющий из земли, у меня перехватило дыхание: «Это тот остров! Боже правый, он сейчас весь взлетит на воздух!» Ибо я помнил, что читал о Кракатау, где море, проникнув сквозь подводную трещину в самое сердце вулкана, мгновенно обратилось в пар и разнесло всю гору на куски. Тотчас меня охватило исступленное желание спасти четыре тысячи (я знал это число) ничего не подозревающих жителей. Способ для этого был, очевидно, только один — вывезти их на кораблях. Последовал мучительнейший кошмар: я находился на соседнем острове и пытался уговорить недоверчивые французские власти послать суда — любые, какие найдутся, — чтобы вывезти жителей острова, над которым нависла угроза. Меня отсылали от одного чиновника к другому; и в конце концов я сам разбудил себя собственными сонными усилиями, повиснув на мордах упряжки лошадей, везших экипаж некоего «господина мэра», который ехал на званый обед и желал, чтобы я пришел снова на следующий день, когда его контора будет открыта. Весь сон меня неотступно преследовало число людей, которым грозила опасность. Я повторял его всякому встречному и в минуту пробуждения кричал «мэру»: «Послушайте! Четыре тысячи человек погибнут, если только...»

Не помню уже, когда мы получили следующую пачку газет, но, когда они наконец пришли, среди них была и «Дейли телеграф», и, раскрыв средний лист, я увидел вот что:

КАТАСТРОФА ИЗВЕРЖЕНИЯ
НА МАРТИНИКЕ
ГОРОД СМЕТЕН С ЛИЦА ЗЕМЛИ
ЛАВИНА ПЛАМЕНИ
ВЕРОЯТНАЯ ГИБЕЛЬ
БОЛЕЕ 40 000 ЧЕЛОВЕК
СГОРЕЛ БРИТАНСКИЙ ПАРОХОД

Одна из самых страшных катастроф в летописях мира постигла некогда процветавший город Сен-Пьер, торговую столицу французского острова Мартиника в Вест-Индии. В восемь часов утра в четверг вулкан Мон-Пеле, бездействовавший целое столетие, и т. д., и т. д.

Но нет нужды пересказывать историю самого страшного извержения нового времени.

В другом столбце той же газеты было следующее, под несколько меньшими заголовками:

ВЗРЫВ ГОРЫ

Далее шло сообщение со шхуны «Оушен трэвеллер», которой пришлось уйти от Сент-Винсента из-за выпадения песка из тамошнего вулкана, а затем она не смогла добраться до Сент-Люсии из-за встречных течений против злосчастного Сен-Пьера. В заметке были такие слова:

Когда она находилась примерно в миле от берега, вулкан Мон-Пеле взорвался.

Рассказчик затем описывал, как гора будто раскололась по всему склону.

Нечего и говорить, что после этого суда еще долго были заняты вывозом уцелевших на соседние острова.

Здесь надо сделать одно замечание.

Предполагаемое число погибших было не 4000, как я твердил на протяжении всего сна, а 40 000. Я ошибся на один ноль. Но, читая газету, я второпях прочел это число как 4000; и, рассказывая потом эту историю, я всегда говорил, что напечатано было 4000; и я не знал, что на самом деле там стояло 40 000, пока не переписал заметку пятнадцать лет спустя.

Так вот, когда пришла следующая пачка газет, в них давались более точные оценки того, сколько людей погибло на самом деле; и я обнаружил, что истинная цифра не имела ничего общего с теми 4000, которые мне и приснились, и которые я вычитал из первого сообщения. Значит, мое чудесное «ясновидческое» видение ошиблось как раз в самой настойчивой своей подробности! Но было ясно, что эта ошибка, по всей вероятности, окажется столь же важной, как и его правота. Ибо откуда во сне взялось у меня это представление о 4000? Ясно, что оно должно было прийти мне в голову из-за газетной заметки. Это наводило на крайне неприятную мысль, что все это было тем, что врачи называют «отождествляющей парамнезией»: что никакого такого сна у меня на самом деле не было, а при чтении газетного сообщения у меня в уме возникло ложное убеждение, будто прежде мне приснился сон со всеми подробностями, приведенными в этой заметке.

Более того, по размышлении оказалось, что и видение об экспедиции от Капа до Каира вполне могло быть того же свойства.

И в самом деле, чем больше я думал об этих двух случаях, тем яснее становилось, что в каждом из них сон был именно таким, какой я мог бы ожидать увидеть после того, как прочел напечатанное сообщение, — совершенно обыкновенным сном, построенным на личном переживании чтения. Как же тогда мне быть уверенным, что эти сны не были ложными воспоминаниями, порожденными самим чтением?

Но оставалась еще история с часами. Ее-то уж никак нельзя было согласовать с новой теорией — разве что я был куда безумнее, чем мог себе позволить поверить.

Однако я был совершенно убежден, что ни во сне об экспедиции от Капа до Каира, ни во сне о Мон-Пеле не было ни «астральных странствий», ни прямого видения через многие лиги пространства, ни «посланий» от участников изображенных событий. Эти сны были навеяны либо чтением заметок, либо телепатическим внушением от журналиста в редакции «Дейли телеграф», который написал эти сообщения.

ГЛАВА VII

✦

К моему великому облегчению, следующий случай, произошедший года два спустя, начисто разбил теорию «отождествляющей парамнезии».

Мне приснилось, что я стою на каком-то настиле из поперечных досок, огражденном с левой стороны чем-то вроде перил, а за ними зияет глубокая пропасть, полная густого тумана. Над головой мне чудился навес. Но его я ясно не видел, ибо туман отчасти скрывал все, кроме трех-четырех ярдов настила впереди меня с прилегающим к нему куском перил и пропасти. Вдруг я заметил, что откуда-то из самой глубины пропасти торчит вверх неимоверно длинная, тонкая, призрачная штука, похожая на гигантскую рейку. Она поднималась выше настила и стояла наклонно, так что, будь ее верхний конец виден сквозь туман, она упиралась бы в навес. Пока я смотрел на нее, она начала медленно качаться вверх и вниз, задевая перила. Мгновение спустя я понял, что это такое. Однажды я уже видел нечто подобное — в кинокартине о пожаре, еще в первые дни кинематографа. Тогда, как и теперь, я так же недоумевал, что это за качающаяся рейка, пока не понял, что это длинная струя воды из пожарного рукава, снятая сквозь застилающий ее дым. Значит, где-то внизу, в этой пропасти, стоит пожарная машина и поливает струей воды скрытое дымом сооружение с перилами, на котором стою я. Как только я это понял, сон стал совершенно отвратительным. Деревянный настил наполнился людьми, смутно видными сквозь дым. Они падали грудами, и весь воздух наполнился ужасными,

удушливыми, хрипящими вскриками. Потом дым, ставший черным и густым, тяжело накатил на все и скрыл всю картину. Но жуткие задушенные стоны продолжались — и я был безмерно благодарен, когда проснулся.

На этот раз я не собирался рисковать с «отождествляющей парамнезией». Проснувшись, я тщательно припомнил каждую подробность сна и лишь после этого раскрыл утренние газеты. В них ничего не было. Но вечерние выпуски принесли ожидаемую новость.

Где-то под Парижем случился большой пожар на фабрике. Кажется, это была резиновая фабрика, хотя наверное сказать не могу. Во всяком случае, фабрика производила какой-то материал, который при горении выделяет мерзкие пары. Множество работниц оказались отрезаны огнем и выбрались на балкон. Там они на время были в относительной безопасности, но имевшиеся лестницы оказались слишком коротки, чтобы их спасти. Пока доставляли лестницы подлиннее, пожарные машины направили на балкон струи воды, чтобы это убежище не загорелось. И тогда случилось то, что, полагаю, было единственным в своем роде во всей истории пожаров. Из разбитых окон позади балкона дым от горящей резины или иного материала валил такими густыми клубами, что, хотя несчастные девушки стояли, по сути, под открытым небом, все до одной задохнулись, прежде чем подоспели новые лестницы.

После этого сна все дело стало еще загадочнее, чем прежде. Казалось, ничто не может его объяснить. Ибо «ясновидение» не объяснение. Это лишь название, простое признание необъяснимости. А «телепатию» пришлось бы растягивать неимоверно, чтобы она подошла к фактам.

* * *

Затем последовал сон, несколько упростивший дело. Ибо он окончательно исключил безумие, ясновидение, астральные странствия, послания духов и телепатию. Но он поставил меня лицом к лицу с чем-то куда более ошеломляющим, чем все это.

В 1904 году, через несколько месяцев после сна о пожаре, я жил в гостинице «Схоластика» на берегу Аахензее, в Австрии. Однажды ночью мне приснилось, что я иду по какой-то тропинке между двумя полями, отделенной от них по обе стороны высокой железной оградой в восемь-девять футов. Внезапно мое внимание привлекла лошадь на поле слева от меня. Она, видимо, взбесилась и носилась по полю, брыкаясь и вскидываясь самым неистовым образом. Я торопливо окинул взглядом ограду назад и вперед — нет ли где прохода, через который животное могло бы выбраться. Убедившись, что прохода нет, я пошел дальше. Мгновение спустя я услышал позади топот копыт. Оглянувшись, я с ужасом увидел, что зверюга все-таки как-то выбралась и во весь опор несется за мной по тропинке. Это был настоящий кошмар, и я пустился бежать как заяц. Впереди тропинка упиралась в деревянную лестницу, ведущую вверх. Я из последних сил старался до нее добежать — и тут проснулся.

На следующий день мы с братом пошли удить рыбу вниз по речке, вытекающей из Аахензее. Ловили на мокрую мушку, и я усердно хлестал леской по воде, когда брат вдруг крикнул: «Посмотри-ка на эту лошадь!» Взглянув за реку, я увидел место из своего сна. Но, верное в главном, оно совершенно не походило на него в мелочах. Два поля с огороженной тропинкой между ними были. Лошадь была и вела себя точно так же, как во сне. Деревянная лестница в конце тропинки была (она вела на мост

через реку). Но ограды были деревянные и невысокие — не больше четырех-пяти футов, — а поля были обычными маленькими полями, тогда как во сне это были просторы вроде парка. Кроме того, лошадь была небольшая, а не тот буйный огромный зверь из сна, — хотя вела она себя столь же устрашающе. Наконец, она была не на том поле: на том, которое оказалось бы у меня справа, если бы я шел, как во сне, по тропинке к мосту. Я начал было рассказывать брату про сон, но прервался, потому что животное вело себя так странно, что мне захотелось убедиться, что оно не сможет вырваться. Как и во сне, я придирчиво оглядел ограду. Как и во сне, я нигде не увидел ни прохода, ни даже калитки. Успокоившись, я сказал: «Ну, эта лошадь, во всяком случае, выбраться не может», — и снова принялся удить. Но брат прервал меня криком: «Берегись!» Подняв глаза, я увидел, что от судьбы не увернешься. Животное непонятным образом, точно как во сне, выбралось (вероятно, перепрыгнуло через ограду) и, точно как во сне, неслось во весь опор по тропинке к деревянной лестнице. Оно промчалось мимо нее, бросилось в реку и поплыло прямо на нас. Мы оба схватили камни, отбежали ярдов на тридцать от берега и повернулись к ней лицом. Конец вышел будничный: выбравшись из воды на наш берег, лошадь лишь посмотрела на нас, фыркнула и ускакала по дороге.

И вот мне показалось, что из этого случая одно стало совершенно ясно. Эти сны не были восприятиями (впечатлениями) далеких или будущих событий. Это были обычные, заурядные сны, сложенные из искаженных образов дневного опыта и составленные тем обычным полубессмысленным способом, какой свойственен снам. Иначе говоря, если бы они приснились в ночь после соответствующих

событий, в них не было бы ни малейшей необычности, и они дали бы о породившем их дневном опыте ровно столько же верных и столько же неверных сведений, сколько дает любой обыкновенный сон, — то есть очень немного.

Это были обыкновенные, подходящие к случаю, вполне ожидаемые сны; только снились они не в ту ночь.

Даже сны о часах были всего лишь теми снами, которые мне следовало увидеть после того, как я посмотрел на часы. В первом из этих случаев я наяву увидел часы лежащими на комоде циферблатом вверх, с остановившимися стрелками; и соответствующий образ сна был образом остановившихся часов, лежащих циферблатом вверх. Во втором случае я, лежа головой на подушке, держал часы перед собой циферблатом к себе примерно в футе от носа; и читатель помнит, что соответствующий образ в дреме представлял часы ровно в таком положении. Белый туман был, разумеется, образом полога от комаров, видимого не в фокусе, — каким он и был, когда я смотрел на настоящие часы.

Нет, как сны эти сны не заключали в себе ничего необычного. Они были лишь смещены во Времени.

Это, конечно, само по себе было достаточно ошеломляющим. Но я все же чувствовал, что сделал большой шаг вперед, сведя все эти разнообразные явления к одному-единственному роду случаев — простой, хотя и таинственной, перестановке дат.

Но во всех этих рассуждениях я был еще далек от истины.

Два последних случая, о которых я намерен рассказать в этой части, не содержали ничего такого, что изменило бы мое наполовину сложившееся мнение, будто все дело в нарушении временного порядка. Но если бы я не сделал этого полуоткрытия, я, несомненно, счел бы следующий случай посланием из «мира духов» или «призраком умирающего».

* * *

В 1912 году я много времени провел на Солсберийской равнине, испытывая один из моих устойчивых аэропланов. Там шли военные состязания аэропланов, и собралось большинство офицеров тогда еще крошечного Королевского летного корпуса. С одним из них я прежде не встречался, да и видел его потом нечасто; пожалуй, я говорил с ним не больше двух раз. Поскольку эти записи не являются свидетельством и не предназначены считаться таковым, достаточно будет называть его лейтенантом Б. Остальные офицеры были все моими старыми друзьями.

Вскоре после окончания состязаний начались ежегодные армейские маневры, и, не имея к ним никакого отношения, я поехал в Париж осмотреть другую машину, которую там строили по моему проекту. Однажды утром, когда я был в этом городе, мне приснилось, что я стою на очень большом лугу среди незнакомой местности. На этот луг сел моноплан, довольно сильно разбившись при посадке ярдах в пятидесяти от меня. Сразу же вслед за тем я увидел, что Б. идет ко мне со стороны обломков. Я спросил, сильно ли поврежден аппарат. Он ответил: «О нет, не очень», — и потом прибавил: «Все этот проклятый мотор; но теперь-то я с ним управлюсь». Сон был довольно длинный, весь про аварии аэропланов (обычный у меня род кошмаров, даже и по сей день), и крушение Б. было далеко не худшим из того, что я видел. Проснулся я оттого, что слуга стоял у моей постели с утренним чаем, и по этому обстоятельству смог впоследствии определить, что сон пришелся почти ровно на восемь утра.

Б. разбился насмерть между семью и восемью часами того утра, упав на луг близ Оксфорда. Но прочел я об этой катастрофе лишь примерно через двое суток с лишним.

А теперь обратите внимание на следующее:

1. Отказ мотора не имел никакого отношения к катастрофе, и Б. ни на миг не мог подумать, что имел. Ибо моноплан в это время шел на планирующий спуск — с мотором, частично или полностью остановленным; а авария случилась оттого, что расцепилась быстроразъемная застежка на одной из главных несущих растяжек, и вследствие этого одно крыло переломилось вверх. Конечно, планирующий спуск мог быть вынужденным, из-за отказа мотора; но у Б. не могло быть никаких сомнений, что у него сломалось крыло. С другой стороны, Б., когда мы были на равнине, сказал моей сестре о моторе почти в точности то же, что я слышал от него во сне, и весьма вероятно, что она мне это пересказала. Она бы, естественно, так и сделала.

2. Б. был всего лишь пассажиром. Аппаратом управлял другой человек, мне незнакомый, который тоже погиб. Во сне ничего этого не было. Но, когда я читал заметку о катастрофе, мое внимание привлекло и удержало только имя Б.; а о гибели второго человека я узнал лишь несколько лет спустя, когда разыскал отчет об этой аварии.

3. В заметке не говорилось о причине катастрофы, так что мне не на что было опереться, кроме (возможно) прежнего замечания Б. о моторе.

4. Совпадение во времени на самом деле не было примечательным. Сны об авариях аэропланов, как я уже сказал, снились мне в те дни очень часто, а между семью и восемью, когда шум уличного движения начинает проникать в сознание, всегда было моим часом для кошмаров этого рода.

Итак, я заключил, что и здесь сон был связан с личным переживанием — чтением заметки.

* * *

В последнем случае этого ряда отклонение во времени было куда значительнее.

Сон пришел осенью 1913 года. Я видел высокую железнодорожную насыпь. Во сне я знал — знал, не задаваясь вопросом, как знал бы всякий, кому знакома эта местность, — что это место находится чуть севернее моста через Ферт-оф-Форт, в Шотландии. Под насыпью тянулся открытый луг, и по нему небольшими группами гуляли люди. Картина появлялась и исчезала несколько раз, но в последний раз я увидел, что поезд, шедший на север, только что упал с насыпи. Я видел несколько вагонов, лежавших у подножия откоса, и видел, как вниз катятся и сползают большие каменные глыбы.

Поняв, что это, вероятно, один из тех странных моих снов, я попытался «уловить» дату настоящего происшествия. Все, что мне удалось уяснить, — это что дата приходится на следующую весну. Сам я помню, что в конце концов остановился на середине апреля, но сестра считает, что я назвал март, когда рассказал ей сон на следующее утро. Мы в шутку условились, что надо предупредить друзей, чтобы они не ездили на север Шотландии ни в какое время будущей весной.

14 апреля той весны «Летучий шотландец», один из самых знаменитых почтовых поездов того времени, перескочил через парапет близ станции Бернтайленд, милях в пятнадцати к северу от моста через Форт, и упал на поле для гольфа футов на двадцать ниже.

* * *

Описанные случаи выбраны из группы примерно в двадцать лишь потому, что в свое время они были внимательно изучены и тщательно запомнены. Большинство остальных я, так сказать, отметил мимоходом, и теперь они почти совершенно забыты.

Любопытно, что я не могу припомнить ни одного сна о надвигавшейся Великой войне — кроме одного. Тот сон относился к обстрелу Лоустофта германским флотом. Я узнал место — Лоустофт, но не имел понятия, какой нации были обстреливавшие его корабли.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА VIII

✦

Никому, я полагаю, не доставит особого удовольствия предположение, что он — урод среди людей; и сам я, пожалуй, предпочел бы обнаружить, что я «медиум». Там, по крайней мере, была бы надежда найти себе компанию. К несчастью, было совершенно ясно, что ни о какой «медиумичности», ни о какой «чувствительности», ни о каком «ясновидении» здесь речи нет. Я страдал, по-видимому, каким-то необычайным изъяном в своем отношении к действительности, чем-то настолько единственно неправильным, что это вынуждало меня изредка воспринимать большие куски вполне нормального в остальном личного опыта смещенными со своих законных мест во Времени.

Что такое вообще может случаться — это было весьма любопытное знание. Но, к несчастью, при данных обстоятельствах оно могло быть знанием лишь одного человека — меня самого.

Оставалась, однако, очень отдаленная возможность, что, взяв это странным путем добытое знание в проводники, я сумею найти какую-то доселе не замеченную особенность в устройстве Времени; и за эту задачу я и взялся.

Продвижение было несомненным, но страшно медленным. Никакой помощи не давало представление о Времени как о четвертом измерении. Ибо люди науки всегда обращались со Временем так, как если бы оно было четвертым измерением. Показать же требовалось, что в этом измерении возможно смещение. Не много утешения нашел я и у Бергсона; ибо говорить

человеку, перед которым явно переставлены части Времени, что у Времени нет частей, — занятие решительно пустое. Мне было ничуть не важно, есть ли Время «форма мышления», или сторона действительности, или (это пришло позже) нечто сложимое с Пространством. Я хотел знать одно: как оно перепуталось? Ибо «перепуталось» было здесь верным словом. Между сном и соответствующим дневным переживанием вставало воспоминание о сне, а воспоминание о дневном переживании следовало после всего этого!

Однако начало Первой мировой войны на время остановило дальнейшие изыскания, и лишь в 1917 году появилось что-то новое.

В январе того года я лежал в больнице Гая, поправляясь после операции. Там однажды утром, читая книгу, я наткнулся на упоминание об одном из тех «кодовых» замков, которые открываются поворотом колец с выдавленными на них буквами алфавита. Когда я это читал, что-то словно на краткий миг шевельнулось, так сказать, в моей памяти; но что бы это ни было, оно тут же улеглось. Я помедлил секунду, но ничего больше не проявилось, и я вернулся к книге. Потом, по счастью, я передумал, отбросил книгу в сторону и решительно принялся докапываться, что же именно я мимолетно связал с прочитанной фразой. Немного погодя оно вернулось. Прошлой ночью мне приснился как раз такой кодовый замок.

Вероятность совпадения, когда дело касается двух столь расплывчатых, заурядных событий, не нуждалась в пояснениях. Но я не мог припомнить, чтобы год или больше видел, слышал или думал о таком замке. И, зная по прошлым случаям, что в моих снах иногда бывают образы будущего опыта, я подумал, что появление образа замка в сне прошлой ночи могло быть еще

одним проявлением моей особой ненормальности. Такое предположение, во всяком случае, могло оказаться достойным внимания.

Несколько дней спустя произошел большой взрыв в Сильвертауне: он сотряс все здание, выбил окна, и сестры погасили свет, решив, что над нами цеппелины. Такое событие было вполне способно вызвать сон; и сон я увидел, но, как обычно, не в ту ночь — в ночь перед событием, с которым он был связан.

После катастрофы я рассказал об этом одному из выздоравливающих. Он перебил меня: «Погодите!» — а потом: «Любопытно. Сейчас, как подумаю, мне ведь тоже снился прошлой ночью взрыв». К тому времени он уже не мог припомнить никаких подробностей своего сна, а так как всякого рода сильные взрывы во время войны случались довольно часто, все дело вполне могло объясняться совпадением. Но — что, если это было не так и его сон был того же рода, что и мой? Что из этого следовало?

Итак, нужно было рассмотреть два новых предположения. Взятое по отдельности, каждое из них казалось до крайности диким; но вместе они наводили на мысль достаточно, чтобы заслужить немного более пристального внимания.

Если первое из них верно, то значит, мои сонные предобразы связаны не только с весьма волнующими и драматическими событиями, но и с сущими мелочами — вроде этого пустячного случая с чтением о кодовом замке. Ровно так же, в сущности, как сонные образы прошлых событий связаны с незначительными происшествиями ничуть не реже, чем с переживаниями более яркими. Опять же, лишь по чистейшей случайности я взялся припоминать тот сон; а не сделай я этого, я никогда бы и не узнал об этом случае. Выходило, что такие сны, насколько я мог судить,

могли сниться мне довольно часто, а я либо тут же их забывал, либо не замечал их связи с последовавшими за ними событиями.

А если верно предположение о сне моего приятеля, то именно такое незамечание связи с ним и произошло. Сна он не забыл совершенно, но настоящий взрыв не заставил его этот сон вспомнить.

Дальше этого я в своих рассуждениях не продвинулся, когда тот самый приятель подошел ко мне в немалом волнении. «Помните, что мы говорили о снах? — спросил он. — Так вот, я разговаривал с таким-то (одним из хирургов больницы), и он рассказал мне любопытную вещь, которая случилась с ним на днях. Он только лег и уснул, как ему приснилось, что его разбудили и заставили ехать к больному с переломом ноги. Почти сразу после этого сна его и в самом деле разбудили — пришел срочный вызов, по которому ему пришлось ехать как раз к такому больному. И, рассказывая мне это, он особо отметил, что не имел дела с переломом ноги больше шести недель».

Так что здесь, возможно, был третий случай, касавшийся третьего человека. Что станется, подумал я, с памятью об этом событии? Хирург расскажет о нем нескольким друзьям, которые припишут все совпадению (может быть, это и было совпадение), и со временем он и сам обо всем забудет. Но...

А потом — как быть с тем любопытным чувством, которое почти каждый испытывал время от времени, — внезапным, мимолетным, тревожным убеждением, что происходящее в эту минуту уже происходило прежде? Как быть с теми случаями, когда, получив нежданное письмо от друга, который пишет редко, вспоминаешь, что он снился тебе прошлой ночью? Как быть со всеми теми снами, которые, будучи совершенно забыты, вдруг безо всякой видимой причины вспоминаются позже днем? Что за

ассоциация их вызывает? Как быть с теми загадочными снами, от которых просыпаешься из-за шума или иного чувственного раздражения, — снами, в которых этот шум появляется последним их событием? Почему это заключительное событие всегда логически подготовлено предшествующей частью сна? И наконец, как быть со всеми теми случаями, собранными и сведенными в таблицы Обществом психических исследований, когда за сном о смерти друга на следующий день приходило подтверждающее известие? Эти сны явно были не «посланиями духов», а примерами моего «эффекта» — простыми снами, связанными лишь с предстоящим личным переживанием чтения новости.

Я уже неделю с лишним только и делал, что строил предположения самым безнадежно ненаучным образом, и мне показалось, что можно уж и довершить свой грех. И я сделал последний отчаянный прыжок к самому дикому предположению из всех.

Не может ли быть, что эти явления не ненормальны, а нормальны? Что сны — сны вообще, все сны, сны всех людей — сложены из образов прошлого опыта и образов будущего опыта, смешанных примерно в равных долях? Что вселенная в конце концов действительно протяженна во Времени, а тот однобокий взгляд, какой мы на нее имеем, — взгляд, в котором «будущая» часть непонятным образом отсутствует, отрезанная от растущей «прошлой» части движущимся «настоящим мгновением», — объясняется чисто умственной преградой, которая существует лишь тогда, когда мы бодрствуем? Так что в действительности сеть ассоциаций тянется не только туда и сюда в Пространстве, но и назад и вперед во Времени; а внимание спящего, следуя естественным, ничем не стесненным образом по самому легкому

пути среди ее разветвлений, постоянно пересекает туда и обратно этот, собственно говоря, несуществующий экватор, который мы, бодрствуя, совершенно произвольно проводим поперек целого.

Заметьте: это предположение вовсе не воспринималось как возможное объяснение. Путаницу в порядке действительного опыта — а именно: сон, воспоминание о сне, соответствующее дневное впечатление и воспоминание о нем — все равно пришлось бы объяснять. Но оно поставило бы задачу на совершенно иную почву. Уже не возникало бы вопроса, почему человек способен наблюдать свои собственные будущие душевные состояния: это было бы нормально и привычно. Напротив, первоначальной загадкой стало бы: что это за преграда, которая при известных обстоятельствах лишает его этого законного и всеобъемлющего обзора?

Все это промелькнуло, так сказать, одной вспышкой мысли, почти слишком быстрой для разбора. И отброшено было еще быстрее. Ибо было совершенно немыслимо, чтобы подобная вещь, будь она правдой, могла все эти века ускользать от всеобщего восприятия и признания.

ГЛАВА IX

✦

Немного позже, однако, я понял, что это резкое отступление было нелогичным. Ведь все предположение опиралось, разумеется, на прежнюю гипотезу: всякое общее припоминание этих образов затруднено тем родом торможения, который помешал моему приятелю связать дневное переживание взрыва со своим предшествующим сном. Никакое воспоминание не пробуждается, если нет связанной с ним мысли, которая бы его оживила; а если эта ассоциация дает осечку, припоминания быть не может.

Кроме того, сны большей частью бывают о пустяках — о том, что случается в жизни каждый день. Такой сон, даже если бы он на деле относился к завтрашнему событию, естественно, приписали бы вчерашнему похожему происшествию. Опять же, девять десятых всех снов совершенно забываются в первые пять секунд после пробуждения, а те немногие, что уцелели, редко переживают бритье. Даже сон, который вспомнили и мысленно отметили, обычно забывается к середине дня. Прибавьте к этому упомянутый уже частичный умственный запрет на нужную ассоциацию; прибавьте еще бессознательную, само собой разумеющуюся уверенность в невозможности такого — и станет вполне вероятным, что замечены вообще окажутся лишь очень немногие, наиболее яркие, наиболее подробные и (возможно) наиболее волнующие случаи. А их к тому же припишут телепатии, или «посланиям духов», или вообще чему угодно, что, пусть и безумное в прочих отношениях, можно по крайней мере выразить

в привычных понятиях единого, абсолютного, одномерного Времени.

Правда, теорию нормальности, конечно, предстояло еще долго обмолачивать. Утверждение, высказанное в предыдущей главе, было, очевидно, неполным; и полного описания действующего здесь процесса, может быть, так никогда и не удастся получить. Но другой стороной выбора была гипотеза ненормальности; а это означало ненормальность не просто в смысле избытка или недостатка какого-то обычного свойства ума, но ненормальность в смысле, который сам по себе лишен смысла. А трудно по-настоящему поверить в совершенно бессмысленное.

Наконец (и это привлекало меня больше всего), предположение нормальности — чего-то присущего не тому или иному человеку, а самому Времени — означало бы, если оно верно, что эти явления должны быть, хотя бы в возможности, «открыты для наблюдения всякому, кто выполнит необходимые условия».

Следовательно, если бы удалось придумать опыт, который преодолел бы две исходные трудности — припоминания и связывания, — то явление должно было бы оказаться непосредственно наблюдаемым для всякого нормального человека, в том числе и для читателя этих строк.

Устроить такой опыт было, очевидно, первым шагом. Объяснение могло прийти (и, как будет видно, пришло) позже.

ГЛАВА X

✦

Читатель уже догадался, что опыт, о котором шла речь в прошлой главе, был поставлен и что он удался: иначе, совершенно очевидно, эта книга никогда не была бы написана.

Однако лишь следующей зимой я смог заставить себя отнестись к гипотезе нормальности настолько всерьез, чтобы подвергнуть ее проверке. И тогда, со множеством опасений и почти без надежды на успех, я начал первый, основной опыт — на самом себе.

Я, конечно, знал, что такие сны у меня изредка бывают, но лишь с промежутками, порой в год и больше. Согласно же новой теории, похожие сны должны были сниться мне и во все эти промежутки — только я сам о них не знал.

Как правило, девять утр из десяти я вообще не помню, снилось ли мне что-нибудь. Это меня, впрочем, не слишком смущало. Я знал, что многие люди искренне убеждены, будто им никогда ничего не снится; но опыты, которые я уже ставил, убедили меня, что «сон без сновидений» — обман памяти. На деле человек забывает сны в самый миг пробуждения. Сам я однажды через несколько дней вспомнил сон, приснившийся мне под наркозом, хотя все это время был уверен, что тогда находился в полном беспамятстве.

Итак, отправной точкой для меня была уверенность, что какую-то долю утраченных снов этих моих, по видимости пустых, ночей можно вернуть. И по новой гипотезе в этой доле должны были найтись образы как прошлых, так и будущих событий.

Вероятнее всего, большинство таких образов окажутся не отчетливыми и обособленными, а, напротив, так смешанными и перепутанными, что составные части уже нельзя будет отнести к какому-то определенному событию яви. Но точно так же, как иногда в подобной смеси образов удается ясно опознать часть, относящуюся к определенному прошлому событию (см. определение «интеграции» в части I), так иногда должно удаваться опознать в ней и элемент, принадлежащий определенному будущему происшествию. Суть в том — и это важная суть, — что никогда не следует ждать целой мысли или сцены, которая относилась бы к будущему вся без остатка. Чтобы пояснить, что я имею в виду, отошлю читателя к сну о лошади, рассказанному в части II. Там большая часть сна относилась к будущему, но общий облик лошади, полей и ограды были, насколько я могу судить, подробностями, взятыми из прошлого опыта.

Вспомненный сон лучше всего записать — тогда вся остальная часть опыта сведется к сравнению двух твердых, вещественных фактов: записи и события яви. А чтобы облегчить последующий разбор образов сна, описывать их стоит как можно подробнее. Короткая запись, полная подробностей, ценнее длинной, составленной в расплывчатых выражениях.

Но была и еще более веская причина, по которой обилие подробностей становилось необходимым. Длинный сон содержит очень много образов, а длинный день — очень много впечатлений. По обычным законам случая какие-то из них непременно совпадут, если опыт продлится достаточно долго. Поэтому решающим испытанием должны были стать подтверждающие подробности. Например, сон о стопке монет на книге, а на следующий день — стопка монет, лежащая на книге

наяву: такого рода совпадение произойдет в любом случае. Требовалось бы нечто вроде стопки шестипенсовиков, соскальзывающей с красной книги, а затем такой же случай наяву. (Остальная часть сцены в таком сне — стол, комната, причина происшествия — скорее всего, окажется совсем другой; но это было бы неважно.) Главное, чтобы ничто не признавалось явно относящимся к будущему, если в нем не было того, что любитель скачек назвал бы «дублем».

Следующим нужно было обдумать необходимость предельного срока. Очевидно, даже сон о стопке шестипенсовиков, соскальзывающей с красной книги, скорее всего, найдет себе пару наяву, если отвести на поиски этой пары всю жизнь. Банковский служащий, пожалуй, дождался бы исполнения и за две недели. Я решил, что принятым пределом будут два дня, но что его можно продлить соразмерно странности и необычности случая. Это было бы делом суждения. Мой сон о бомбардировке Лоустофта, например, приснился примерно за год до события; а позже я расскажу об одном ясном случае, когда образ сна вне всякого сомнения относился к событию, которое произошло лет двадцать спустя.

Раз возможность удовлетворительного опознания должна была зависеть главным образом от необычности случая, хуже всего было бы ставить опыт в пору, когда живешь скучно и каждый день в точности похож на предыдущий. Но и при таких обстоятельствах полезным подспорьем для опыта вполне может стать поход в театр или в кино. (Сразу скажу: совет бесценный.) Можно также ожидать снов о романах, которые еще предстоит прочесть. (Добавлю, что на деле таким путем получаешь одни из лучших результатов.) Но, вообще говоря, лучше выбирать ночи

перед поездкой или перед каким-нибудь другим ожидаемым перерывом в однообразии обстоятельств.

Еще одним мерилом, очевидно, было бы число полученных результатов. Удовлетвориться можно было либо тем, что заранее приснился один очень необычный случай, либо — почти с тем же основанием — тем, что заранее приснилось несколько довольно необычных событий, каждое из которых, будь оно единственным, можно было бы с полным правом приписать на редкость удачному совпадению. Поэтому было решено все результаты, решающие сами по себе, помечать знаком +, а результаты почти решающие, но нуждающиеся в подкреплении другими такими же, — значком, похожим на английскую пасхальную булочку с крестом: ⊕.

Сказанное описывает условия, которые я поставил для проверки, а также те трудности, с которыми я был готов столкнуться. И столкнулся я с ними в изобилии. Но две трудности я не предвидел.

Видящий сон ум — мастер пришивать ложные толкования ко всему, что он воспринимает. Поэтому в записи сна следует отдельно описывать: а) то, как увиденное действительно выглядело, и б) толкование, которое этому виду было дано.

Например, в один из дней проверки мне довелось раздувать мехами огонь в камине, и при этом я ткнул носиком мехов в раскаленную поверхность большого полена, обращенную ко мне. Не знаю, проделывал ли это когда-нибудь читатель, но действие получается поразительное, чтобы не сказать пугающее. Густой ливень ярчайших искр — настоящий фейерверк, как в Хрустальном дворце, — бьет из огня прямо вам в лицо и проносится мимо ушей, так что вы отскакиваете, боясь ослепнуть. Но жара в этих искрах, по-видимому, нет: во всяком случае, одежду они не прожигают. Переживание это самое поразительное и

необычное; и, как нарочно, точно такой же ливень искр пронесся мимо моих ушей во сне предыдущей ночью. Но я не записал непосредственного впечатления сна — просто ливень мелких искр, — а записал вместо него объяснение, которое потом придал этому ливню: будто толпа людей, оказавшихся во сне рядом, бросалась окурками. Следовало записать обе стороны случая из сна: сначала увиденный образ, а потом приданное ему толкование. Так нужно поступать во всех записях.

Вторая трудность требует пристального внимания. Ибо именно здесь я наконец нашел то, что искал, — причину, по которой эта любопытная черта нашего переживания времени умудрилась за все эти века ускользнуть от всеобщего внимания.

Бодрствующий ум наотрез отказывается принять связь между сном и последовавшим событием. Для него эта связь повернута не в ту сторону, и едва она дает себя заметить, как ее тут же отвергают. Бунт рассудка происходит сам собой и необычайно силен. Даже перед лицом неопровержимого свидетельства — письменной записи — хватаешься за любой предлог, лишь бы не признавать. Предлог, за который хватаются почти всегда, — несходство соседних частей сцены или то, что в «интеграции» есть части, которые к случаю не подходят. Разумеется, это нисколько не меняет того факта, что в сцене или интеграции есть части, которые подходят с требуемой точностью.

В итоге, перечитывая запись в конце следующего дня (или двух дней), легко прочесть подряд, не задерживаясь, как раз то, что ищешь, даже не заметив его связи с событием яви. Поэтому читать нужно медленно, часто останавливаясь, чтобы подумать и сравнить прочитанное с событиями дня. Почти во всех случаях, о которых я собираюсь рассказать, связь поначалу лишь мелькала, тут же отвергалась и в конце концов принималась только под

накопившимся весом прежде не замеченных подтверждающих подробностей.

Проще всего избежать этой первоначальной незоркости, если внушить себе, будто записи, которые вы сейчас прочтете, — это записи снов, которые приснятся вам в наступающую ночь, а потом поискать среди событий прошедшего дня такие, которые с полным правом можно счесть причинами этих снов. В этом нет ничего нечестного. Это лишь уловка, помогающая вам *заметить*, а не уловка, помогающая *судить*. Судить вы будете потом, занимаясь тогда одними подтверждающими подробностями и вовсе не думая о порядке во Времени.

Уловка, позволяющая вспомнить забытые сны, совсем проста. Под подушкой держат блокнот и карандаш, и, едва проснувшись, еще прежде, чем открыть глаза, вы принимаетесь вспоминать стремительно ускользающий сон. Как правило, удается припомнить лишь один случай, и он кажется таким смутным, мелким и одиноким, что вы сомневаетесь, стоит ли его записывать. Не пытайтесь, однако, вспомнить что-нибудь еще: сосредоточьте внимание на этом единственном случае и постарайтесь вспомнить его подробности. Мгновенно возвращается большой кусок сна, в котором этот случай произошел. Но важнее другое: вместе с этим куском обычно показывается одинокий случай из предыдущего сна. Ухватите как можно больше таких одиноких случаев, пока не обращая внимания на остальную часть снов, к которым они принадлежали. Затем запишите эти случаи в блокнот как можно короче: на каждый хватит слова-двух.

Теперь возьмите случай номер один. Сосредоточьтесь на нем, пока не вернете часть связанного с ним сюжета сна, и запишите самый краткий набросок этого сюжета. То же проделайте по

очереди с другими записанными случаями. Наконец, возьмите получившуюся сокращенную запись и распишите ее полностью. Отмечайте подробности — как можно больше. Особенно старайтесь там, где случай таков, что, произойди он наяву, он показался бы необычным: именно с событиями такого рода вам вернее всего удастся добыть свидетельство.

Пока не закончите запись, не позволяйте себе думать ни о чем другом.

Не пытайтесь просто запомнить. *Запишите* сон. Проснувшись среди ночи, я не раз старательно заучивал свои предшествующие сны. Но как бы ни был я уверен, что эти воспоминания прочно закреплены, утром я ни разу не находил от них ни клочка. Даже сны, которые я заучивал прямо перед тем, как встать, и повторял про себя, пока одевался, почти всегда улетучивались к концу завтрака.

Разумеется, записать все подробности вы не сможете. На полное описание внешности одного-единственного персонажа сна ушло бы минут десять. Но записывайте общие подробности и все необычные подробности. Остальное запоминайте, перечитывая окончательную запись и внимательно заново представляя себе каждую описанную в ней картину, — чтобы, если одна из этих незаписанных подробностей потом окажется важной, вы могли быть уверены, что вспоминаете ее не впервые.

Если, проснувшись, вы убеждены, что вам вообще ничего не снилось, и не можете припомнить ни одной подробности, бросьте попытки вспомнить сон и сосредоточьтесь вместо этого на том, о чем вы думали в первый миг пробуждения. Вспомнив эту мысль, вы обнаружите, что она была вызвана сном, и этот сон тут же начнет возвращаться.

* * *

В конце каждого дня опыта перечитывайте свои записи с самого начала.

Что примерно вы можете в них найти, описано в следующей главе.

ГЛАВА XI

✦

Рассказ о нижеследующих опытах — повторю еще раз — не научное доказательство, и выдавать его за таковое я не намерен. Это доказательство для меня и отчасти мое оправдание за то, что я взялся печатать эту книгу; но для читателя это, разумеется, не доказательство. Его убеждение должно зависеть либо от убедительности доводов, изложенных в заключительных главах, либо от результатов, которые он, согласно теории, скорее всего получит, если поставит опыт сам — на самом себе.

Лично мне эта охота за образами показалась занятием увлекательным и даже волнующим. Но это был новый вид спорта, и я совершил все промахи, какие только доступны зеленому новичку. Мало того что я откладывал попытку вспомнить сон, пока не пробуду в бодрствовании полминуты или дольше, — я еще и недостаточно ценил значение подробностей в письменных отчетах. Случаи, которые следовало описать в пятидесяти словах, записывались в трех. В итоге, хотя сны дали немало такого, что наводило на мысль о будущих переживаниях, я мог найти мало что, определенно принадлежащее к той или другой половине Времени. Был сон о ливне искр, рассказанный в прошлой главе, и пять несколько более сомнительных результатов. Был один подробно описанный образ, подлинник которого я увидел четыре года спустя; но это лежало за установленными для проверки пределами. Собственно, лишь на одиннадцатый день я получил тот ясный, решающий результат, которого ждал.

В тот день после полудня я охотился в довольно глухой местности. Я был не совсем уверен, где кончаются угодья, на которые я получил разрешение, и вскоре обнаружил себя на земле, где, как я понял, мне, возможно, вовсе нечего было делать. Пока я пересекал ее, я услышал, как двое мужчин кричат на меня с разных сторон. Вдобавок они, похоже, науськивали яростно лающую собаку. Я направился к ближайшим воротам в ограде, стараясь делать вид, будто не замечаю ничего необычного. Крики и лай приближались. Я пошел чуть быстрее и успел проскользнуть в ворота прежде, чем преследователи показались в виду. В целом — крайне неприятный эпизод для впечатлительного человека, и такой, что вполне мог ему присниться.

Перечитывая вечером свои записи, я поначалу ничего не заметил и уже собирался закрыть тетрадь, как вдруг мне бросилась в глаза строчка, написанная несколько бледнее, в самом конце: «За мной гонятся двое мужчин и собака».

И самое поразительное было то, что я начисто забыл, что мне снилось что-либо подобное. Я даже не мог вспомнить, как записывал это.

На двенадцатый день ничего опознаваемого не было, но тринадцатый дал еще один превосходный результат.

Днем я читал роман, в котором один из героев прятался на большом потайном чердаке под крышей старого дома. Позже по ходу повествования ему пришлось бежать из дома, и он ушел с чердака через дымоход.

Сон предыдущей ночи был о большом, таинственном, потайном чердаке, который я обнаружил и с большим интересом обследовал. Чуть позже во сне мне стало нужно бежать из дома, и я решил сделать это через чердак.

На четырнадцатую ночь у меня было четыре результата со значком «булочки» ⊕.

Итог опыта был таков: за две недели мне удалось опознать два решающих случая «эффекта» и шесть таких, которые, хотя по отдельности и не были решающими, едва ли можно было приписать совпадению, если учесть их число. Но самым важным было вот что: ни один из этих случаев вообще не был бы замечен, если бы сны не запоминались и не записывались, а записи не просматривались заново после событий яви.

* * *

Итак, теория, что «эффект» — всего лишь нормальная черта общего отношения Человека ко Времени, но устроенная так, что ускользает от беглого взгляда, — до сих пор отчасти подтвердилась опытом. Но по этой теории «эффект» должен был поддаваться опытному наблюдению у всех остальных точно так же, как у меня. А значит, мне нужно было уговорить кого-то другого поставить такой же опыт.

Одна молодая женщина, которую я назову мисс Б., добродушно согласилась взяться за дело. Я выбрал ее главным образом потому, что она была человеком на редкость нормальным, никогда не имела никаких «психических» переживаний и — это было самое главное — считала, что ей почти никогда ничего не снится. Она даже уверяла меня, что опыт с ней будет бесполезен, так как за всю свою жизнь она видела снов шесть-семь, не больше.

Наутро после первой ночи она пришла ко мне и сказала, что дело совершенно безнадежное. Она пыталась вспомнить свои сны в самый миг пробуждения, но вспоминать было нечего. Тогда я велел ей не трудиться искать воспоминания о снах, а постараться вместо этого вспомнить, о чем она думала в момент пробуждения,

а когда это удастся, попробовать вспомнить, *почему* она об этом думала. Это сработало, как я и знал заранее; и в каждое из следующих шести утр она смогла вспомнить, что ей приснился один короткий сон.

Если считать началом опыта первый сон, то на шестой день она получила следующий результат.

Ожидая поезда на вокзале в Плимуте, она дошла до конца платформы и наткнулась на ворота из пяти или шести жердей, выходившие на дорогу. Когда она подошла к воротам, по ту сторону проходил человек, гнавший трех бурых коров. Палку он держал над коровами каким-то особенным образом — будто удочку.

Во сне она шла по знакомой тропинке и, к своему великому удивлению, обнаружила, что тропинка упирается в ворота из пяти или шести жердей, которым там было совсем не место. Ворота были точь-в-точь как те, что на вокзале, и, когда она подошла к ним, человек с тремя бурыми коровами прошел по ту сторону — в точности как наяву: человек держал палку над коровами на манер удочки, и вся группа располагалась точно так же, как та, которую она видела.

Сон приснился утром накануне события яви.

Смешение «прошлого» образа тропинки с «будущим» образом ворот дало превосходный образец интеграции.

* * *

Затем я попросил попробовать свою кузину, мисс К. Она была уверена, что ничего подобного с ней никогда не случалось, и не сомневалась, что, как правило, снов видит очень мало. Она оказалась превосходной мастерицей возвращать утраченные сны и хорошо замечала подробности. Но поначалу она была очень

слаба в усмотрении связей — даже с прошлыми событиями. Она, например, не могла понять, как сон о прогулке по крышам может быть связан с тем, что накануне мы с ней лазили по крыше бунгало, хотя ни на какой крыше она не бывала уже много лет. Тем не менее на восьмой день она получила следующий первоклассный результат.

Сразу по приезде в одну загородную гостиницу ей рассказали о странной особе, жившей там, которую подозревали все постояльцы, решив, что она немка. (Дело было в последние месяцы войны.) Вскоре после этого она встретила эту особу — в первый раз — в саду гостиницы. Сад этот довольно необычный. Он тянется далеко, в нем множество больших редких деревьев, и всякий, кто не знал бы, что он принадлежит гостинице, непременно принял бы его за городской парк. Предполагаемая немка была одета в черную юбку и блузку в черно-белую полоску, а волосы у нее были гладко зачесаны назад и собраны в «пучок» на макушке.

Сон моей кузины был о том, что в городском парке ей встретилась немка, одетая в черную юбку и блузку в черно-белую полоску, с волосами, гладко зачесанными назад и собранными в «пучок» на макушке. Кузина заподозрила в ней шпионку.

Сон приснился примерно за два дня до события. (Запись не датирована, но была у меня в руках, когда произошло подтверждающее событие.)

Еще раньше по ходу опыта у нее был один почти, но не вполне решающий результат — сон, связанный с новостью из письма, которое она потом получила от подруги.

* * *

Миссис Л., следующая, кто попробовал, получила превосходный результат в первую же ночь. Он относился, однако, к двум разным событиям, случившимся на следующей неделе. Двухдневный предел здесь был превышен, но соответствие было настолько ясным, что результат подпал под правило, позволяющее в исключительных случаях продлевать предел.

События яви касались двух публичных собраний в Корвене. Миссис Л. побывала на одном из них и, рассказывая мне о нем потом, говорила, что удивилась множеству священников, которые словно явились из пустоты и заполнили зал: ей казалось, что в повестке собрания не было ничего, что могло бы особенно занимать Церковь.

На другом собрании она не была. Но там была моя сестра, и она рассказала миссис Л. о том, что видела. Заглянув в дверь, сестра обнаружила, что там идет форменное столпотворение. Она уже собиралась деликатно удалиться, когда председатель, заметив ее, крикнул: «Входите, мисс Данн, и посмотрите, как дерутся у нас, валлийцев!»

Во сне миссис Л. была на публичном собрании, и ее сильно раздражали выкрики священника из публики, который вместо того, чтобы дать собранию заниматься делом, упорно читал что-то вроде проповеди, кончавшейся молитвой. Она возмутилась. Священник откинулся назад так далеко, что коснулся ее. Другой человек из публики толкнул ее в руку. Она встала и, стукнув по столу, воскликнула: «Кто отвечает за поведение публики? Я знаю, что валлийцы печально известны тем, как ведут себя на людях, но здесь я этого не потерплю».

Записав этот сон, миссис Л. совершенно о нем забыла. После второго дня она свою запись не перечитывала и потому пропустила его, когда позже на той же неделе прошли оба

собрания. Лишь случайно я просматривал заметки и обнаружил его.

* * *

Майор Ф., к которому я обратился следующим, принялся за опыт с немалым интересом. Он заметил, что если в этом деле что-то есть, то, может быть, так удастся угадать победителя Дерби. Закончил он в полной уверенности, что я совершенно прав, но, боюсь, и в уверенности, что видящий сон ум толком не понимает своего дела.

Он — довольно известный художник-маринист; на второй день проверки он отправился писать две лодки, которые прежде видел лежащими на берегу. Но оказалось, что одну лодку, заостренную и с носа, и с кормы, со времени его последнего прихода выкрасили в кричащие цвета спасательной шлюпки — красный и синий. Тем не менее он сделал набросок — занятие, требующее, разумеется, долгого и пристального внимания к лодке и ее цветам. Лодка стояла на короткой зеленой траве. Поодаль, на пирсе, попавшем в картину, был еще один длинный красный предмет, несколько похожий на лодку, с чем-то переброшенным через середину. Майор Ф. взял бинокль, чтобы разглядеть, что это такое, и обнаружил, что это сеть.

Связанный с этим образ сна был таков: красно-синяя спасательная шлюпка стоит на зеленой траве, через середину ее переброшена сеть.

Сон этот приснился предыдущей ночью. Майор Ф. поначалу не мог увидеть связи. Он считал, что сходство должно было распространяться и на все остальное в сцене сна, и был разочарован, что этого не было. Тем не менее он продолжил опыт.

На следующий день лил сильный дождь, и мы вдвоем отправились искать укрытое место, откуда можно было бы писать. Мы вошли в небольшой строящийся дом и, найдя вид из нижних окон слишком тесным, приставили лестницу к поперечным балкам недостроенного верхнего этажа и забрались на них. Лестница была довольно необычная: перекладины у нее были квадратные.

Одним из снов майора Ф. в предыдущую ночь был сон о том, что он взбирается по лестнице, которая, казалось, не была приставлена ни к какой стене. Она уходила, так сказать, в пустоту. И перекладины у нее были квадратные. На лестницу он не поднимался уже шесть лет.

Окончательно же убедило его вот что. Ему приснилось, что он пускает игрушечную лодку вместе с маленьким мальчиком, своим подопечным, которому он (на самом деле) подарил это суденышко. Чуть позже ему приснилось, что он видит такую же лодку, но в натуральную величину, без мачт, с парусами, разложенными плашмя на воде. Команда их стирала. Несколько дней спустя он услышал, что его юного друга повели на пруд пускать новую лодку, но тот, вместо того чтобы пускать ее, настоял на том, чтобы снять паруса, разложить их плашмя на воде пруда и отскрести.

Он согласился, что три этих результата, взятые вместе, решают дело.

* * *

Незадолго до этого мой брат написал мне, что «поймал» послевоенную смерть генерала Лемана, бельгийского героя, а развернув за завтраком газету, увидел перед собой это известие.

Моя сестра, как и брат, получила свой результат, не ставя опыта. (Оба, разумеется, теперь были настороже и высматривали «эффект».) Ее свидетельство, однако, лежало в той области знания, где имя миссис Битон, составительницы знаменитой поваренной книги, весит больше имени Ньютона. Здесь я, хоть и невежда, держусь смиренно и потому готов поверить ей на слово, что соответствие событий в этом случае было достаточно подробным, чтобы совершенно исключить совпадение.

ГЛАВА XII

✦

Положение теперь немного прояснилось. Обнаружилось, что «эффект» заметен лишь для наблюдения, нарочно на него направленного, и тем самым вполне объяснялось, почему он не привлек всеобщего внимания. А грубоватый способ, придуманный для того, чтобы сделать его видимым, работал, похоже, вполне исправно. Первоначальная гипотеза об одиночной ненормальности была убита наповал; более того, в свете опыта выходило, что я даже не обладаю какой-то особенно развитой способностью наблюдать «эффект». Другие люди получили свои решающие результаты быстрее меня, и в большинстве случаев эти результаты были яснее.

Итоги опытов наводили на мысль, что людей, способных заметить «эффект» самостоятельно, окажется по меньшей мере так много, что всякая мысль о ненормальности, общей для них всех, станет нелепой, — ведь ненормальность оптом есть противоречие в определении. Более того, если вдобавок принять во внимание, что едва ли не всякому изредка доводилось испытывать то странное чувство, будто «все это уже было», и что большинство людей склонны внезапно вспоминать будто бы забытый сон, потому что (иной причины быть не может) происходит что-то, что им этот сон напоминает (то есть связано с ним ассоциацией), — то становилось достаточно ясно: если ненормальность где-то и есть, то она, вероятно, присуща тем — если такие найдутся, — кто по складу ума лишен возможности наблюдать «эффект». Статистику на этот счет, впрочем, можно

было бы собрать лишь по опытам, поставленным в широком масштабе после выхода книги.

А объяснение тем временем казалось таким же далеким, как прежде.

Беда была в том, что «эффект» был чрезвычайно определенным во всех своих проявлениях. Это было не какое-то широкое, расплывчатое явление, которое можно было бы покрыть каким-нибудь размашистым обобщением (теорией относительности, например, или двумерной теорией Времени); он ощетинился особенностями; он подбрасывал подсказки, которые, словно дорожные указатели, показывали на полдюжины решений — большей частью противоречащих друг другу. И хотя придумать объяснения, которые покрывали бы часть фактов, было легко, найти что-либо, подходящее ко всем ним, было трудно.

В надежде добыть новые данные я снова начал ставить опыты на себе, ближайшей целью было выяснить, есть ли какие-нибудь заметные различия между образами, относящимися к будущему, и образами, относящимися к прошлому. Как оказалось, самое тщательное наблюдение не выявило никаких таких отличительных черт.

Однако по ходу этих новых опытов мне попались три сна особенно поучительного рода, и их, пожалуй, лучше всего коротко описать.

Первый дал довольно ясный пример ассоциативной цепи, идущей от «прошлого» к «будущему». Связующим звеном была мысль о пролитых чернилах, входившая в оба связанных с этим события яви.

Событие яви (1): до сна. — Смотрел, как приятель, сидя за столом, заправляет авторучку, и подумал, что он сейчас прольет чернила.

Событие яви (2): после сна. — Читал французский детективный роман. Сыщик казался на редкость бестолковым, и под конец книги я стал гадать, когда же он проявит хоть какие-то признаки той ловкости, в которую читателя просили поверить.

В развязке он притворился, будто споткнулся, и при этом опрокинул чернила на стол, за которым сидел злодей. Тот, спасая одежду, откинулся на спинку стула, подняв руки над потоком. Тогда сыщик схватил одну его руку и прижал ее сначала к чернилам, а потом к листу промокательной бумаги, получив таким образом отпечатки пальцев. После чего торжествующе изобличил преступника.

Сон: между двумя событиями яви. — Знаменитый сыщик собирался показать нам свое искусство. Мы долго ждали, но он казался совершенно бестолковым. Наконец он притворился, будто споткнулся, и при этом пролил чернила из авторучки на преступника, которого затем торжествующе изобличил.

Второй сон показал похожую ассоциативную цепь, но здесь звено — стрельба по опасному зверю из револьвера — было гораздо яснее.

Событие яви (1): до сна. — Видел снимки экспедиции охотников на львов. Мой брат в то время подумывал присоединиться к такой экспедиции, и я стал размышлять, какие ружья ему взять. Обдумывая достоинства и недостатки разного оружия, вспомнил огромный семизарядный револьвер, виденный мною в оружейной лавке в Париже: эта штука будто бы входила в снаряжение всякого современного охотника на львов. Не без веселья подумал, каково это — охотиться на львов с револьвером.

Событие яви (2): после сна. — Читал «Хэтчуэйз» Этель Сиджвик. Две главы там посвящены случаю с леопардом, сбежавшим из зверинца. Он появляется возле загородного дома, где идет что-то

вроде школьного праздника для детей, и убивает козу. Позже героя спасает от зверя путешественник на покое, который подоспевает в последнюю минуту и убивает зверя двумя выстрелами из одолженного револьвера.

Сон: между двумя событиями яви. — Глядя из окон загородного дома, видел голову и плечи льва, пробиравшегося через пшеничное поле. В округе было известно, что этот лев сбежал из зверинца и что он убил козу. Подумал, попаду ли я в него из окна из своего револьвера, но решил, что слишком далеко. Решил залечь у тропы в пшенице и подождать, пока зверь пройдет обратно. Почувствовал, однако, что предпочел бы быть вооруженным чем-нибудь получше револьвера. Вышел попытаться достать винтовку.

Третий сон дал пример совершенной интеграции, составные части которой относились к впечатлениям, полученным до сна и после него.

Событие яви (1): до сна. — Видел в саду гостиницы, где я жил, днище — без бортов — старой маленькой плоскодонки.

Событие яви (2): после сна. — Сестра уговорила меня пойти с ней на одну из мотоциклетных выставок в «Олимпии», так как ей хотелось услышать мое мнение о небольшом «скутере», который ей приглянулся. Это была аккуратная маленькая машинка под названием «Юнибус», и она совершенно отличалась от прочих скутеров на выставке тем, что была построена по автомобильному образцу — с карданным валом, коробкой передач и прочим. У нее было маленькое сиденье причудливой формы (на всех скутерах, какие мы видели до тех пор, ездили стоя на подножке). Кроме того, у нее был щиток, защищающий дамские платья. Я указал на удобство этой последней особенности и прибавил, что на обычных скутерах она будет ужасно мочить и

пачкать ноги. Когда я это говорил, у меня в голове мелькнуло старое любопытное убеждение: «Это уже было». Зная, что это значит, я взялся за дело и вскоре оживил утраченное воспоминание. Оно принадлежало сну, и, что еще важнее, сну, который я записал. Вернувшись домой, я отыскал заметки и обнаружил, что они были сделаны двумя годами раньше.

Сон: между двумя событиями яви. — Видел сестру: она ехала по улице, сидя в чрезвычайно странной маленькой машине. (Я сделал набросок этой машины — это был попросту «Юнибус» без щитка.) Крикнул ей что-то насчет того, что она промочит ноги. Видел воду на мостовой до уровня низкой овальной площадки.

В заметках сказано, что площадкой этой крохотной машины был тот кусок плоскодонки, который я видел за девять или десять дней до того.

Раз уж мы заговорили о дальних ассоциациях со сном посередине, я, пожалуй, опишу самый совершенный пример такого рода, какой мне только доводилось испытать. Разрыв между сном и будущим событием составил около двадцати лет.

Событие яви (1): до сна. — Мальчиком, лет двенадцати-четырнадцати, я с огромным интересом прочел «Робура-Завоевателя» Жюля Верна. Читатели этой книги, вероятно, помнят иллюстрации, изображающие задуманный автором летательный аппарат. На них был длинный темный корпус примерно с современный «эсминец» и такой же формы, только с тараном на носу. Эта штука, выглядевшая так, будто она по ошибке поднялась с моря в воздух, держалась исключительно тучей крохотных винтов, сидевших на лесе тонких металлических мачт. Никаких крыльев или чего-либо подобного не было.

Событие яви (2): после сна. — Лет двадцать спустя, в 1910 году, я совершил первый решающий полет на первом аэроплане,

обладавшем полной собственной устойчивостью.* Это был довольно волнующий эпизод. Машина оторвалась от земли слишком рано, подпрыгнула, и, когда я собрал разбежавшиеся мысли, оказалось, что она с ревом уходит за границу аэродрома, ровно набирая высоту, твердая, как скала. Поэтому я решил не трогать того, что идет хорошо, и предоставил ей самой о себе заботиться. Так она и делала, пока не заглох мотор (в те дни это обычно случалось минуты через три). Ощущение было совершенно необыкновенное. Машина, как и все аппараты моей конструкции, была бесхвостой и, если смотреть снизу, имела форму широкого наконечника стрелы без древка. Летела она острием вперед, и в этом острие была устроена конструкция вроде открытого (непалубного) каноэ из белого полотна, натянутого на легкий деревянный каркас. Когда сидишь в нем без дела и смотришь через борт на скот, что в панике мечется в трехстах футах внизу, весь основной корпус аэроплана остается далеко позади, вне поля зрения, и создается впечатление, будто плывешь сквозь пустоту в простом открытом каноэ.

* Г-н Л. Гиббс еще раньше уговорил подобную машину моей конструкции оторваться от земли, но тогда полет ограничился несколькими ярдами.

Сон: между двумя событиями яви. — Через несколько дней после того, как я мальчиком прочел книгу Жюля Верна, мне приснилось, что я изобрел летательный аппарат и путешествую на нем в пространстве. Нужно иметь в виду, что я никогда не слышал ни о каком летательном аппарате, кроме огромного металлического «клипера облаков» на винтах, и не представлял себе возможности иного. И все же во сне я сидел в крохотной открытой лодочке, сделанной из какого-то беловатого материала на деревянном каркасе. Я ничем не управлял. И не было видно ничего, что поддерживало бы лодочку.

Добавлю здесь, что похожая на лодку гондола биплана «Данн» была добавлена вовсе не из-за какого-то затаившегося, неосознанного воспоминания о сне. На прежних машинах ничего такого не было. Ее приделали впоследствии, по запоздалому соображению, просто чтобы уменьшить «лобовое сопротивление» летчика: считалось, что это сопротивление в данном месте вредно сказывается на устойчивости аппарата.

Я никогда не забывал этот сон и с усмешкой вспомнил его, когда в 1901 году, будучи в отпуске по болезни с англо-бурской войны, всерьез принялся придумывать какое-нибудь устройство «тяжелее воздуха», которое решило бы великую военную задачу разведки. Но он казался мне вполне естественным сном для мальчика, и тогда я не увидел значения того, как выглядела машина во сне, — да и не мог увидеть, потому что соответствующее конструкторское новшество появилось лишь десять лет спустя. К тому времени я отбросил сон как не имеющий значения, и лишь недавно понял, что подтверждающая подробность — маленькая белая открытая лодочка — относит все целиком к разряду «предвосхищений» «будущего» опыта.

* * *

Если признать, что внимание во сне бродит по ассоциативной сети, не считаясь ни с каким определенным «настоящим», то нет ничего удивительного в том, что оно натыкается на образ, лежащий на много лет «впереди». Именно этого, в сущности, и следовало ожидать, ведь в своем движении «назад» оно часто натыкается на образы, лежащие на много лет «позади».

Но когда дело доходит до подсчета того, в какой пропорции в данном ряде снов находятся образы прошлого и образы будущего, легко ошибиться. Ведь образы, относящиеся к событиям,

лежащим далеко позади, можно опознать и сосчитать, а те, что относятся к событиям, лежащим на таком же расстоянии впереди, опознать нельзя. Поэтому единственный способ свести баланс — ограничить статистику промежутком в несколько дней в ту и другую сторону. Образы, которые одинаково хорошо подходят и к прошлому, и к будущему, — например, образы друзей и повседневных картин, — считать не следует. Образы, по видимости относящиеся к прошлому, нужно подвергать такой же строгой проверке, как и те, что по видимости относятся к будущему, ибо совпадение действует одинаково исправно в обе стороны.

Считая таким образом, я обнаружил, что образов, бесспорно относящихся к ближайшему будущему, примерно столько же, сколько образов, так же бесспорно принадлежащих ближайшему прошлому.

ГЛАВА XIII

✦

Почему только во сне? Этот вопрос преграждал путь всякому продвижению. Любое решение, способное свести Время к чему-то целиком настоящему, требовало, чтобы предобразы были наблюдаемы наяву точно так же, как во сне. Так почему же только во сне?

Мне было бы стыдно признаться, сколько времени прошло, прежде чем я увидел, что, ставя этот вопрос, я заранее принимаю за данность то, что как раз и требовалось доказать. Но едва я это понял, как принялся проверять дело опытом.

Недолгое размышление подсказало, что проще всего взяться за опыт наяву так: взять книгу, которую собираешься прочесть в ближайшие несколько минут, упорно думать о ее заглавии — чтобы начать с мысли, у которой будут ассоциативные связи со всем, что встретится при этом будущем чтении, — а затем ждать, пока в голову по простой ассоциации не начнут приходить обрывки образов.

Очевидно, можно было сберечь много времени, сразу отбрасывая все образы, в которых узнаешь прошлое. Кроме того, раз образы будут восприниматься наяву, в здравом уме и твердой памяти, можно больше полагаться на свои воспоминания о них, чем в случае, когда воспоминания складываются во сне, и тем самым сберечь уйму писанины. Хватило бы краткой заметки о каждом образе.

Первый опыт удался блестяще — пока я не обнаружил, что уже читал эту книгу. Он был любопытен, однако, тем, что показал, с

каким огромным трудом бодрствующий ум освобождается от своих воспоминаний. Большую часть времени я потратил на то, что отбрасывал образы прошлого и начинал заново с умом, сравнительно чистым.

Кроме того, что относилось к книге (уже прочитанной), я получил лишь несколько мыслей, большей частью о Лондоне и о клубах снаружи и изнутри. Единственным исключением было отдельное слово «дерево-нож», которое пришло мне в голову как будто ниоткуда. Немного подумав, я убедился, что ни разу в жизни не встречал такого слова, и записал его.

Дня через два-три после этого я совершенно неожиданно перебрался в Лондон. По приезде я отправился в свой клуб и, не найдя пока занятия получше, пошел в библиотеку, взял недавно вышедший роман и попробовал второй опыт. Результат — ноль. За пятнадцать минут я получил всего восемь образов, которые не принадлежали явно к «прошлой» половине ассоциативной сети. Один из этих восьми относился к охоте на кенгуру в Австралии: всадники и гончие, сломя голову мчащиеся за скачущим зверем. Другой состоял из одного слова — «нарвал». В книге не нашлось ничего подходящего, и вскоре я ее отложил.

Потом я забрел в маленькую внутреннюю библиотеку — превосходное место, чтобы вздремнуть. Я выбрал удобное кресло и для приличия вооружился еще одной книгой — «Книгой меча» Р. Ф. Бертона, открыв ее посередине.

Взгляд мой сразу упал на маленький рисунок древнего кинжала, под которым было подписано: «Нож (дерево)». Тут я выпрямился и стал листать книгу, через минуту вернувшись к одиннадцатой странице. Там я наткнулся на упоминание о бивне нарвала. Читая дальше, я нашел на следующей странице слова:

«„Старик“ кенгуру длинным когтем мощной задней лапы вспорол брюхо не одной стойкой гончей».

Ничего решающего здесь, конечно, не было, но это было именно то наводящее на мысль, но неопределенное, что постоянно попадается в опыте со снами, пока ждешь своего решающего результата. Поэтому я воодушевился и продолжил.

Следующую попытку я сделал с книгой баронессы фон Хуттен «Джулия». Результат — четверть листка почтовой бумаги материала, из которого подошло лишь «розовый дом»: в книге упоминаются «розовые дома». (Недостаточно.)

Для следующего опыта послужили «Ступени Райсмена» Арнольда Беннетта. Я получил всего три строчки материала, но в них были слова «я вправе сказать». Открыв книгу, я нашел в первом же абзаце слова: «Сам человек был явно вправе сказать».

Затем я попробовал с «Домом стрелы» Мейсона. Здесь я изменил порядок действий. Я открыл книгу в начале и нашел имя одного из действующих лиц, стараясь не взглянуть ни на одну другую страницу. Мне казалось, что имя, которое, скорее всего, будет тесно связано со многими событиями повествования, даст лучшее ассоциативное звено, чем одна только мысль о заглавии книги.

Не знаю, знаком ли нынешний читатель с «Домом стрелы», и, если нет, мне очень не хочется портить ему — даже в интересах науки — удовольствие от первоклассного детектива. Поэтому скажу только, что центральный узел всей путаницы — то, на чем держится весь сюжет, — это часы, показывающие половину одиннадцатого. Эта подробность, однако, появляется в повествовании только в середине книги. Действующее лицо, которое я выбрал на первых страницах в качестве ассоциативного звена, сопровождало сыщика на протяжении всего его

расследования. Когда я сосредоточил внимание на этом лице, первым образом, который я увидел и записал, оказались часы, показывающие половину одиннадцатого.

С книгой лорда Дансени «Дочь короля Эльфландии» я получил: «Длинные хрустальные утесы смотрят на темное море. Над этим морем пляшут светлячки». Неплохое описание ночной сцены, изображенной в книге, где длинные хрустальные утесы глядят вниз на подернутую туманом равнину, над которой пляшут, приближаются и удаляются огни Эльфландии.

Затем я попробовал с одной книгой Снайта, взяв ассоциативным звеном имя героини. Здесь я потерпел полную неудачу. Но посреди этого опыта мне явился один очень любопытный образ.

Это был зонтик с совершенно гладкой прямой ручкой — просто тонким продолжением основной трости, примерно того же вида и размера, что и часть, торчащая с конца, где наконечник. Этот зонтик, сложенный, стоял без опоры вверх ногами, ручкой на тротуаре, прямо перед гостиницей «Пикадилли».

На следующий день мне довелось проезжать там в автобусе. Незадолго до гостиницы я заметил крайне чудаковатую фигуру, шедшую по тротуару в ту же сторону, по той же стороне улицы, где гостиница. Это была старая дама в причудливом черном наряде самого раннего викторианского образца — в капоре и всем прочем. Она несла зонтик, у которого ручка была просто гладким, тонким, неполированным продолжением основной трости, примерно того же вида и размера, что и часть, торчащая с конца, где наконечник. Этим зонтиком — сложенным, разумеется, — она пользовалась как тростью, держа его, как паломник держит посох. Но держала она его вверх ногами. Она держалась за конец с наконечником и шагала к гостинице, стуча ручкой по тротуару.

Едва ли нужно говорить, что ни разу в жизни я не видел, чтобы кто-нибудь так обращался с зонтиком.

* * *

Эти опыты показали мне, что, если суметь удержать внимание на задаче, «эффект» можно наблюдать наяву так же легко, как во сне. Но удержать внимание — дело нелегкое. Правда, никакой особой способности оно не требует, но требует большой привычки управлять воображением. Поэтому тому, кто желает лишь убедиться в существовании «эффекта», я посоветовал бы опыт с записью снов, а не попытку наяву.

Но для изучения задачи опыт наяву ценен особо, потому что можно проследить многое из того, что делает твой ум. Кроме того, тут нет сюжета сна, который запутывал бы дело.

Сам я пользовался этим опытом главным образом для того, чтобы искать преграду — если она есть, — отделяющую наше знание прошлого от нашего знания будущего. И странно было то, что никакой такой преграды, казалось, нет вовсе. Нужно было лишь остановить всякое явное думание о прошлом, и будущее становилось видимым разрозненными вспышками. (Ибо, каким бы трудным и хлопотным ни был этот процесс, в конечном счете он сводился именно к этому.) И все же, если пытаться проследить «цепь памяти» от прошлого к будущему, приходишь не столько к сопротивляющейся преграде, сколько к полной пустоте. Более того (это я обнаружил отдельным опытом), если позволить вниманию перейти от рассматриваемого образа к другому, явно с ним связанному, то остаешься, так сказать, в «прошлой» части сети. Там внимание было совершенно у себя дома. Связанные образы следовали друг за другом быстро и легко; внимание бежало все дальше и дальше без заметного усилия и усталости.

Лишь когда отбрасываешь явные ассоциации с последним образом и дожидаешься, пока его место займет что-то по видимости несвязанное, внимание получает возможность проскользнуть через разделительную черту.

ГЛАВА XIV

✦

Остается описать еще один сон. Пусть он, может быть, и не вполне решающий, но был так близок к этому, что с ним пришлось всерьез считаться. А поскольку, если он действительно относился к будущему, его никак нельзя было уложить в то решение, которому я в то время отдавал предпочтение, он заставил меня бросить работу в этом направлении и вернуться к прежней теории. И это, как выяснилось, было большой удачей.

Наутро после этого сна я, одеваясь, следовал за длинной вереницей воспоминаний о школьных годах — вереницей, которая в совершенно логической последовательности привела к воспоминанию о происшествии с осой. Мальчиком я боялся этих насекомых до ужаса и с трудом мог заставить себя оставаться в одной комнате с осой. Представьте же мой ужас, когда однажды за едой, в комнате с открытым окном, влетела большая оса, подлетела ко мне, села мне на шею и принялась ползать кругом глубоко под моим итонским воротничком. Я сидел белый как скатерть, а учитель заклинал меня — совершенно напрасно — не шевелиться. До сих пор помню жуткое ощущение мягких, едва ощутимых прогулок насекомого. И вот сорок четыре года спустя, в то самое утро, когда цепочка мыслей привела меня к этому давнему воспоминанию, я попытался вспомнить, каково это — чувствовать ползающие лапки. Как раз в этот момент я причесывался; гребень зацепился в определенном месте на макушке, и мне тотчас вспомнился сон прошлой ночи. Мне снилось именно это ощущение — что-то цепляется за волосы в

этой самой точке головы; я был уверен, что там ползает оса, и звал спутника, чтобы он ее снял.

Если допустить, что это был сон-предвосхищение — случай «эффекта», — то перед нами следующие факты.

Одновременное представление сознанию чувственного впечатления от гребня в волосах и образа памяти — ощущения от лапок осы — было вполне простым примером того, как образуется ассоциация «по смежности». А еще до того, как эта ассоциация образовалась, она была представлена во сне в виде интеграции.

Весьма изящная смесь переживаний.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА XV

✦

Прежде чем браться за поиски объяснения, пожалуй, стоит бегло взглянуть, что именно нам предстоит объяснить.

Прежде всего, конечно, сам «эффект» — кажущийся беспорядок представлений во времени. Действительный порядок переживаний, такой, какой можно было бы записать в дневник, выглядит так:

a′ — предварительное представление A.

a″ — повторное представление (воспоминание) a′.

A — представление.

a — повторное представление A.

Если принять свидетельство сна, описанного в прошлой главе, дело в одном отношении усложняется: похоже, что A в этом списке может быть любым сочетанием представлений.

Далее нам предстоит рассмотреть следующее. Увидев образ будущего переживания, экспериментатор берет карандаш и бумагу и записывает подробности замеченного предварительного образа или даже зарисовывает их. Делая это, он совершает вполне определенное физическое действие. Но это действие он никогда бы не совершил, если бы не увидел этого предварительного образа. Иными словами, он вмешивается в ту самую последовательность механических событий, которую мы полагаем становым хребтом теорий «сознательного автомата», или материалистических теорий.

Это неприкрытое «вмешательство». Но из него следует и нечто большее. Эти будущие события во всяком случае достаточно

реальны, чтобы их можно было пережить как предварительные представления; и все же — поскольку, как мы только что видели, наблюдатель может изменить свои поступки, увидев их заранее, — это события, которые теоретически можно и предотвратить. Должны ли мы тогда сказать, что они реальны лишь отчасти — менее реальны, например, чем события прошлые? Это еще один вопрос, на который должно ответить наше объяснение.

Кроме того, эта способность наблюдателя вмешиваться в ход мозговых событий поднимает вопрос о «свободе воли». Наше решение должно будет дать на этот счет удовлетворительный ответ.

Наконец, совершенно необходимо, чтобы объяснение не противоречило уже известным фактам психологии и психофизики. А среди этих фактов есть такие, что сильно сужают простор для допустимых догадок. Со стороны психической это факт, на котором мы останавливались в главе XIII: «цепь» памяти не тянется в «будущее». Она обрывается в «настоящем». Со стороны психофизической — все, что входит в обычные доводы в пользу параллелизма, и в особенности известный факт, что сотрясение мозга, по-видимому, уничтожает или парализует недавно сложившиеся воспоминания. Тут, без сомнения, затронуто нечто большее, чем простой «двигательный навык»: во всем, что касается событий, непосредственно предшествовавших травме, ум пострадавшего, судя по всему, — совершенно чистый лист.

ГЛАВА XVI

✦

Стоит отметить, что теория относительности допускает «заглядывание вперед» во Времени — в том смысле, что событие, будущее для Джонса, может быть настоящим для Брауна. Но она не допускает, чтобы событие из более отдаленного будущего Джонса явилось Джонсу за день-другой до события из его более близкого будущего. А в этом-то и состоит наша задача.

* * *

Нужно помнить, что материальные следы указывают только на прошлое — во всяком случае, на прошлое того предмета, на котором они запечатлены. Если, осматривая мишень в какой-то момент, вы замечаете в ее углу круглую пробоину, вы можете заключить, что в этом месте ее прошила пуля. Но нигде мишень не даст вам ни малейшего указания на то, что сейчас в ней появится еще одна пробоина — скажем, в полудюйме от центра яблочка. Правда, при полном знании всех механических движений, происходивших в этой части вселенной в момент вашего осмотра, вы, будь вы наделены каким-то высшим разумом, могли бы вывести, что вскоре пуля попадет в яблочко именно в этой точке. Но это значит запутать вопрос. Это значит привлечь множество указаний, посторонних тому единственному, которое мы рассматриваем, — состоянию мишени. А это состояние не говорит ничего о грядущей пробоине. Оно настолько немногословно, что, составляя свое пророчество, вы оставили бы вопрос о нынешних повреждениях мишени или их отсутствии вовсе без внимания: на

ваше решение он никак не мог бы повлиять. Мишень не содержит никакой «записи» о собственном будущем — указания, которыми вы пользуетесь, находятся, по сути, где угодно, только не на этой поверхности.

Зато пробитый угол мишени — это запись прошлой истории мишени; и именно из этой записи, а не из знания того, что в точности происходило во всей этой части вселенной в какой-то более ранний момент Времени, вы выводите, что пуля в нее уже попадала.

Пробоины в мишени указывают на будущее в том смысле, что они свидетельствуют о направлениях, в которых могут лететь пули, а значит, и о том, что может случиться с пулеулавливающим валом за мишенью; но они не указывают на будущие пробоины в самой мишени.

Так вот, мозг — орган материальный, и состояние мозга в любой данный миг указывает на то, что внешний мир представит этому мозгу в будущем, ничуть не больше, чем состояние нашей мишени указывает, куда ударит следующая пуля и ударит ли в нее вообще новая пуля.

ГЛАВА XVII

✦

Смеяться над метафизикой «простого человека» никогда не бывает вполне безопасно. Основные представления, закрепившиеся в общем языке, не могут быть совсем уж глупыми или беспочвенными. Ведь такое освящение означает по меньшей мере, что эти представления выдержали испытание многих веков и принимались без колебаний повсюду, куда только проникала речь.

К тому же простой человек — это, в конце концов, Homo sapiens и первооткрыватель Времени. Именно от него, и только от него, наука получила этот взгляд на существование.

Его выводы о природе своего открытия были, по-видимому, весьма решительны в частностях, хотя и несколько неуверенны в обобщении. Его мысль состояла в том, что события во времени связаны с движением в четвертом измерении.

Разумеется, четвертым измерением он его не называл — его словарь едва ли это позволял, — но был совершенно убежден:

1. Что Время имеет протяженность, делимую на «прошлое» и «будущее».

2. Что эта протяженность не простирается ни в каком известном ему Пространстве. Она тянулась не с севера на юг, не с востока на запад и не сверху вниз, а в направлении, отличном от всех трех, — то есть в четвертом направлении.

3. Что ни прошлое, ни будущее не наблюдаемы. Все наблюдаемые явления лежали в поле, расположенном в единственном «мгновении» протяженности Времени, —

мгновении, отделяющем прошлое от будущего, которое он назвал «настоящим».

4. Что это «настоящее» поле наблюдения каким-то странным образом двигалось вдоль протяженности Времени, так что события, бывшие сначала в будущем, становились настоящими, а затем прошлыми. Прошлое, таким образом, постоянно росло. Это движение он назвал «течением» Времени.

Здесь есть одно обстоятельство, которое стоит отметить, — обстоятельство, которое нам позже придется обсудить подробнее. Если вглядеться в последний пункт, видно, что многие его слова относятся к другому Времени, а не к тому протяжению Времени, по которому, как предполагалось, движется «настоящее» поле наблюдения. Это, пожалуй, легче будет заметить, если повторить пункт, выделив эти слова курсивом.

4. Что это «настоящее» поле наблюдения каким-то странным образом *двигалось* вдоль протяженности Времени, так что события, бывшие *сначала* в будущем, *становились* настоящими, а *затем* прошлыми. Прошлое, *таким образом, постоянно росло*.

Эти ссылки на своего рода Время за Временем — законное следствие того, что мы начали с гипотезы о движении вдоль протяженности Времени. Ведь движение во Времени должно иметь продолжительность, которую можно отмерить. Если движущийся элемент находится сразу повсюду на протяжении Времени, то он не движется. Но Время, которым отмеряется это движение, — уже другое Время. А «течение» этого Времени должно отмеряться третьим Временем. И так до бесконечности.* Почти наверняка именно потому, что наш первооткрыватель смутно разглядел этот бесконечный ряд Времен, из которых одно, так сказать, объемлет другое, он и отказался от дальнейшего разбора.

[*] Это, разумеется, уже отмечалось прежде — как коренное возражение против ньютоновской идеи текущего Времени.

Но он держался двух своих главных понятий — протяженности Времени и движения во Времени. И придумал особые выражения, чтобы передавать своим прекрасно понимавшим его товарищам эти две весьма практичные и полезные мысли. Он говорил о «долгом» и «коротком» Времени (и никогда — о широком или узком). Он говорил о «далеком» прошлом и «близком» будущем. Он говорил: «когда настанет завтра» и «когда я доживу до таких-то лет». В минуты поэтического настроения он утверждал, что Время «летит» и что годы «катятся мимо»; он писал о «жизненном пути» и о жизни «изо дня в день».

Это общее представление о Времени он изобразил в символах несколькими способами; полнее всего, пожалуй, — в нотных листах для фортепиано. На них измерение, идущее по странице вверх и вниз, представляло Пространство, и промежутки, отмеренные в этом направлении, представляли расстояния вдоль клавиатуры инструмента; а измерение, идущее поперек страницы, из стороны в сторону, представляло протяженность Времени, и промежутки, отмеренные в этом направлении, обозначали длительность нот и пауз между ними. Но этим символ не исчерпывался. Пока что страница представляла лишь то, что мы сегодня назвали бы «пространственно-временным континуумом». Чтобы символ был полным, предполагалось, что взгляд исполнителя будет двигаться слева направо вдоль этого образца измерения Времени и что записанные аккорды прозвучат в тот миг, когда до них дойдет эта движущаяся точка, изображающая движущееся «настоящее».

В другом случае измерение Времени изображалось окружностью, и эта длина делилась на части, представлявшие

отрезки Времени. Но одного этого было мало, чтобы передать его представление о Времени. Не хватало движущегося «настоящего». Тогда он добавил стрелку, изображающую это «настоящее», и заставил ее двигаться по символическому измерению Времени с помощью механизма. Все это устройство стало тогда не только символом, но и настоящей действующей моделью Времени, каким он его себе представлял. Это было чрезвычайно полезное изобретение; и он назвал его «часами».

Так вот, циферблат без стрелок; нотный лист, который велит сыграть все аккорды разом, одним оглушительным ударом; и представление о протяженности Времени, каждая часть которой одинаково присутствует перед наблюдателем длиной в семьдесят лет, — эти три вещи для простого человека совершенно равноценны.

Ибо он не стал бы представлять себе Время протяженным (или заключать, что Время имеет протяженность) без очень веской и совершенно настоятельной причины. И причина эта ничуть не скрыта и не темна. Все мы воспринимаем явления упорядоченными двояко. Одни кажутся просто разделенными в Пространстве, другие — «следующими друг за другом». Это различие «дано»; оно есть; оно стоит перед нами, что бы мы ни делали и как бы ни думали. Мы, должно быть, представили или восприняли Время протяженным лишь как неотъемлемую часть попытки объяснить эту видимую последовательность явлений. А значит, столь же неотъемлемой частью этой попытки было то, что протяженность Времени понималась как протяженность, по которой движутся, — измерение, в котором мы перемещаемся от секунды к секунде, от часа к часу, от года к году и так встречаем разделенные Временем события одно за другим, точно так же, как в земных странствиях встречаем на пути предметы. Исходное

понятие должно было явиться как единое — понятие протяженности, по которой движутся. Чтобы понять, что две составляющие этого сложного понятия — протяженность Времени и движение во Времени — могут иметь какую-то ценность для анализа, если рассматривать их совершенно порознь, требуется куда более развитая способность рассуждать.

Лишь в сравнительно недавние годы, по-видимому, кому-то пришло в голову, что воображаемое, но так и не получившее имени четвертое измерение простого человека может оказаться «настоящим» четвертым измерением, сродни любому из трех измерений Пространства. Д'Аламбер (1754) писал о своем друге, которому пришла эта мысль.* Но самый ранний печатный трактат на эту тему, какой мне удалось найти, — это брошюра Ч. Г. Хинтона «Что такое четвертое измерение?», изданная в 1887 году.

---

* Этим сведением я обязан г-ну Эдвину Слоссону.

Хинтон описал небольшую модель — систему линий, наклоненных в разные стороны, но, как предполагается, жестко скрепленных с общей рамой. Если эту раму с ее неподвижными наклонными линиями медленно опускать сквозь жидкую плоскость, лежащую под прямым углом к направлению движения, то «в плоскости появится множество движущихся точек, числом равных числу прямых линий в системе». Если заменить линии сплошными нитями вещества, то эти движущиеся точки (сечения нитей) казались бы движущимися атомами вещества воображаемому двумерному существу, которое обитает в жидкой плоскости и считает ее всем существующим Пространством. Подобные же соображения были бы верны и для устройства из четырехмерных нитей вещества, проходящих сквозь трехмерное Пространство. «Прими мы такую мысль, нам пришлось бы вообразить некое грандиозное целое, в котором *все, что когда-*

либо возникло или возникнет, сосуществует и которое, медленно проходя, оставляет в нашем мерцающем сознании, ограниченном узким пространством и единственным мгновением, бурную летопись перемен и превратностей, существующих лишь для нас».

Курсив мой.

Читателям, не привыкшим представлять себе геометрические фигуры, описание Хинтона может показаться трудноватым. Поэтому, пожалуй, стоит изложить ту же мысль в несколько более простом виде и пояснить ее чертежом. Но прежде не помешает сказать слово-другое о временных диаграммах вообще.

Измерение — это не линия. Это любой способ, которым можно измерять вещь и который совершенно отличен от всех прочих способов. В геометрии мы измеряем основополагающую вещь, называемую «Протяженностью», — вещь, которая есть попросту формальная противоположность небытию. Оказывается, если взяться измерять ее способами, каждый из которых кажется совершенно отличным от всех остальных, то эти способы непременно предстанут перед нами расположенными под прямым углом друг к другу. Так, если для начала мы примем за один способ (одно измерение) направление с севера на юг, то за другой можем принять направление с востока на запад, потому что расстояния с востока на запад можно отмерять, ни на шаг не сдвигаясь к северу или к югу. Третий способ мерить, не затрагивая двух первых, — вверх и вниз. Если Время имеет длину — а длина и есть протяженность, — то Время дает нам четвертый способ, ибо мы могли бы мерить вдоль Времени, не двигаясь ни в одном из уже названных измерений. Пятый способ… но для других способов у нас пока нет названий. А ведь теоретически таких способов может быть неограниченное число, каждый — под прямым углом ко всем остальным. Математикам ничего не стоит

рассматривать десять. Но наглядно представить себе больше трех сразу мы не можем, потому что наши тела и мозг — машины, не приспособленные работать более чем в трех измерениях.

Когда дело доходит до чертежей, мы ограничены двумя измерениями, в которых простирается бумага, — вверх-вниз и из стороны в сторону. Но этими двумя измерениями мы можем изображать любые два измерения, какие пожелаем, — например, четвертое и пятое или первое и воображаемое сотое, — потому что, какие бы два измерения мы ни выбрали, они должны быть под прямым углом друг к другу точно так же, как измерения бумаги. Таким образом, мы можем сказать, что одно измерение бумаги изображает Время, а другое — одно из измерений Пространства, и так чертить диаграммы, показывающие отношение действительного Времени к этому измерению Пространства. Ведь если Время действительно протяженно (имеет длину), то такую диаграмму можно было бы расположить именно так — в плоскости, простирающейся в одну сторону во Времени, а в другую — в Пространстве.

А как же остальные два измерения Пространства? Что ж, одно из них можно считать выступающим под прямым углом к плоскости бумаги и даже, если угодно, показать в перспективе. Другое же нельзя ни показать, ни даже вообразить. Вы просто знаете, что его следует считать простирающимся под прямым углом к трем другим. Но в простейших временных диаграммах разбираются задачи, где рассматривать больше одного-двух измерений Пространства незачем.

На нашей диаграмме мы будем считать, что измерение бумаги из стороны в сторону изображает Время, а измерение вверх-вниз — Пространство. Чтобы ни один читатель ни в коем случае не спутал измерение с линией, я предлагаю ставить в углу рисунка

маленький указатель измерений — так же, как картограф ставит в углу карты маленькую схему сторон света. Время будет обозначено буквой T, а Пространство — буквой S.

Вот, значит, мысль Хинтона, изображенная в двух измерениях, но с линиями несколько более разнообразного вида, чем те, что рассматривал он.

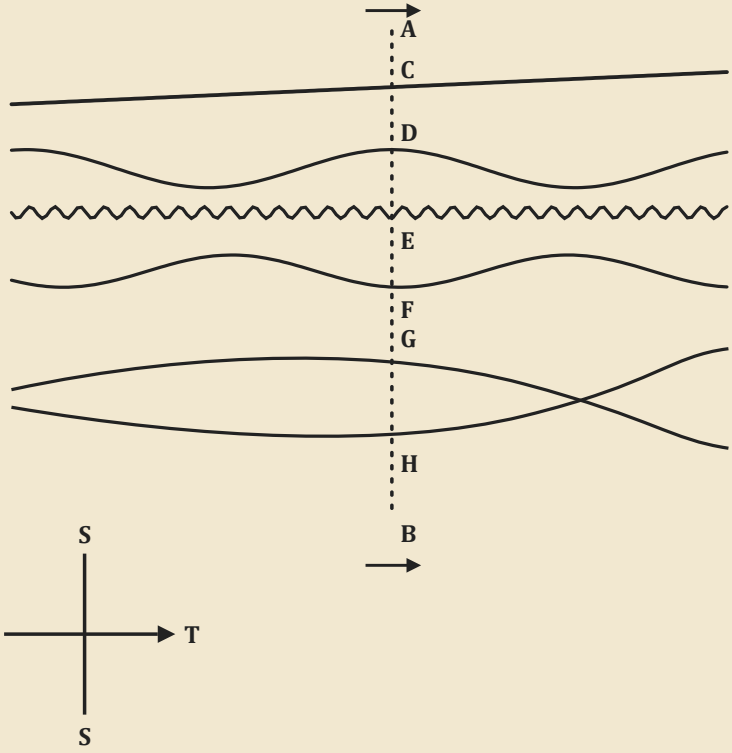

Рис. 1

Сплошные линии изображают материальные нити, простирающиеся (длящиеся) во Времени. Если рассмотреть любую из этих линий, вы заметите, что составляющие ее точки

расположены в разных местах Пространства (на разной высоте страницы) в разные моменты Времени (на разном расстоянии от поля). Пунктирная линия AB изображает сечение того, что Хинтон назвал «жидкой плоскостью» (остальную ее часть можно вообразить выступающей под прямым углом к бумаге, хотя в этом нет никакой нужды). Острие стрелки у буквы T в маленьком указателе измерений показывает, что AB следует считать движущейся, не наклоняясь ни в ту, ни в другую сторону, прямо вдоль измерения Времени. Стрелки вверху и внизу движущейся линии нужны лишь для того, чтобы подкрепить эту мысль. В последующих диаграммах они, как правило, будут опущены.

Если бы AB двигалась так, то маленькие кусочки сплошных линий в местах, где их пересекает AB, — в C, D, E, F, G и H — казались бы движущимися либо к A, либо к B, то есть движущимися в Пространстве. (Если прорезать в листке бумаги тонкую щель, изображающую AB, положить его на рисунок щелью параллельно AB и затем сдвигать листок в направлении стрелки, вы очень отчетливо увидите эти кажущиеся движения.)

Существо, чье поле наблюдения было бы так ограничено линией AB, воспринимало бы, следовательно, маленький мир движущихся частиц. Но мы с вами, чье поле наблюдения охватывает всю диаграмму, видим, что на самом деле пересеченные кусочки сплошных линий по странице не движутся: просто сечения линий перемещаются, когда наш взгляд следует за движением AB. И единственное, что, как нам кажется, действительно движется по странице, — это линия AB.

Итак, согласно теории Хинтона, существо, способное видеть протяженность Времени так же, как протяженность Пространства, считало бы частицы нашего трехмерного мира просто сечениями неподвижных материальных нитей, простирающихся в четвертом

измерении, и полагало бы, что единственное во всем Космосе, что действительно движется, — это то трехмерное поле наблюдения, которое мы называем «настоящим моментом».

Хинтон, таким образом, допускает, что прошлое и будущее «сосуществуют» и что наш опыт перемен вызван относительным движением между этой протяженностью Времени и тем «узким пространством и единственным мгновением», которое и есть настоящее. Но он умалчивает о том, что такое относительное движение должно занимать время.

Как вклад в предмет изложение Хинтона было замечательным: оно ясно показало, какую роль должно играть вещество в любом тщательном истолковании смутной мысли простого человека. По Хинтону, вещество, представленное его «нитями», простирается в измерении Времени.

Простой человек никогда не доводил свой анализ до этой точки. Ему кажется необходимым, чтобы во Времени что-то двигалось; но нет никаких признаков того, что он когда-либо понимал, какая огромная разница была бы между (а) системой, в которой его трехмерное поле наблюдения движется сквозь неподвижный мир четырехмерного вещества, и (б) системой, в которой он вместе с трехмерным материальным миром движется целиком, *en bloc*, сквозь пустоту.

Второе понятие, разумеется, вовсе лишено смысла. Можно даже сказать, что его принятие и составляет великое Заблуждение о Времени. Движение вселенной как целого сквозь тысячу таких лишенных всяких примет измерений не могло бы ни в малейшей степени изменить того, что происходит в этой вселенной: оно не могло бы объяснить или обосновать никакое явление, временное или какое угодно. Не было бы ни одной перемены, ни одного переживания последовательности, которые

не были бы столь же явны и без этого предполагаемого движения. И понятие о таком движении ничего не прибавило бы и ничего не отняло бы ни у одного из понятий, какие вы можете иметь, не думая о таком движении.

Тот, кто позволяет себе незаметно соскользнуть с исходного понятия о заполненном Времени — измерении, в котором он переходит от события к событию, — и начинает держать в уме вместо него бессмысленную мысль о своем путешествии сквозь пустой и бездейственный континуум, редко успевает далеко продвинуться в размышлениях, прежде чем, заметив нелепость своей новой мысли, решит, что «никакого Времени не существует».

ГЛАВА XVIII

✦

Для Хинтона между измерением Времени и измерениями Пространства не было качественной разницы. Он исходил из четырех измерений Протяженности, в основе своей одинаковых, и задача его состояла в том, чтобы понять, почему человек считает одно из них особо отличным от всех остальных. Ответ он нашел в мысли о трехмерном поле наблюдения, движущемся вверх по четырехмерному блоку. Это, заметим, делало видимое измерение Времени одинаковым для всех наблюдателей, как бы ни были наклонены во всей протяженности измерений пучки материальных нитей, изображающие их тела. Его движущееся поле было бы, таким образом, составной частью вселенной, существующей независимо от существования какого-либо отдельного наблюдателя.

Г-н Г. Дж. Уэллс держался несколько иного взгляда. В «Машине времени», вышедшей семью годами позже, он устами одного из своих героев изложил свое мнение с ясностью и краткостью, которые редко, если вообще когда-нибудь, были превзойдены.

Он начинает с того, что настаивает: Время необходимо считать четвертым измерением. (Хинтон этого не понимал.) Это один из способов, которыми должно измеряться вещество.

> «Не может быть такой вещи, как мгновенный куб… всякое реальное тело должно иметь Длину, Ширину, Толщину и… Длительность».

Вещество, таким образом, и для него, как для Хинтона, простирается (длится) во Времени.

> «Вот, например, портрет человека в восемь лет, другой — в пятнадцать, третий — в семнадцать, еще один — в двадцать три, и так далее. Все это, очевидно, как бы сечения, трехмерные изображения его четырехмерного существа, которое есть вещь неподвижная и неизменная».

(Портреты эти пришлось бы делать скульптурными, трехмерными фигурами. Но смысл ясен.)

Он снова и снова подчеркивал, что между измерением Времени и измерением Пространства нет качественной разницы. Различие есть кажущееся, его проводит наблюдатель; но если оставить наблюдателя в стороне, никакого различия нет.

> «На самом деле есть четыре измерения, три из которых мы называем тремя плоскостями Пространства, а четвертое — Временем. Есть, однако, склонность проводить ложное различие между первыми тремя и последним, потому что наше сознание, так уж вышло, движется прерывисто в одном направлении вдоль последнего от начала до конца нашей жизни».

Немного дальше он называет движущиеся во Времени элементы «нашими умственными существованиями». Обратите внимание на множественное число. Нет никакого всеобъемлющего движущегося слоя, заполняющего Пространство между разными наблюдателями, а есть множество «умственных существований», по одному на каждого наблюдателя, и только их движение определяет, какое измерение есть Время.

Так вот, это утверждение подразумевает нечто, о чем Уэллс особо не упомянул. Каждое такое умственное существование было бы сосредоточено в мозгу соответствующего наблюдателя или

около него и потому в своем движении непременно следовало бы за тем пучком неподвижных линий в четырехмерной протяженности, который изображает этот мозг. Следовательно, если бы именно движение «умственного существования» заставляло наблюдателя проводить искусственное различие между Временем и Пространством, то каждый наблюдатель считал бы, что Время простирается в том направлении, в котором тянется линия его тела. Отсюда следовало бы, что линия его тела казалась бы ему идущей прямо вверх по этому его измерению Времени, а не изгибающейся туда-сюда в Пространстве, — то есть, сидя в вагоне поезда, он казался бы самому себе (пока не начал бы об этом размышлять) неподвижным.

Более того, линии тел разных наблюдателей никогда не бывают параллельны. Наши тела не остаются в Пространстве на неизменном расстоянии друг от друга. Поэтому разные наблюдатели держались бы несколько различных мнений о верных направлениях измерений Времени и Пространства.

В остальном заметим, что Уэллс, как и Хинтон, не упоминает о том, что все, что движется во Времени, должно затрачивать на свое движение время.

«Теория относительности» — это частная теория, привитая к общей теории вселенных с измерением времени. Поэтому ее жизнь или гибель не может повлиять на верность этой общей теории.

Релятивисты в точности обратили порядок, которому следовали приверженцы измерения времени в девятнадцатом веке. Некоторые видимые несообразности в некоторых оптических опытах привели Эйнштейна к тому, что он впервые в истории высказал мысль, что разные люди могут по-разному судить и о Времени (показываемом часами), и о Пространстве

(измеряемом линейками). Из этого Минковский вывел существование четырехмерной протяженности, в которой нет качественного различия между измерениями, а есть лишь кажущееся различие: каждый наблюдатель считает, что Время простирается в направлении его собственной, кажущейся прямой линии тела.

Но теория Эйнштейна включает и еще одно предположение — такое, которое, к сожалению, уводит предмет в области, во многом недоступные пониманию простого человека. Эта протяженность «Пространства-Времени», как утверждается, не «плоская», а «искривленная».

Ни одно из этих релятивистских добавлений не имеет решающего влияния на более широкое учение, которым мы будем заниматься в этой книге, — учение, относящееся к теории измерения времени вообще, — и читатель может принимать или отвергать учение Эйнштейна, не обязываясь ни соглашаться, ни не соглашаться с чем-либо на следующих страницах.

Протяжения объектов, протяженных во Времени, в теории относительности обычно называют «мировыми линиями», но иногда говорят о них как о «путях». «Отдельный человек, — говорит профессор Эддингтон*, — это четырехмерный объект сильно вытянутой формы; обычным языком мы сказали бы, что он имеет значительную протяженность во времени и ничтожную протяженность в пространстве. Практически его изображает линия — его путь сквозь мир». Добавление этих последних слов к в остальном совершенно законченному утверждению может показаться читателю чем-то вроде «увиливания» — как может линия быть одновременно и наблюдателем, и путем наблюдателя? Но Эддингтон немного дальше старается прояснить свой взгляд. «„Путь“ (надо полагать, физического)

наблюдателя *есть сам этот наблюдатель*». Курсив принадлежит самому Эддингтону. И еще, ниже на той же странице, он замечает: «Природное тело простирается во времени так же, как в пространстве, и потому четырехмерно».

---

[*] «Пространство, время и тяготение», с. 57.

Это кажется достаточно ясным. Для всякого определенного наблюдателя, созерцающего такую систему неподвижных объективных линий, видимость движения в измерениях, изображающих Пространство, могла бы возникать, как в модели Хинтона, от действительного движения вдоль «пути» наблюдателя некоего поля наблюдения, расположенного, по-видимому, под прямым углом к измерению, изображающему Время. Но предположить нечто подобное значило бы намекнуть, что это движущееся во Времени поле наблюдения принадлежит психическому наблюдателю. Ведь физический наблюдатель уже определен как пройденный «путь».

Так вот, релятивисту и без того приходится отстаивать очень трудное дело, и ему вовсе не хочется обременять себя еще и психическим наблюдателем. С другой стороны, он не хочет делать вид, будто не замечает того факта, что мы наблюдаем события одно за другим. Именно это затруднение толкает его к утверждению, которое, видимо, задумано так, чтобы ни к чему не обязывать. Говорится, что «наблюдатель» движется вдоль своего «пути», а читателю предоставляется выводить из этого что ему угодно.

К несчастью, однако, читателю обычно позволяли заключить, что под «наблюдателем» понимается физический прибор, неорганический или органический. Так что его едва ли можно винить, если он полагает, что ему предлагают понимать «путь»

как нечто образованное лишь особыми искривлениями релятивистского «Пространства-Времени», а физические части тела наблюдателя — как движущиеся по этим путям и оставляющие их пустыми впереди и позади себя.

Если же он заявит, что таково учение теории относительности, ему ответят, что путь, обладающий реальностью в таком смысле и в такой мере, чтобы объяснить все физические свойства воображаемого трехмерного объекта, движущегося по нему, был бы в каждом своем сечении физически неотличим от самого воображаемого объекта. Физически путь и был бы этим объектом, протяженным во Времени.

В этом-то и вся загвоздка. Все, что можно было бы по праву считать движущимся вдоль пути, должно было бы быть чем-то отличным от неподвижных сечений самого пути.

Релятивисты, связав себя мыслью о движении вдоль этих протяженных во Времени путей, оказываются, как и все остальные, вынуждены рассматривать то понятие Времени, объемлющего Время, которое всегда сопровождает мысль о чем-либо, движущемся во Времени. Здесь их привычка писать о путях то как о протяжениях физических объектов, то как о дорогах, по которым странствуют непротяженные физические объекты, — писать, по сути, так, будто эти два понятия тождественны, — похоже, вводит их в некоторое замешательство. Они говорят о часах, физических приборах, как о движущихся вдоль путей и отмечающих скорость своего продвижения. Но часы физически — это пучок путей, и двигаться по самим себе они не могут. А психологически они лишь движущееся поперечное сечение этого пучка путей и потому не дают никакой физической записи скорости своего движения.

Теория относительности, как уже сказано, заключает в себе гораздо больше, чем собрание логических и опытных доказательств старой общей теории Времени как четвертого измерения. Но в ее учении, по-видимому, есть лишь два пункта, непосредственно касающихся нас:

1. Релятивист признает существование Времени, объемлющего Время, хотя, может быть, и не понимает, что это понятие серийное.

2. Частью теории относительности является то, что пути впереди и позади положения любого предполагаемого наблюдателя, движущегося во Времени, обладают во всех своих сечениях всеми наблюдаемыми свойствами трехмерного мира вещества.

ГЛАВА XIX

✦

Теперь, думаю, мы вправе принять три положения:

1. Что мозг содержит следы памяти о наших прошлых переживаниях, на которые было обращено внимание.

Уйти от этого вывода, кажется, невозможно. Сотрясение уничтожает не просто способность выразить затронутые воспоминания словами или как-нибудь иначе. Сами воспоминания каким-то образом поражены, ибо пострадавшему кажется, что во всем, что касается этих воспоминаний, в уме у него совершенно пусто. А поскольку физиологические данные говорят, что такие следы в любом случае должны образовываться и должны быть разрушимы, у нас нет оснований искать какое-либо иное объяснение этих фактов.

2. Что Время имеет протяженность, делимую на годы, дни, минуты и т. д., — протяженность, в которой каждое мгновение лежит между двумя соседними мгновениями, — протяженность, в которой расположены события.

Это общепринятое представление. И высказать его — все равно что сказать, что Время есть четвертый способ, которым можно измерять длину, — четвертое измерение Протяженности.

Мы, однако, принимаем положение 2 не только потому, что оно воплощает общепринятый взгляд. Мы делаем это потому, что оно логически следует из положения 1. Ведь мы должны признать, что прошлое раздражение мозга и подобное же раздражение мозга гораздо позже — это не одно и то же событие, а два события, разделенные промежуточными событиями. Мы могли бы

вообразить это разделение лежащим в какой-то четырехмерной «цепи памяти». Но положение 1 исключает эту мысль. Мы исходим из понимания памяти просто как повторного раздражения старого мозгового следа. Поэтому разделение двух мозговых событий мы должны считать разделением во Времени.*

* См. также критику бергсонианства в третьем разделе этой главы.

Между прочим, это означает, что наша протяженность Времени не пуста: она содержит физические конфигурации. Этот довод мог бы пригодиться, если бы читатель, как я полагаю, уже не был убежден доводом главы XVII в том, что представление о Времени как о протяженном совершенно бессмысленно, если не считать эту протяженность заполненной такими событиями. Более того, если Время имеет протяженность, то длительность чего бы то ни было во Времени должна означать, как указал Уэллс, протяжение в этой протяженности.

Вопрос о том, есть ли у каждого человека свое собственное направление Времени или существует только одно направление Времени, общее для всех наблюдателей, для нашего рассуждения безразличен; читатель может принять любой взгляд, какой ему больше нравится.

3. Что наблюдатель наблюдает мозговые события — или, если угодно, их психические соответствия — последовательно.

Читатель, который пожелает оспорить это положение или утверждать, что оно ничего не значит в области нашего практического знания, должен быть готов всякий раз, когда страдает подагрой, зубной болью, несварением, ревматизмом или любой другой из тех болей, что перемежают нашу земную историю, утверждать, что неудобство, которое он испытывает сейчас, имеет для него не больше действительного значения, чем

подобная же боль, которую он помнит как бывшую в прошлом, — что он ощущает обе боли, прошлую и нынешнюю, одинаково. Чтобы избежать всякого возможного непонимания того, что подразумевает эта последовательность в опыте, рассмотрим ваш физический мозг как «мировую линию» (рис. 2), простирающуюся во Времени. Мы рассматриваем не *движение* во Времени, а лишь протяжение в нем.

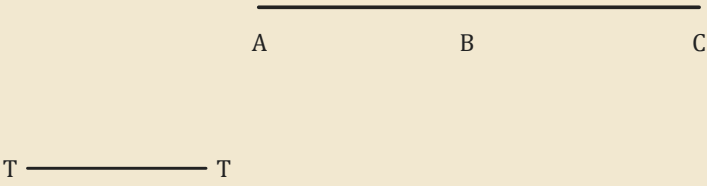

Рис. 2

В точках A, B и C мозг находится в состоянии, которое означает для наблюдателя острое страдание, причем C — та точка, называемая «смертью», где начинается распад тела. Можно возразить, что сечение мозга в A испытывает страдание в A, а сечение мозга в B испытывает страдание в B и, разумеется, не испытывает страдания в A или C. Но суть в том, что *вы*, кто, допустим, испытывает страдание в B, *испытали* страдание в A и, может быть, с немалым беспокойством ожидаете, что испытаете страдание в C. С чего бы сечению мозга в B тревожиться о том, что происходит с сечением мозга в C? Само оно этого страдания испытывать не будет: оно остается там, где есть. Но вы, наблюдатель, слишком хорошо знаете, что *не* будете и дальше наблюдать мозговое событие в B. Вы знаете, что вскоре будете

наблюдать мозговое событие в С и что, хотя С — конец вашего маленького личного киносеанса, никакая ваша сила не помешает ему в конце концов занять ваш экран наблюдения. Значит, ваше поле наблюдения должно было переместиться из А в В и должно перемещаться из В к С.

Заметим здесь, что нам незачем утруждать себя спором о том, есть ли представление о Времени как о протяженном аналитический прием или признание «реальности». Аналитические приемы — всего лишь инструменты, делающие явными различия и отношения, которые без их помощи остались бы скрытыми. Но если этих отношений нет заранее, если они не ждут, чтобы их вывели на свет, аналитический прием ничего нового показать не может. Правда, такие приспособления могут описывать явления на своем собственном языке — как ртутный столбик термометра показывает градусы температуры делениями высоты или как математик представляет переменные через x и y, — но к делу это не относится. Все, что показывает аналитический прием, должно иметь соответствующие черты в лежащей под ним реальности; и только это и должно заботить человека науки.

Однако, чтобы читатель не заподозрил, что его исподволь подводят к позиции, которую он не собирался занимать, стоит, пожалуй, указать вот на что. Все практические, повседневные вопросы, которые он задает себе о Времени, основаны на допущениях, что Время имеет протяженность, что события расположены вдоль этой протяженности и что он переживает эти события последовательно. Поэтому и ответы на эти вопросы должны даваться в понятиях этих допущений.

* * *

Пожалуй, стоит также в этом месте предостеречь читателя от одного представления, которое по сути своей — ловушка. «Почему, — могут спросить, — все эти приверженцы измерения времени, прошлые и нынешние, изображают свои физические „мировые линии“ простирающимися *впереди* того „настоящего момента“, который на рис. 1 представлен линией AB? Почему бы нам не изменить эту диаграмму и не сказать, что мировые линии *растут* во Времени, как показано на рис. 3?»

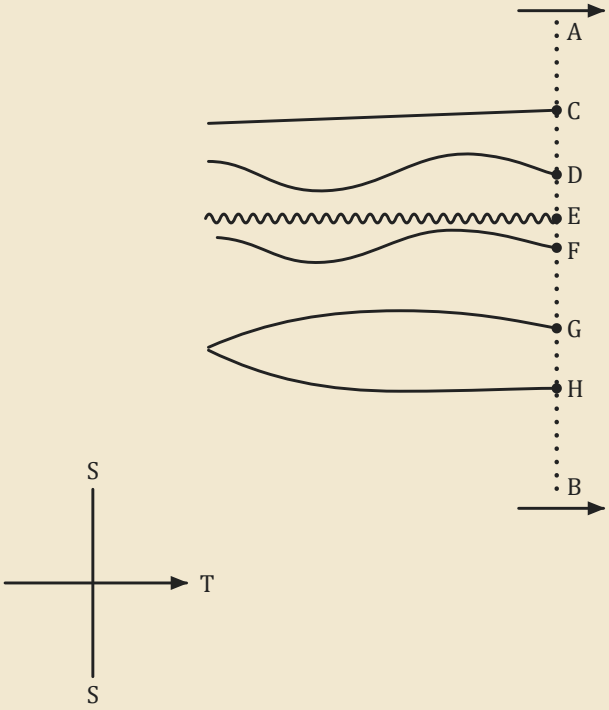

Рис. 3

Ответ состоит в том, что такое представление нарушает научный закон экономии гипотез. Этот закон запрещает нам, рассматривая задачу, вводить больше гипотез, чем строго необходимо, чтобы охватить факты. Ибо ненужная гипотеза — это гипотеза *неоправданная*.

Посмотрим, как этот закон применяется в нашем случае. Рис. 4 изображает факты, которые надо рассмотреть прежде, чем вводить проясняющее понятие протяженности Времени. Он изображает мир Пространства, в котором движутся частицы.

На этой диаграмме мы имеем:

1. Физические объекты C, D, E, F, G и H.

2. Лишь *один* род деятельности — движения этих объектов вверх и вниз в измерении, изображающем Пространство. Но эти движения могут быть разной скорости — свойство, которое нам очень трудно постичь или определить. В сущности, нам пришлось ждать до времен Ньютона, прежде чем мы смогли представить такие меняющиеся скорости подчиненными законам.

Рис. 4

Теперь, введя измерение Времени, мы имеем на рис. 1 (читателю советую снова взглянуть на него):

Физические объекты — на одно измерение больше, чем на рис. 4.

В сравнении с этим на рис. 3 мы имеем:

Физические объекты — тоже на одно измерение больше, чем на рис. 4. Но вдобавок — *ненужное добавление* — мы получаем, что эти протяженные объекты следует представлять себе непрерывно приращиваемыми посредством процесса *творения*.

Это весьма странное утверждение, и в его пользу у нас нет никаких свидетельств.

Обращаясь к тому, как изображено движение, мы имеем на рис. 1:

По-прежнему не более одного рода деятельности — движение AB в измерении Времени.

Мы, однако, выиграли вот что. Нам удалось обобщить движение (вещь очень важная с математической и философской точки зрения). Мы избавились от всех разнообразных возвратно-поступательных движений рис. 4 и заменили их единственным, простым, равномерным движением AB в измерении Времени.

В сравнении с этим на рис. 3 мы имеем:

Деятельность в измерении Времени (как на рис. 1), ибо мировые линии строятся равномерным ростом в этом измерении.

Но у нас по-прежнему есть и деятельность в измерении Пространства (как на рис. 4), ибо мировые линии строятся ростом и в этом измерении, а не только в измерении Времени.

Более того, у нас по-прежнему сохраняется исходная сложность движения рис. 4, ибо рост в измерении Пространства идет с разной скоростью.

Таким образом, тогда как рис. 1 содержит минимум гипотез, необходимых для охвата фактов, и, между прочим, сводит движение к простейшему его виду, рис. 3 вводит добавочную, а значит, совершенно ненужную гипотезу — гипотезу, которая к тому же не упрощает наше представление о движении, а еще больше его усложняет, и гипотезу, которая сама по себе крайне сомнительна.

Так что выбирать нам приходится между рис. 4 и рис. 1 — смотря по тому, хотим мы или не хотим разобраться в значении Времени.

* * *

Читатель, надеюсь, простит меня, если я закончу эту главу разделом, обращенным главным образом к изучающим философию Бергсона.

Рис. 3, как мне кажется, с совершенной точностью изображает представление о Времени, к которому в конце концов пришел профессор Анри Бергсон в своем очерке, изданном на следующий год после выхода брошюры Хинтона. Дата интересна тем, что показывает, насколько теория Времени как четвертого измерения была на виду в те дни.

Бергсон начинает с рассмотрения предполагаемых четырех измерений Протяженности — трех измерений Пространства и одного измерения «длительности» — и доказывает, что последнее мнимое. Отсюда легко предположить, верно или неверно, что под «длительностью» разумеется Время и что Бергсон пытается разобрать рис. 4, не прибегая к приему измерения Времени.

Моменты «чистой длительности», считает он, не внешни друг другу, а «наложены» друг на друга — надо полагать, так, как печатник мог бы наложить одну картинку на другую.

Однако вскоре становится ясно, что «чистая длительность» — это не «Время».

«Итак, — говорит он, — всякое требование объяснения в вопросе о свободе сводится, без нашего ведома, к следующему вопросу: „Может ли время быть адекватно представлено пространством?“ На что мы (то есть профессор Бергсон) отвечаем: „Да, если речь идет о протекшем времени; нет, если вы говорите о времени протекающем“».[*]

[*] «Время и свобода воли», с. 221.

А это, очевидно, и есть то, что изображено на рис. 3. «Чистая длительность», таким образом, по-видимому, отождествима с «настоящим» простого человека и с движущимися «узким пространством и единственным мгновением» Хинтона — с линией AB на рис. 3.

Но Бергсон видит, что такого принятия измерения Времени с моментами, внешними друг другу, недостаточно. У его «чистой длительности» тоже есть свои моменты, и они не внешни друг другу, а наложены друг на друга. Он оставляет нас, таким образом, созерцать два набора моментов — те, что наложены друг на друга, и те, что лежат в «прошлой» части измерения Времени.

Говоря исключительно от себя, я сказал бы, что наложенные друг на друга моменты «чистой длительности» у Бергсона — это его признание существования того Времени, объемлющего Время, которое упорно вторгается в любую попытку временного анализа. Его растущему «прошлому» нужно Время, чтобы расти. Но, по-видимому, Бергсон, не желая признавать такой ряд Времен и будучи вынужден своими прежними страницами скупиться на каждый дюйм протяженности для какого бы то ни было Времени, вынужден искать прибежища в мысли о «наложении».

Профессор Г. Уилдон Карр (см. с. 114 «Философии изменения»), по-видимому, показывает теорию Бергсона в несколько ином свете: элемент рис. 3, растущий как вереница прошлых событий, называется у него «Памятью». Вспоминание, таким образом, — это скачок сознания назад в измерении памяти. Эта теория, надо полагать, и вынуждает Бергсона уделять столько времени смелой, хотя и довольно безнадежной атаке на общепринятый физиологический взгляд на память. Но рис. 3 одинаково хорошо подходит и для того, чтобы показать толкование Уилдона Карра. Нужно лишь заменить T в указателе измерений на M,

обозначающее память, и пометить нашу движущуюся линию AB как DD, обозначающее «чистую длительность» Бергсона.

В обоих случаях диаграмма осуждена по той же причине, что и прежде: она вводит совершенно ненужную гипотезу непрерывного творения из ничего вдобавок к протяжению в четвертом измерении — и все это ценой того, что сложный характер переменного движения еще больше усложняется, а не упрощается.

Отношение Бергсона к будущим событиям недвусмысленно. Как и на рис. 3, их попросту нет ни в каком виде и ни в какой форме. На этом и основан его довод в пользу свободы воли.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ГЛАВА XX

✦

«Ряд» — это собрание отдельно различимых предметов, расположенных (или мыслимых расположенными) в последовательности, которую определяет некий поддающийся установлению закон. Составляющие ряда — эти отдельно различимые предметы — называются его «членами».

Природа членов, если рассматривать их в отрыве от того места, которое они занимают в ряду, для математика почти ничего не значит. Это могут быть, скажем, горошины в стручке, или качания маятника, или гребни и борозды на пашне, или напряжения вдоль консольной фермы — ему все едино. Его интерес сосредоточен на отношении между членами — на том отношении, которое связывает каждый член со следующим и делает явным закон, скрепляющий целое в упорядоченную протяженность.

Это характерное отношение между членами может влиять, а может и не влиять на величины самих членов. Так, существенное значение горошины, насколько мне известно, не слишком меняется от того, что она лежит в ряду таких же горошин. Но каждое качание маятника обязано своим размахом предыдущему качанию. А напряжения в любом месте консольной фермы, вызванные нагрузкой, приложенной к ее концу, зависят по своей величине от того особого отношения, которое связывает ряд напряжений вдоль всей конструкции. (Например, в ферме простой балочной формы величины сил, действующих на стойки и раскосы, образуют ряды равных членов, а величины сил,

действующих на продольные элементы, образуют ряды в арифметической прогрессии.)

В первом члене ряда отношение, связывающее члены, с одной стороны отсутствует, и эта однобокость может иметь самое практическое значение. Так, у первого качания маятника нет предыдущего качания, которое бы его определило: его должна начать внешняя сила. Первая борозда на вспаханном участке отличается по сечению от всех остальных. А силы, действующие на концевые элементы нашей консольной фермы, уравновешены на внешних концах не толчками и тягами в подобных же элементах, как всюду в ряду, а концевой нагрузкой, приложенной извне.

Так вот, мы видели, что если Время проходит, растет, накапливается, расходует себя или делает вообще что угодно, кроме того чтобы стоять застывшим и неизменным перед закрепленным во Времени наблюдателем, то должно существовать другое Время, которое отмеряет эту деятельность первого Времени (или деятельность вдоль него), и еще одно Время, которое отмеряет это второе Время, и так далее — в видимом ряду до бесконечности. И можно было бы предположить, что всякий философ, очутившись лицом к лицу с этой бросающейся в глаза, неумолимой чередой Времен за Временами, без малейшего промедления приступит к исчерпывающему и систематическому исследованию характера этого видимого ряда, чтобы установить, (а) каковы здесь истинные элементы ряда и (б) таков ли этот сериализм, чтобы оказаться чем-то важным. Ведь он, разумеется, мог оказаться делом совершенно пустячным.

Но людям, которые посвятили жизнь поискам простого объяснения вселенной, мысль о том, что одна из их приблизительных первооснов — соседка, можно сказать, того

самого искомого ничто — может оказаться серийной по своему характеру, неизбежно должна была казаться допущением, которого следует избегать почти любой ценой. И они совершенно правильно остановились бы и огляделись в поисках пути покороче.

Однако такой остановке приходится ставить предел. Двадцать два столетия стоять, уставившись на совершенно открытую дорогу, — это, пожалуй, не противоречит признанным традициям философского метода. Но жаль было бы рисковать тем, что эту достойную всяческого уважения осмотрительность примут за самую обыкновенную дремоту.

ГЛАВА XXI

✦

Беремся ли мы за разбор серийного времени по принуждению логики или из любопытства — посмотреть, что за страну откроет такая дорога, — нужно понимать вот что: если мы найдем хоть что-нибудь, чего еще нет в обычной, общепринятой первой ступени ряда, это нечто окажется за пределами кругозора любой философии, выросшей на основе одномерного Времени. Иначе говоря, это будет нечто совершенно чуждое нашим нынешним взглядам на бытие. Поэтому мы не вправе останавливаться и мяться в нерешительности только оттого, что столкнулись с новым: новое — это как раз то, что мы ожидаем найти. Кроме того, надо помнить, что сериализм во Времени почти неизбежно означает сериализм и в других вещах. На деле (лучше заранее предупредить читателя о самом худшем) мы обнаружим, что он влечет за собой серийного наблюдателя.

При таких обстоятельствах единственно правильным путем будет сначала довести анализ до конца — не заботясь о том, выглядит ли то, что обнаружится, правдоподобным или наоборот, лишь бы оно логически вытекало из наших посылок, — а уже затем выяснить, согласуются результаты с общим сводом наших знаний или нет. И так уж вышло, что здесь как раз тот случай, когда правильный метод обязателен: новые понятия начинают обретать сколько-нибудь полный смысл лишь после того, как анализ закончен.

Итак, советую читателю до следующей главы совсем выбросить из головы мысли о смысле и следствиях и смотреть на

нынешний разбор как на простое упражнение ума, имеющее не больше действительного веса, чем кроссворд. Так что пока от него требуется лишь одно: убедиться, что три закона, изложенные в конце этой главы, правильно выведены из наших посылок и вполне верно передают отношения между членами нашего ряда.

«Из окна вагона, — пишет профессор Эддингтон, — мы видим, как мимо со скоростью пятьдесят миль в час скользит корова, и замечаем, что животное наслаждается отдыхом».

Пример этот радует не в одном отношении, и мне жаль прерывать созерцание читателя, чтобы обратить его внимание на картину в менее заманчивых красках. Но нам надо двигаться дальше.

Итак, мы сидим все в том же вагоне, но теперь он стоит на станции. Глядя в окна на стороне, противоположной платформе, мы видим другой поезд, стоящий на путях. Пока мы смотрим, раздается свисток, и мы замечаем, что наш поезд трогается. Он идет все быстрее и быстрее; окна соседнего поезда стремительно бегут через поле зрения; но... закрадывается сомнение... нам не хватает привычной тряски вагона. Мы бросаем взгляд на окна со стороны платформы и не без потрясения обнаруживаем, что наш вагон по-прежнему стоит на месте. Движется другой поезд.

В первом из этих двух случаев внимание приковано к зрительному явлению — корове; это явление движется через «поле представления», и внимание следует за ним. Мы считаем, что внимание направлено на точку поля представления, соответствующую чему-то неподвижному во внешнем Пространстве, и что, пока внимание закреплено таким образом, движутся поле представления и наблюдатель.

Во втором случае зрительное явление — окно соседнего поезда — тоже движется через поле представления, и внимание тоже

следует за этим явлением. Снова мы считаем, что внимание неподвижно, а поле — вместе с наблюдателем — движется; но потом, в свете других свидетельств, меняем суждение на обратное и говорим, что поле и наблюдатель, видимо, были неподвижны, а двигалось внимание.

Итак, суждения в этих двух случаях могут различаться, но непосредственное психологическое переживание в обоих по общему характеру одно и то же. Наблюдаемое явление — корова ли это или окно соседнего поезда — движется через поле представления, а за ним следует фокус внимания, пока явление не исчезнет у края поля. И в обоих случаях поле представления остается неподвижным относительно наблюдателя.

Такое поле представления, неподвижное относительно наблюдателя, в котором, как предполагается, идет сознательное наблюдение, сгущенное в перемещающийся фокус, называемый «вниманием», неизбежно становится отправной точкой нашего анализа. (Все показания приборов воспринимаются как явления внутри этого поля.) Надо, однако, помнить, что поле содержит не одни только зрительные явления: оно охватывает, по сути, все виды психических явлений, которые представлены для наблюдения, — независимо от того, обращено на них внимание или нет. Оно представляет собой *обзор Пространства*, открытый наблюдателю. И по нашей теории оно занимает то же пространственное положение, что и та часть мозга наблюдателя, которая находится в состоянии видимой деятельности, связанной с порождением *наблюдаемых* психических явлений.

Это пространственное положение поля и мозга мы обозначим на рис. 5 отрезком CD, считая Пространством вертикальное направление листа. Временные измерения пока не показаны.

Раз содержимое CD надо считать находящимся в состоянии видимой деятельности, его следует представлять себе видимо движущимся вверх и вниз по измерению, которое изображает Пространство. Кроме того, длина CD неопределенна: в разные мгновения могут быть деятельны большие или меньшие участки мозга. Словом, на схему надо смотреть не просто как на модель, а как на *действующую* модель. Мы показываем это, приделав две маленькие стрелки к указателю измерений внизу схемы: они говорят о том, что здесь предполагается видимое движение в Пространстве.

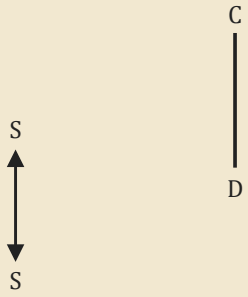

Рис. 5

(Надо помнить, что, согласно более распространенному взгляду на Пространство, сам CD может двигаться как целое в измерении Пространства.)

Рис. 5 — наша отправная точка. Он не изображает «члена» ряда, потому что Время на нем вообще не показано.

Наблюдателю, чье поле представления занимает пространственное положение CD, события предстают последовательно. Время для него — неотступная особенность бытия, особенность, которая хоть и достаточно реальна, чтобы

иметь для него огромное личное значение, но не поддается определению в пределах трех измерений его пространственного кругозора. Явления в его поле как будто перемещаются, меняются и исчезают. И эти перемены, по-видимому, «занимают Время». Он пытается отождествить это «занятое Время» с отрезком Пространства, пройденным каким-нибудь указателем вроде часовой стрелки, но терпит неудачу, потому что не может отделаться от знания, что движение стрелки не измеряется одним только циферблатом. Стрелка «занимает Время» своим движением: она может обойти циферблат быстро или медленно. Если остановить часы, это не помешает другим движениям «занимать Время». Он сознает, что запас его воспоминаний растет, но уверен, что и этот рост — процесс, который «занимает Время». Даже сидя в темноте и размышляя, он сознает, что размышление «занимает Время». А приходя в себя после наркоза, он получает доказательство того, что Время «прошло».

Он понимает, что это «занимаемое Время» — вещь измеримая, что измерение здесь простого, одностороннего рода, называемого «протяженностью», и что в этой протяженности наблюдаемые им явления длятся на большие или меньшие отрезки. И поскольку мы с ним полностью согласны, введем это измерение протяженности в нашу схему как горизонтальное направление листа.

Весь процесс легче проследить, если разделить его на два полушага. Первый состоит лишь в том, чтобы показать физические элементы мозга CD обладающими протяженностью (*то есть длительностью*) во Времени. Начнем с того, что сделаем мгновенный снимок рис. 5. Чтобы избежать затруднений с релятивистами, примем, что стоим бок о бок с владельцем CD. Тогда положения, которые видимо движущиеся элементы

занимают на этом снимке, можно считать их положением в тот самый миг Времени, который и мы, и владелец этого мозга считаем «настоящим» мгновением. Этот снимок показан как CD на рис. 6 (a) или как C′D′ на рис. 6 (b). «Прошлые» и «будущие» состояния видимо движущихся элементов рис. 5 мы показываем занимающими неподвижные положения в измерении Времени — соответственно слева и справа от CD (или C′D′).

Эти «прошлые», «настоящие» и «будущие» состояния вместе дадут нам полосу волнистых линий, длящихся (простирающихся) во Времени. Вертикальное (пространственное) сечение, взятое в любом месте этой полосы, покажет, какие психонервные явления наблюдались бы в этот миг Времени, — *если бы там было поле представления*.

Но хотя «прошлые» и «будущие» состояния мозговых элементов показаны как сущности, занимающие неподвижные положения в измерении Времени, сомнительно, что так же мы обходимся и с полем представления. То, что CD на рис. 6 (a) или C′D′ на рис. 6 (b) — моментальный снимок движущихся элементов рис. 5 в миг Времени, который и мы, и владелец сфотографированных мозговых элементов считаем «настоящим», как будто подсказывает, что CD (или C′D′) — единственное поле представления во всей протяженности. Отметим это мимоходом и, пока дело не прояснится, перейдем к существенному различию между рис. 6 (a) и 6 (b).

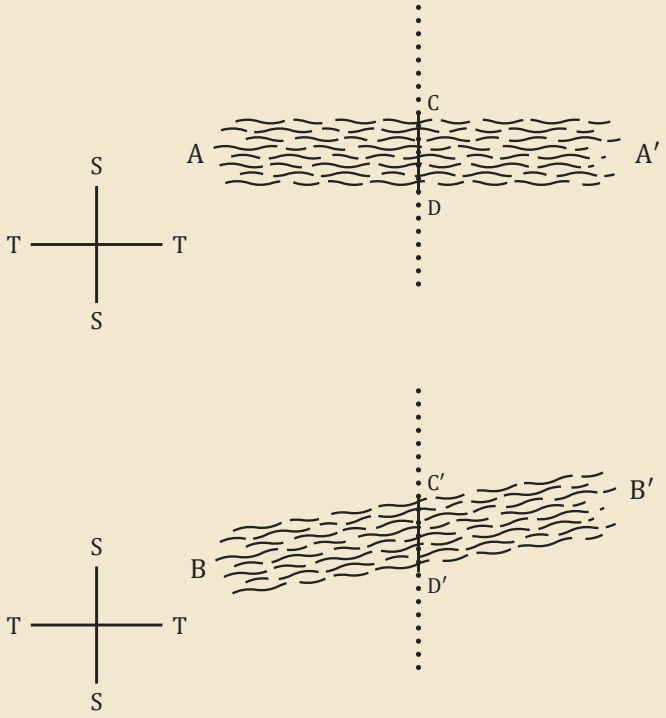

Рис. 6

Видно, что на рис. 6 (a) полоса линий идет прямо вдоль измерения Времени, а на рис. 6 (b) она слегка наклонена. Дело в том, что AA′ изображает единственно возможную протяженность по взглядам тех, кто, подобно релятивистам, считает различие между измерениями Пространства и измерениями Времени лишь искусственным различием, которое проводят отдельные наблюдатели, причем каждый из них принимает за измерение Времени то направление, в котором простираются линии его тела. Согласно этой теории, наше заявление о том, что вертикальное направление листа мы считаем Пространством, а горизонтальное

— Временем, есть просто согласие с мнением владельца мозга, изображенного на рис. 5, и оно обязывает нас согласиться и с дополняющим его взглядом этого владельца на собственную длительность во Времени как на нечто простирающееся прямо вдоль измерения Времени. BB′ же изображает одну из многих наклонных протяженностей, которые считают возможными те, кто утверждает, что направление Времени для всех одно и что оно не имеет никакого отношения к направлению линий тела того или иного наблюдателя.

«Настоящий момент» Времени указан в каждом случае пунктирным продолжением линии, изображающей мгновенный снимок CD (или C′D′).

Теперь первый из двух полушагов сделан, и видно, что в итоге у нас осталось очень неполное изображение того положения дел, которое мы взялись разбирать, — положения, показанного на рис. 5. Элементы той схемы считались видимо движущимися вверх и вниз в измерении Пространства, причем это движение было заметно и владельцу изображенного мозга, и нам. Схему следовало рассматривать как действующую модель, показывающую свои состояния одно за другим. Но на рис. 6 (a) и 6 (b) нет никаких признаков такого движения. Линии, показывающие элементы рис. 5 в их протяженности во Времени, — полосы AA′ или BB′ — считаются неподвижными во всех измерениях. (Поэтому нам и пришлось снять стрелки с маленького указателя измерений.) И состояния мозга, изображенные разными сечениями этих полос, не предстают никакому наблюдателю последовательно. Либо все они предстают разом, либо предстает только одно — состояние в «настоящее» мгновение, CD (или C′D′).

Второй из наших двух полушагов состоит в том, чтобы вернуть эти недостающие явления движения. Делаем мы это очевидным и, по правде говоря, единственно возможным способом — тем, к которому читатель уже привык. Мы просто добавляем стрелку к букве T в указателе измерений, чтобы показать, что CD (или C′D′) есть — как мы все время и подозревали — единственное поле представления на схеме и что это поле движется вдоль измерения Времени в направлении, указанном стрелкой. Это сделано на рис. 7 (a) и 7 (b).

И мы делаем еще одно. Ставим цифру 1 после T в указателе измерений. Причина этого вскоре станет ясна.

Первая ступень нашего анализа теперь закончена, и она привела нас всего лишь к исправленному изданию нашей отправной точки. Схема снова стала действующей моделью и больше не противоречит тому, что мы говорили о рис. 5. Линия CD (или C′D′) по-прежнему, как мы и утверждали с самого начала, — поле представления. События предстают в этом поле последовательно. А точки пересечения этого движущегося поля с волнистыми линиями перемещаются вверх и вниз внутри поля, создавая видимость движущихся элементов.

Когда поле представления движется по протяженному субстрату, одни явления, представленные в поле, будут казаться движущимися относительно других явлений того же поля. Ведь у внимания, сосредоточенного на видимо движущемся явлении, есть кайма, которая захватывает достаточно соседних, сравнительно неподвижных явлений, чтобы разницу можно было заметить.

Разумеется, здесь нет никаких свидетельств того, что такие движения внимания — нечто большее, чем обусловленные,

непроизвольные действия в поле невмешивающегося наблюдателя.

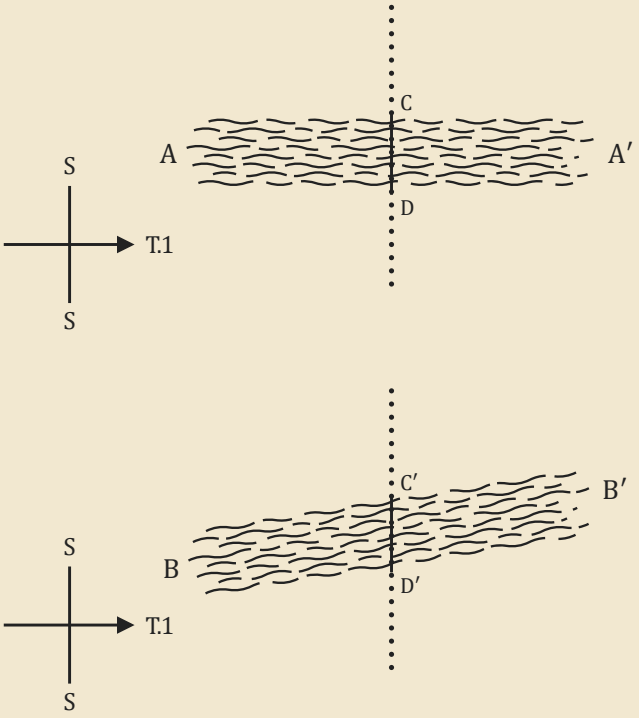

Рис. 7

Однако итог этой первой ступени все еще оставляет нас неудовлетворенными. Разбирая то, что заключалось в наших посылках, мы пришли к выводам, которые в своих пределах логически неизбежны. Беда в том, что пределы эти слишком тесны.

Начать с того, что перед нами новый предмет для рассмотрения, а именно — движущееся во Времени поле

представления.

Так вот, мы не можем отделить это движущееся поле представления от наблюдателя, которому представляется его содержимое, — содержимое, доставляемое мозговыми элементами того субстрата, по которому поле проходит. Следовательно, CD (или C′D′) надо рассматривать как место, где этот наблюдатель (движущийся во Времени наблюдатель) пересекается с AA′ (или BB′). Поле, о котором идет речь, — это, конечно, наше исходное поле, а его наблюдатель — наш исходный, сознательный наблюдатель. И этот наблюдатель должен быть определенной сущностью: никакая простая отвлеченность не может перемещаться, так сказать, по собственному праву, ни на что не опираясь.

Заметим, однако, что здесь нет ничего, что должно бы встревожить материалиста. Совершенно ясно, что, когда этот наблюдатель со своим полем дойдет до конца мозгового субстрата, он обнаружит, что наблюдаемые явления кончились. Нет здесь и ничего, что показывало бы, будто он обладает хоть малейшей способностью вмешиваться в чисто механическую последовательность наблюдаемых им состояний мозга.

Мы обязаны считать этого наблюдателя трехмерным. И во избежание всякой путаницы лучше точно изложить, что означает это утверждение.

Измерение Времени для любого наблюдателя — это измерение, в котором все переживаемые им события представляются ему следующими друг за другом в определенной последовательности, — измерение, в котором он (или его внимание) не движется назад так, чтобы нарушить этот порядок последовательного опыта. Поэтому те измерения, в которых его внимание может двигаться туда и обратно, кажутся ему

расположенными под прямым углом к этому измерению Времени. Значит, какое бы измерение на наших схемах на деле ни определяло для движущегося в нем наблюдателя этот порядок последовательного опыта, именно оно и есть истинное измерение Времени этого наблюдателя.

Для наблюдателя, которого мы сейчас рассматриваем, измерение, определяющее таким образом порядок его последовательных переживаний, — это измерение, по которому движется поле. Следовательно, движения его внимания ограничены тремя пространственными измерениями, перпендикулярными этому Времени. Так что он — сущность, чья способность к наблюдению трехмерна. Именно это мы и имеем в виду, называя его трехмерным наблюдателем.

Есть ли у него в каких-то иных своих качествах протяженность в других измерениях или нет — для рассуждений этой главы неважно. Как наблюдатель он трехмерен.

Далее, первая ступень опять-таки оставила нам новую задачу о Времени. Ведь наблюдающая сущность со своим полем CD (или C′D′) движется не так медленно, чтобы стоять на месте, и не так быстро, чтобы быть во всех местах сразу; а всякое состояние между этими двумя крайностями должно описываться через Время, затраченное на пройденное расстояние. Но пройденное расстояние лежит вдоль первого рассмотренного нами измерения Времени, значит, затраченное время должно быть Временем, которое на схеме нигде не показано, — точно так же, как первое рассмотренное нами Время нигде не показано на рис. 5. Поэтому на рис. 7 (a) и 7 (b) мы и обозначаем T как T.1 — чтобы показать, что это не предельное Время, которое отмеряет движения, действительные или видимые, на этих схемах. Это предельное Время мы можем назвать Временем 2.

* * *

Чтобы упростить следующие схемы, изобразим теперь полосы AA′ или BB′ (здесь неважно, какую из них) такими, какими они предстали бы глазу, расположенному на уровне листа и глядящему вдоль листа снизу вверх. При таком взгляде любая из полос выглядела бы одной линией; эта линия изображена на рис. 8 как GH. Поле CD (или C′D′) — место, где пересекается наша движущаяся наблюдающая сущность, — изображено движущейся точкой O. А каждая неподвижная точка между G и H изображает отдельное состояние мозга, пространственное сечение любой из полос AA′ или BB′.

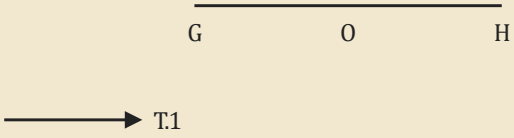

Рис. 8

Измерение Пространства, показанное на рис. 7 (a) и 7 (b), здесь торчит перпендикулярно листу. Для других измерений Пространства на рисунке места нет, но будем помнить, что они, как предполагается, пересекают схему.

Положение дел, изображенное на рис. 8, можно считать первым «членом» нашего ряда. Время на нем показано и разобрано, и выяснено, что это не предельное Время.

Теперь наша задача — показать Время, затрачиваемое на движение O слева направо на рис. 8, совершенно так же, как мы

показали Время, затрачиваемое на пространственные движения элементов рис. 5.

Новое измерение Времени придется расположить под прямым углом к GH, так же как наше исходное измерение Времени пришлось расположить под прямым углом к CD на рис. 5. Это новое измерение, как уже сказано, мы назовем Временем 2. По отношению к этому Времени 2 Время 1 теоретически сродни любому из трех «обычных» измерений Пространства. Вместо четырехмерного мира, в котором четвертое измерение — Время, у нас теперь пятимерный мир, в котором эту шаткую роль играет пятое измерение.

В этом Времени 2 все сущности в GH, включая движущуюся сущность в O, обладают длительностью. Иначе говоря, они продолжают существовать, пока вы наблюдаете, как движется O. Эти длительности придется показать как протяженности в измерении Времени 2.

Начнем, как и прежде, с мгновенного снимка нашей действующей модели. Этот снимок сделан в то, что для нас является «настоящим моментом» предельного Времени — Времени, которое отмеряет движение O вдоль GH, то есть Времени 2. Он изображает состояние рис. 8 в этот «настоящий момент». Мы показываем этот снимок на рис. 9 как GH, а линия *pp′* указывает упомянутый «настоящий момент».

Затем нам надо показать «прошлое» и «будущее» (в этом измерении Времени 2) положение неподвижных состояний мозга, изображенных неподвижными точками в GH, — соответственно ниже и выше их «настоящего» положения в GH. Поскольку эти состояния не меняют своего места ни в Пространстве, ни во Времени 1, их длительности во Времени 2 надо показать как протяженности, идущие *прямо* вверх по Времени 2. Так на рис. 9

они становятся вертикальными линиями, которые тянутся вверх и вниз по листу без всякого предела, какой мы пока могли бы указать. Но так обработать достаточно лишь несколько избранных точек.

Теперь нам предстоит рассмотреть еще одну определенную сущность — трехмерную наблюдающую сущность, которая пересекается в трехмерном поле O. В «настоящем» состоянии рис. 8 (GH на рис. 9) точка этого пересечения находится в середине линии. Но так как на рис. 8 эта точка движется вдоль Времени 1, ее положения в «прошлых» состояниях этой схемы надо показать ближе к стороне G′G″ рис. 9, а ее положения в «будущих» состояниях — ближе к стороне H′H″. Соединив эти точки пересечения, получим диагональную линию вроде O′O″. Эта линия будет изображать длительность (временную протяженность) определенной пересекающейся сущности.

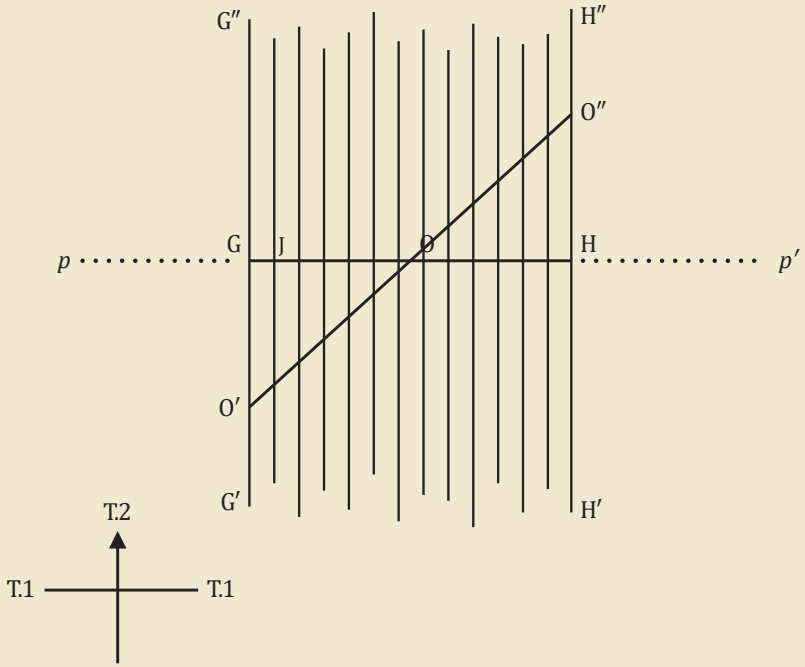

Рис. 9

Тут нам снова надо задать себе тот же вопрос, что и на ступени 1. Мы показали «прошлые» и «будущие» состояния всех определенных сущностей нашей действующей модели (рис. 8) — включая пересекающуюся сущность в O — как протяженности этих сущностей, занимающие неподвижные положения в «прошлой» и «будущей» частях измерения Времени 2. Но обошлись ли мы так же с нашим исходным трехмерным полем представления?

Ответ здесь неизбежно тот же, что и прежде, и по той же причине. Даже если бы все прочее на наших картах Времени было неподвижно, это поле представления O должно было бы

двигаться. Иначе схемы не были бы действующими моделями и не изображали бы то положение дел «действующей модели», которое мы взялись разбирать. Состояния мозга не представлялись бы никакому наблюдателю последовательно. Либо все они представлялись бы разом, либо к этой категории относилось бы только одно — состояние в неподвижной О. Следовательно, это трехмерное поле представления О всегда надо считать движущимся так, чтобы оно набредало на состояния мозга одно за другим.

Но прежде чем рассматривать природу этого движения дальше, посмотрим, не удастся ли выяснить чуть больше о характере нашей наблюдающей сущности О′О″.

О с самого начала изображала трехмерное поле, где идет сознательное наблюдение. Ясно, значит, что в точке О нашей определенной, длящейся сущности О′О″ эта сущность — сознательный наблюдатель, наш исходный трехмерный сознательный наблюдатель. А что она такое в других местах?

Можно было бы сказать «бессознательный наблюдатель», но это сомнительное выражение, которого лучше избегать. Лучше назвать ее бессознательным «реагентом»; здесь это означало бы просто сущность, которая реагирует на пересекаемые ею состояния мозга (вертикальные линии рис. 9) или видоизменяется в соответствии с ними. Это название не подразумевает наблюдения ни в каком ином смысле, кроме того, в каком наблюдает прибор. Как такой реагент может стать сознательным в поле представления О — это мы сумеем понять, когда закончим анализ. Пока же мы знаем лишь одно: в силу нашего исходного определения О реагент в этой точке надо считать сознательным.

Далее, O надо считать движущейся, и движущейся во Времени 1. А так как, двигаясь, она должна оставаться в O′O″, ее надо считать движущейся вверх по этой диагонали, то есть вверх по Времени 2. Это значит, что для того, чтобы наш предельный наблюдатель наблюдал содержимое мгновений Времени 1 последовательно, необходимо, чтобы он последовательно наблюдал содержимое мгновений Времени 2. У него должно быть поле представления, движущееся вверх по тому, что является предельным Временем, — в данном случае по Времени 2.

По аналогии со ступенью 1 следовало бы ожидать, что вся GH на рис. 9 (мгновенный снимок рис. 8 в момент Времени 2, который кажется нам «настоящим») окажется этим полем представления, движущимся вверх по Времени 2, — полем, существование которого не могло обнаружиться, пока рис. 8 не был развернут во Времени 2. Точно так же как на ступени 1 существование движущегося во Времени поля CD (или C′D′) внутри видимо деятельного рис. 5 не могло обнаружиться, пока рис. 5 не был развернут во Времени 1.

Вспомним, однако, что первый член ряда может в некоторых отношениях отличаться от всех остальных. Поэтому разумнее, пожалуй, не доверяться здесь аналогии, а продолжать выяснять свойства второго члена прямым разбором того, что заключено в самом факте последовательности в опыте.

Итак, O движется вверх по O′O″. Но единственное, что выделяет O как определенную точку в O′O″, — это линия GH. Следовательно, эта линия должна двигаться вверх по Времени 2. Однако GH изображает состояние рис. 8 в то, что мы считаем «настоящим моментом» Времени 2. Значит, этот «настоящий момент» Времени 2 движется вверх по Времени 2.

Здесь полезно помнить, что, как Время 2 на этой ступени есть истинное Время, так и движущийся «настоящий момент» Времени 2 есть истинный движущийся «настоящий момент». Наш старый движущийся «настоящий момент» Времени 1 стал всего лишь точкой пересечения истинного движущегося «настоящего момента» Времени 2 с неподвижной диагональю на схеме. Он существует не по собственному праву, а определяется «настоящим моментом» Времени 2. Точку O определяет *pp′*. Говоря научным языком, наши Времена соединены последовательно, а не параллельно.

Далее, точки в O′O″ сознательно и последовательно, от O′ к O″, наблюдает тот, кто является нашим предельным наблюдателем. И мы только что видели, что единственное, что определяет порядок, в котором эти точки наблюдаются, — это движущийся «настоящий момент» Времени 2. Так что предельный наблюдатель перемещающейся точки в O′O″ — наблюдатель, для которого Время 2 играет роль действительного и единственного Времени. Неважно, что он думает о Времени или где, по его мнению, оно простирается. Время 2 есть то Время, которое определяет последовательность его переживаний. А Время 1 лежит под прямым углом к тому, что для него является действительным и единственным определяющим Временем. Поэтому Время 1 по отношению к нему сродни измерению «обычного» Пространства. Иначе говоря, как на ступени 1 предельный сознательный наблюдатель показал себя трехмерным существом в трехмерном мире, так в более подробной картине, которую дает ступень 2, предельный сознательный наблюдатель показывает себя четырехмерным наблюдателем в четырехмерном мире, отмеченном *pp′*. У этого

четырехмерного наблюдателя должно быть четырехмерное поле представления, которое лежит в *pp′* и движется вместе с ней.

Но открытие новых элементов в нашей разрастающейся схеме не дает нам права отказываться от какого-либо прежнего допущения, на котором эта схема построена. Довод в пользу существования этого поля представления номер 2 опирается на предположение, что в O′O″ движется точка O. И мы не можем теперь отрицать, что O′O″ в точке O — сознательный трехмерный наблюдатель. Ведь только потому, что на ступени 1 мы признали присутствие такого сознательного трехмерного наблюдателя в этой точке GH, мы и смогли позднее ввести в схему линию O′O″. И так — с самого начала анализа. Ничем из того, что было прежде установлено и опознано, нельзя потом пренебрегать. Нам позволено лишь открывать новые элементы по мере того, как схема усложняется.

Следовательно, трехмерное поле представления нашего наблюдателя ступени 1 оказывается элементом четырехмерного поля нашего наблюдателя ступени 2. А открытие того, что существует четырехмерный наблюдатель ступени 2 — наблюдатель 2, тот предельный сознательный наблюдатель, которого мы ищем, — означает, что наш «реагент» в своем сознательном трехмерном сечении O есть элемент поля наблюдателя 2.

Далее, внимание наблюдателя 1 (а это лишь название сосредоточенного наблюдения, определяется ли оно извне или как-то иначе) мы считали сосредоточенным на каком-то определенном явлении в поле 1. Внимание нашего предельного наблюдателя тоже надо считать сосредоточенным вокруг того же явления. Но фокус наблюдателя 1, который трехмерен, сам должен быть трехмерным. А фокус наблюдателя 2 точно так же

должен быть четырехмерным. Следовательно, трехмерный фокус наблюдателя 1 должен быть окружен четырехмерным фокусом наблюдателя 2.

Так докуда же, скажем мы, простирается поле 2 вдоль *pp′*? «От G до H», — отвечает аналогия. Но мы аналогии не доверяем, и потому мне придется просить читателя прийти вместе со мной к тому же выводу более длинной дорогой.

Поле представления ограничено определенными состояниями мозга наблюдаемого характера, расположенными в том, что для наблюдателя лежит под прямым углом ко Времени. В GH, как мы знаем, есть одно такое наблюдаемое состояние — состояние в O. Но чтобы GH была полем представления из конца в конец, все прочие состояния мозга в ней должны быть наблюдаемого характера.

Именно так. И именно таковы они и есть. Мы ведь изначально развернули их на рис. 6 (a) и 6 (b) как «прошлые» и «будущие» состояния мозга рис. 5 — состояния, которые все были наблюдаемого характера.

Да, но не подразумевало ли это, что они наблюдаемы только для того сознательного наблюдателя, чей фокус внимания следовал за полем 1 на рис. 7 (a) и 7 (b) и который, следовательно, переживал бы эти состояния мозга одно за другим?

Опять-таки именно так; но наш теперь уже подробный взгляд на эти схемы показал, что на самом деле предельным сознательным наблюдателем последовательных состояний мозга в полосах AA′ или BB′ был наблюдатель 2 и что именно его фокус, окружающий фокус наблюдателя 1, следовал за полем 1. Так что наблюдатель 2, следуя таким образом за фокусом наблюдателя 1, уже сознательно наблюдал состояния мозга (вертикальные линии) слева от O на рис. 9 и точно так же будет наблюдать те, что

справа. Значит, все эти состояния должны быть для него наблюдаемого характера. И они лежат в том, что для него находится под прямым углом ко Времени. Следовательно, GH из конца в конец лежит внутри четырехмерного поля представления. То, что внимание наблюдателя этого поля по какой-то причине следует за одной определенной точкой поля — точкой в O, — дела не меняет: поле представления не ограничено фокусом внимания (см. часть I).

Да, но разве сечение диагонального реагента в субстрате поля 2 не было промежуточным наблюдателем, без которого наблюдатель 2 не наблюдал бы этот субстрат сознательно?

Нет: наш предельный наблюдатель — четырехмерный наблюдатель с четырехмерным фокусом внимания, охватывающим кусочки субстрата, которые хоть чуть-чуть, но четырехмерны. А наблюдатель 1 — всего лишь трехмерный наблюдатель, реагирующий только на трехмерные стороны. В своем качестве наблюдателя он для наблюдателя 2 вообще не конкретная сущность. Он сродни плоскости без толщины в мире тел — наблюдаем лишь при условии, что наблюдаются сами тела. И его наблюдения (видоизменения в соответствии с местным трехмерным характером субстрата) вообще не могли бы быть наблюдаемы для наблюдателя 2 иначе как неотъемлемая часть наблюдаемых участков с бóльшим числом измерений.

Итак, GH, подобно CD (или C′D′) на рис. 7 (a) или 7 (b), есть поле представления. И, подобно тем полям ступени 1, она тянется поперек измерения Времени от края до края мозгового субстрата. Поскольку это свойство соблюдается в двух членах ряда, мы можем считать его повторяющимся отношением, которое проявится в каждом члене.

Итак, мы заканчиваем ступень 2, приделывая стрелку к Времени 2 в указателе измерений рис. 9, чтобы показать, что GH — поле представления, движущееся вверх по Времени 2. Движение поля 1 вдоль Времени 1 теперь восстановлено. Ведь по мере того как GH поднимается по схеме, точка O, где GH пересекается с O′O″, движется вдоль GH к H и, значит, набредает на состояния мозга одно за другим, последовательно, слева направо.

Наша схема, изображающая второй член ряда, снова стала действующей моделью. И она не противоречит сведениям, которые прежде давал рис. 8. На том рисунке O была точкой пересечения, движущейся вдоль GH. Наша более подробная схема подтверждает это утверждение и лишь добавляет сведения о том, что движение точки пересечения вызвано движением во Времени 2 пересекаемой линии GH, — причем эта GH оказывается полем представления, скрытым в чересчур сжатой картине рис. 8. В O у нас по-прежнему находится наш исходный трехмерный наблюдатель, движущийся вдоль Времени 1, но он оказывается лишь сечением — сознательным сечением — своей собственной временной протяженности, лежащей выше и ниже в виде диагонального реагента.

Заметим, что наше движущееся поле 2, GH, должно быть, в свою очередь, линией, где определенная сущность, наблюдатель 2, пересекается с плоской фигурой G′G″H″H′. И еще: поскольку область вокруг O — где этот наблюдатель 2 сознательно наблюдает — проходит от конца до конца GH, этот наблюдатель должен быть способен к сознательному наблюдению всюду на протяжении GH. И еще: предельное Время — Время, которое отмеряет движение GH вверх по плоскости и движение O вдоль GH, — это не Время 2, а *Время 3*.

* * *

Анализ удобно продвинуть еще на одну ступень дальше, но повторять доводы нет нужды.

Мы, конечно, обнаружим, что Время, поле и наблюдатель, которых на ступени 2 мы считали предельными, вовсе не были предельными; и мы наткнемся на набор предельных величин с большим числом измерений, которые в свою очередь сохранят это звание лишь до следующей ступени. И так до бесконечности.

На рис. 10 мы изображаем три измерения Времени как три измерения тела, видимого в перспективе. Чтобы перспектива была понятна, этой фигуре приходится рисовать воображаемые границы; но у этих ребер, по правде говоря, нет положения, которое мы пока могли бы указать, кроме тех мест, где они отмечают начало и конец протяженности мозгового субстрата во Времени 1. У бруска есть боковые стороны, но других границ пока нет.

Время 3 показано как вертикальное измерение бруска. По отношению к этому Времени измерения, которые мы называем Временем 1 и Временем 2, сродни измерениям Пространства.

Среднее горизонтальное сечение этой объемной фигуры, плоскость G′G″H″H′, — наш мгновенный снимок рис. 9, показанный в перспективе. Длительности в новом измерении Времени тех состояний мозга, которые изображены на рис. 9 протяженными во Времени 2 линиями, следовало бы показать, продлив эти линии в измерении Времени 3 так, чтобы они образовали плоскости, расставленные, как ломтики поджаренного хлеба на подставке. Но если заполнить их, схема окажется перегруженной. Наш первый реагент, O′O″, будет

длиться (простираться) во Времени 3 как подобная же плоскость, делящая брусок по диагонали, — то есть как плоскость ABCD.

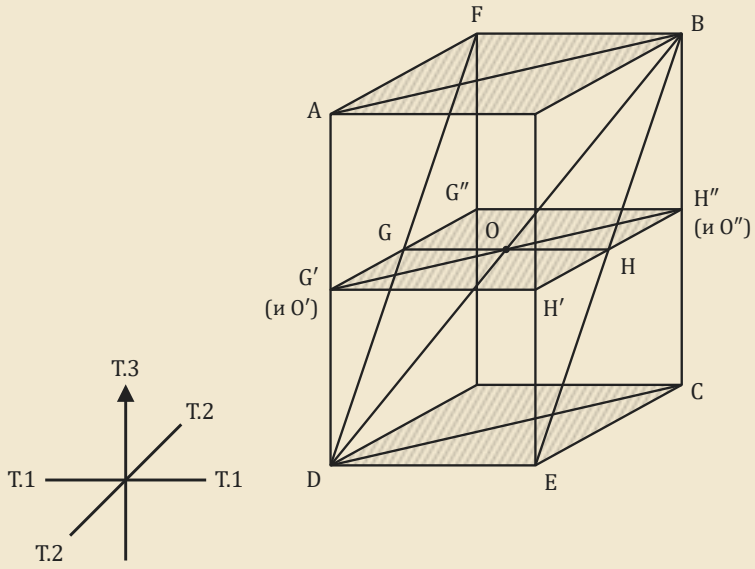

Рис. 10

В «настоящем» состоянии рис. 9 (показанном посередине бруска) поле представления GH — которое, напомним, должно быть отмечено пересечением какой-то определенной наблюдающей сущности с плоскостью фигуры, — находится в середине плоскости. В «прошлом» состоянии рис. 9 (плоскость внизу бруска) это поле — эта линия пересечения — находится в DE. В «будущем» состоянии рис. 9 (вверху бруска) это поле находится в FB. Следовательно, определенная пересекающаяся сущность, реагент номер 2, лежит вдоль наклонной плоскости DFBE, и эта плоскость изображает ее длительность.

Пересечение этой плоскости с плоскостью ABCD — линия DB. Новое движущееся поле представления (поле 3) — плоскость G′G″H″H′. По мере того как эта плоскость поля 3 поднимается по бруску, линия ее пересечения с наклонной плоскостью DFBE (линия GH) движется по движущейся плоскости поля 3 к G″H″. Иначе говоря, поле 2 движется вдоль Времени 2. Точка O (где пересекаются три плоскости ABCD, DFBE и G′G″H″H′) тем временем движется вдоль движущейся линии GH к H. Иначе говоря, поле 1 движется вдоль Времени 1.*

* Надо помнить, что фигура — схематическое изображение серийных отношений и что, рассматривая движения внутри бруска, нельзя упускать из виду систему, по которой этот брусок построен. Нельзя, например, рассматривать точку O как движущуюся вверх по DB, не признавая в то же время условий этого движения, а именно что поле 3 движется во Времени 3, а поле 2 — во Времени 2.

Анализ, очевидно, будет продолжаться таким же образом до бесконечности. Там у нас окажется единое многомерное поле представления в абсолютном движении, движущееся по неподвижному субстрату объективных элементов, протяженных во всех измерениях Времени. Движение этого предельного поля вызывает движение бесконечного числа мест пересечения между этим полем и неподвижными элементами, и эти места пересечения составляют поля представления с меньшим числом измерений. В бесконечности у нас опять-таки будет Время, которое отмеряет все движения полей представления или движения внутри них. Это Время будет «Абсолютным Временем» с абсолютным прошлым, настоящим и будущим. Настоящий момент этого абсолютного Времени должен содержать все моменты — «прошлые», «настоящие» и «будущие» — всех подчиненных измерений Времени.

Заметим, что мы никогда не можем показать путь, по которому O движется на самом деле. На рис. 9 этот путь выглядит как O′O″, а на рис. 10 — как DB. Нам приходится показывать его по-разному при каждом введении нового измерения Времени. Но видно, что наблюдателю каждого отдельного движущегося поля в предельной, завершенной схеме путь O будет казаться лежащим внутри его поля. (Например, наблюдателю поля GH на рис. 10 O кажется движущейся от G к H.)

Природа ряда теперь начинает проясняться. Он сродни типу «китайских шкатулок» — типу, где каждый член содержится в подобном ему, но большем (в данном случае — большем по числу измерений) члене.

Законы его установить нетрудно. Первый из них таков:

1. Каждое движущееся во Времени поле представления содержится внутри поля, большего на одно измерение и движущегося в другом измерении Времени, причем большее поле охватывает события, которые для меньшего поля являются «прошлыми» и «будущими», а также «настоящими».

Второй закон вводит серийного наблюдателя. (Эта сущность, конечно, не то же самое, что ряд независимо существующих наблюдателей.)

Мы видели, что содержимое мгновений Времени 1 может быть представлено предельному наблюдателю последовательно лишь при условии, что содержимое мгновений Времени 2 точно так же представляется последовательно, — и так же с содержимым мгновений всех прочих Времен ряда. Следовательно, этот предельный наблюдатель есть наблюдатель поля представления, движущегося вверх по измерению Времени на бесконечном конце ряда. Как наблюдатель этого поля, он является наблюдателем и всех меньших, содержащихся в нем движущихся полей.

Далее, O с самого начала анализа было местом, где идет сознательное наблюдение. Так что, на какой бы ступени мы ни остановились, наш предельный наблюдатель на этой ступени сознательно наблюдает в O. На рис. 9, например, наблюдатель 2, GH (совпадающий с полем GH), подобно наблюдателю 1, сознательно наблюдает в O. Но любопытно то, что ни один наблюдатель не обладает этой способностью сознательного наблюдения по собственному праву: он целиком обязан ею сознательному наблюдателю, стоящему над ним в ряду.

Ведь движущийся сознательный наблюдатель GH — единственное, что своим пересечением с реагентом O′O″ выделяет в O′O″ место O, где этот реагент способен к сознательному наблюдению. Уберите GH — и O не будет. Точно так же, перейдя к рис. 10, мы видим, что движущееся поле 3, G′G″H″H′, совпадающее с сознательным наблюдателем 3, — единственное, что своим пересечением с реагентом 2, DFBE, выделяет в DFBE линию GH, в которой этот реагент способен сознательно наблюдать, как в O. Уберите G′G″H″H′ со схемы — и GH вместе с O исчезнет. И так по всему ряду, до бесконечности. Короче говоря, исключите высшего сознательного и последовательного наблюдателя — и низший наблюдатель перестанет существовать и как сознательный, и как последовательный, хотя останется ненужный и ничем не оправданный диагональный реагент — бессознательный и реагирующий на все разом.

Поэтому, как все явления, представленные для наблюдения, в конечном счете сводятся к тому набору состояний мозга, с которого мы начали на «ближнем» конце ряда, так всякое сознательное наблюдение, как и всякое последовательное наблюдение, в конечном счете сводится к наблюдателю на «дальнем» конце ряда, то есть к наблюдателю в бесконечности.

(«Наблюдатель в бесконечности» не означает наблюдателя, бесконечно удаленного во Времени или в Пространстве. «Бесконечность» здесь относится лишь к числу членов ряда. Наблюдатель, о котором идет речь, — это просто ваше обычное, повседневное «я», «здесь» и «сейчас».)

Итак, второй наш закон таков:

2. Сериализм полей представления влечет за собой существование серийного наблюдателя. В этом отношении каждое движущееся во времени поле есть поле, открытое сознательному наблюдателю, который так же движется и имеет то же число измерений. Наблюдение любым таким наблюдателем есть наблюдение всеми сознательными наблюдателями, относящимися к полям с большим числом измерений, и в конечном счете — наблюдение сознательным наблюдателем в бесконечности.

Следовательно, поскольку «внимание» — лишь название сосредоточенного сознательного наблюдения, внимание наблюдателя, относящегося к любому полю, должно сводиться к вниманию наблюдателей, относящихся к полям с большим числом измерений, и так — к наблюдателю в бесконечности. Но фокус внимания (область, охватываемая наблюдением данной степени сосредоточенности) должен в каждом случае иметь то же число измерений, что наблюдатель и его поле. В поле 1 он трехмерен, в поле 2 — четырехмерен, и так далее.

Поэтому третий наш закон таков:

3. Фокус внимания в любом поле имеет то же число измерений, что и это поле, и служит центром — меньшим по числу измерений — для фокусов внимания во всех высших полях, вплоть до внимания в поле в бесконечности включительно.

А теперь посмотрим, можно ли из всего этого что-нибудь извлечь.

ГЛАВА XXII

✦

Наш разбор установил, как устроен механизм времени, который непременно должен существовать, раз мы наблюдаем события одно за другим. Теперь предстоит ответить на вопрос: позволит ли рассмотрение этого механизма объяснить что-нибудь еще? И ответ — да.

Как ни странно, первым обнаруживается то, чего я нисколько не ожидал. С самого начала было ясно, что разбор покажет: 1) ряд полей представления, каждое из которых движется внутри следующего, высшего поля; 2) ряд неподвижных диагоналей, пересекающих одна другую; 3) серийного наблюдателя. Но я не догадывался, что неподвижные диагонали окажутся длительностями наблюдающих элементов этого серийного наблюдателя и что каждый такой элемент будет лишен сознания везде, кроме той точки, где его пересекает поле следующего, высшего сознающего наблюдателя. Открытие этих строго ограниченных движущихся участков сознательного наблюдения имело немалое значение. Сразу стало видно, что рядом с разбором механизма последовательности совершенно неожиданно идет подробное раскрытие механизма сознания.

Как бы вы определили сознающего наблюдателя? Определили бы, то есть, так, чтобы отличить его от наблюдателя бессознательного — например, от фотоаппарата? Начали бы вы, я думаю, с трюизма: сознающий наблюдатель — это тот, кто сознает свои акты наблюдения. А затем поняли бы, что это все равно что сказать: он сознательно наблюдает эти акты наблюдения.

Вам сразу ясно, что этим путем к объяснению сознания не прийти; но так же ясно и то, что вас подвели к утверждению совершенно истинному, от которого никак нельзя отказаться. А теперь подумайте, что это утверждение означает. Сознательно наблюдать первичный акт наблюдения — это само по себе вторичный акт сознательного наблюдения, а значит, по исходному утверждению, его должен сознательно наблюдать третичный акт — и так до бесконечности. Вы пустились описывать серийный процесс, которому нет конца. И единственный выход — вернуться к началу и отрицать, что наш приятель сознает свои акты наблюдения. Поэтому, хотя объяснение сознания вам и не дается, становится ясно: если наш наблюдатель вообще сознает, он должен быть серийным наблюдателем, каждый член которого сознательно наблюдает акты наблюдения «низшего» члена.

Трудно представить, как такой серийный наблюдатель мог бы существовать где-нибудь в одних только трех измерениях Пространства, но разбор в прошлой главе показал, что во множестве измерений Времени он может существовать — и существует — вполне благополучно. Реагент 1, сознательно реагирующий на мозговой субстрат в точке O, есть там представление в движущемся поле наблюдателя 2 — та его часть в сечении, которая в состоянии реакции сознательно наблюдается. Точно так же реагент 2 есть на GH (где он сознательно наблюдает в точке O) представление в движущемся поле наблюдателя 3 (см. рис. 10). И так до бесконечности.

Заметьте: по этому разбору человек может сознавать, не сознавая самого себя. Строго говоря, самосознания вообще не существует. Возьмите любого наблюдателя в ряду, и вы увидите, что наблюдатель, чьи реакции он наблюдает, всегда принадлежит

«низшему» члену. Наблюдаемое «я» — это «низшее» «я». О существовании истинного «я» или, возможно, «высшего» «я» можно было бы заключить, обнаружив, что некоторые явления в субстрате не составляют общего достояния; но такое знание было бы приобретенным, и самонаблюдением оно бы не было.

Но посмотрим, не дал ли разбор чего-нибудь еще.

Что ж, есть еще… но это уже уход в чистую психологию, и так к нему и следует относиться. Психологи постоянно ищут объяснения тому, как мы сознаем течение Времени — сознаем не просто движение или перемену, а то, что движение и перемена предполагают перемещение во Времени. Что Время есть протяжение, которое мы проходим, — представление, если разобраться, довольно замысловатое; и все же все согласны, что именно так мы обычно о Времени и думаем, — и люди образованные, и, что гораздо любопытнее, необразованные. Ребенок мгновенно понимает неуклюжие объяснения няни. Ему почти не нужно говорить, что «вчера» «прошло», а «завтра» «наступает». Как он, как мы пришли к этому замечательному знанию?

Часто высказывают догадку, что внимание никогда по-настоящему не ограничено математическим мгновением. Оно охватывает чуть больший промежуток. Иначе говоря, у него есть небольшая протяженность в измерении Времени.

Так вот, эту небольшую протяженность нам как раз и дает третий закон ряда. Закон утверждает, что фокус внимания в поле 1 есть центр, вокруг которого по измерениям расположены фокусы внимания во всех высших полях. Значит, фокус в поле 1 окружен каймой, которая, как бы узка она ни была, подвергается вниманию наблюдателя 2. А это, в свою очередь, значит, что наблюдатель 2, чье внимание окружает внимание наблюдателя 1

в поле 1 и следует за ним, должен воспринимать видимое движение наблюдателя 1 относительно тех неподвижных (мозговых) представлений в поле 2, которые охватывает его собственный, больший по измерениям фокус. Процесс в точности подобен тому, каким наблюдатель 1 воспринимает предметы, проходящие через его собственное трехмерное поле. Поэтому наблюдатель 2 (а значит, и наблюдатель в бесконечности) не только наблюдает то, что наблюдает наблюдатель 1, но и воспринимает этого индивида как движущегося из «прошлого» в «будущее» во Времени 1.

(Философы заметят, что «последовательность в опыте» тем самым непременно влечет за собой «опыт последовательности».)

В связи с этим перекрытием фокуса наблюдателя 1 фокусом наблюдателя 2 есть еще одно обстоятельство, которое, возможно, имеет некоторое значение. Любой фокус внимания, движущийся вдоль Времени 1, наталкивается на неровности в субстрате — неровности, которые мы изображали волнистостью линий субстрата на рис. 7 (a) и 7 (b). По отношению к полю 1 и его фокусу эти неровности, наблюдаются они или нет, суть движения физических элементов в трехмерном Пространстве. Но чуть более широкий, перекрывающий фокус наблюдателя 2 вполне может охватывать отрезок Времени 1, содержащий немалое число таких неровностей, и тогда они предстанут как узор во Времени 1 в той части субстрата, которую охватывает этот фокус. Это значит, что наблюдатель 2, следящий своим вниманием за полем 1, должен быть способен прямо воспринимать в объективной вселенной такие свойства, которые выходят за пределы пространственных группировок и пространственных движений длящихся частиц. Физическая частота предстала бы как узор — частота казалась бы чем-то вещественным. Быть может, в конце концов окажется, что

это формально связано с тем, как наблюдатель истолковывает частоту в виде ощущения. Но, вероятно, мы показали бы дело с самой значительной его стороны, если бы сказали, что предельный наблюдатель должен, таким образом, непосредственно наблюдать весьма важную и весьма замечательную характеристику, известную физической науке под именем «действия». Но об этом позже.

Можно ли извлечь что-нибудь еще?

Да: у нас есть наконец объяснение нашего «эффекта» сновидений.

Третий закон утверждает, что фокус внимания в любом низшем поле окружен фокусами внимания во всех высших полях. (Это просто другой способ сказать, что в конечном счете явлениям этого низшего поля внимает наблюдатель в бесконечности.) Поэтому в часы бодрствования внимание наблюдателя 2 не блуждает туда-сюда в пределах поля 2, а следует за фокусом наблюдателя 1 в поле 1, который движется вбок, поперек поля 2. Но что, если в поле 1 нет никакого фокуса внимания? Что, если поле 1, как в глубоком сне, становится пустым оттого, что большой мозг бездействует? Такое положение изображено на рис. 11.

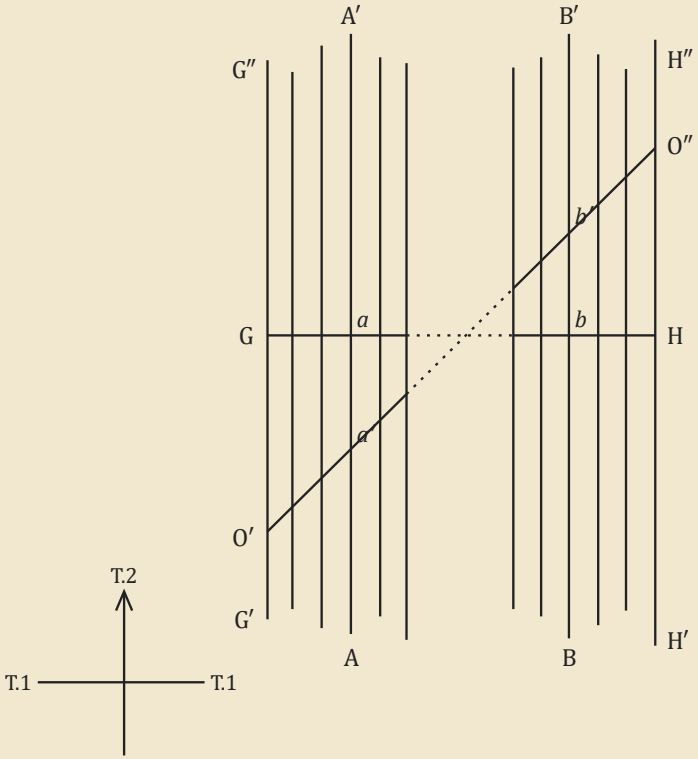

Рис. 11

Пробел, идущий вверх посередине чертежа, означает отсутствие всех тех мозговых состояний, которые связаны с возникновением психических явлений. Поэтому в тот момент (абсолютного Времени), когда поле 2, GH, движущееся вверх по Времени 2, находится в показанном положении, в поле 1 (в точке пересечения GH и O′O″) наблюдателю 1 нечему внимать. Фокус внимания наблюдателя 2 стал, таким образом, *первым членом* ряда концентрических фокусов: у него нет фокуса меньшего числа измерений, за которым он мог бы следовать. И потому ничто не

удерживает его от движения — под прямым углом к его измерению Времени — во всех измерениях его поля представления GH. Иными словами, когда наблюдатель в бесконечности не находит в поле 1 ничего, чему можно внимать, его внимание уходит блуждать в другое место. Что такими блужданиями внимания объясняются все общепризнанные явления сновидений, будет показано в следующей главе. Здесь нужно лишь отметить, что в этих блужданиях внимание будет натыкаться на мозговые соответствия чувственных явлений, явлений памяти и вереницы ассоциативного мышления, которые могут лежать либо в «прошлом» (как в точке *a*), либо в «будущем» (как в точке *b*) Времени 1. Наяву же внимание, следуя за той точкой поля 1, где движущееся GH пересекается с O′O″, уже прошло мозговое состояние AA′ (в точке *a′*) и еще встретит мозговое состояние BB′ (в точке *b′*).

Что-нибудь еще?

Да: выводы разбора превосходно согласуются со всем, что обнаружилось в ходе «опытов наяву».

Разбор резко отделил представление, относящееся к исходным мозговым состояниям, от наблюдения (куда входит и внимание), относящегося к наблюдателю в бесконечности. Поэтому неудивительно, что он не выявил никакого закона, который заставлял бы предельного наблюдателя направлять внимание на какое-то определенное явление в каком-то определенном поле. Что в часы бодрствования такое внимание на деле обычно направлено на явления в поле 1, достаточно очевидно; но теория оставляет нам в этом деле единственное принуждение — привычку. И практика это подтверждает. В опытах наяву, как помнит читатель, внимание, пока ему позволяли следовать за

легкой, быстрой вереницей связанных образов, не натыкалось ни на что, кроме образов прошлого.

Причина теперь кажется довольно ясной. То, что вереница связанных образов приходила в наблюдение быстро и легко, показывало, что внимание предельного наблюдателя движется по привычке. А привычка держит его в поле 1, и в этом поле все образы относятся к прошлому. И все же привычка не была законом. Ее можно было преодолеть. Решительно отказываясь внимать этим охотно предлагаемым образам, можно было полностью прекратить внимание в поле 1. И в те редкие мгновения, когда это удавалось, внимание в поле 2 было свободно, как во сне, ускользать по путям ассоциаций, уходящим куда-то прочь от «настоящего момента» Времени 1.

Ограничиваясь в этой главе простейшими выводами из разбора, отметим еще одно.

Совершенно ясно, что нашему серийному наблюдателю будет очень трудно высвободиться из пут сознательного существования. Собственно, непонятно, как ему вообще это удастся.

Субстрат, который доставляет конечное содержимое его серийного поля представления, — всего лишь протяженность (длительность) во многих измерениях Времени первичной протяженности во Времени 1. Протяженность во Времени 1 имеет начало и конец, и эти две границы учтены и появляются повсюду в протяженностях по другим измерениям Времени. Но поля, которые движутся по протяженностям во втором и «высших» измерениях Времени, ни в одном члене не движутся ни от этих двух границ, ни к ним; они идут прямо вверх между ними. Единственное поле, которое выходит за пределы многомерной фигуры, — это поле 1.

Смерть — то есть приход движущегося поля к границе — не есть, следовательно, серийный элемент. Подобно провалам сна и различным неровностям Времени в субстрате, она принадлежит к тем особенностям одного лишь первого члена, которые, как мы видели раньше, должны существовать в любом ряду, имеющем начало.

Конечно, протяженности субстрата в других измерениях Времени могут иметь и произвольные окончания — какое-нибудь божество может их отсечь, — но разбор показывает, что без такого вмешательства субстрат длится до бесконечности во всех измерениях Времени, кроме первого. Ведь в этих других измерениях он не обнаруживает тех признаков, которые во Времени 1 указывают, что протянутые во Времени линии, возможно, разойдутся где-то дальше по протяжению.

Так что наблюдатель 1, по-видимому, единственный наблюдатель, который умирает.

Читатель, надеюсь, заметит, что изложенные положения сериализма выведены не из опытных данных, которые доставил наш эффект сновидений, а получены прямым разбором того, какой логически должна быть любая вселенная, где Время имеет протяженность и где события переживаются одно за другим. Довод в пользу эффекта сновидений, таким образом, двойной — логический и опытный.

Порядок изложения в книге, по правде говоря, можно было бы полностью перевернуть. Мы могли бы начать с разбора того, что заключено в самом факте, что мы переживаем события одно за другим. В конце этого разбора мы заметили бы — как совсем мелкое следствие из по-настоящему важных открытий — вероятность эффекта сновидений. А потом могли бы описать

опыты, предпринятые, чтобы проверить этот последний вывод. Таков был бы обычный порядок научного отчета.

Но обстоятельства в этом случае исключительные. Очевидно, что хотя «наблюдатель в бесконечности» — существо ничуть не более величественное и не более возвышенное, чем собственное, весьма невежественное «я» каждого из нас, он начинает опасно походить на самый настоящий «анимус». А в первой части уже говорилось, что вера в анимус должна была зародиться из изучения снов. Люди первобытной поры и люди без особого образования, вспоминая свои сны, не могли прийти ни к какому иному заключению, кроме того, что во сне они находятся в поле бытия, совершенно отличном от поля обычной бодрствующей жизни. Эту веру принято считать детской и нелепой. Если бы она и вправду была такой, то довод в пользу анимуса пришлось бы признать порченым в самом своем источнике.

Поэтому я счел правильным начать с того, чтобы вызвать первобытного человека в суд и показать опытным путем, что его сны действительно время от времени давали ему, его «провидцам» и его «пророкам» вполне достаточные основания верить, что поле сновидений — нечто совсем иное, чем поле бодрствования, и что его предельное «я» пользуется во времени свободой, в которой отказано бодрствующему человеку.

Доказательства, приведенные в нынешней, четвертой части книги, можно затем рассматривать по существу.

ГЛАВА XXIII

✦

Поскольку всякое наблюдение есть наблюдение наблюдателя в бесконечности, все мышление в поле 1 (последовательное, автоматическое переживание мозговых состояний, расположенных вдоль Времени 1) есть мышление этого не всегда ясно мыслящего индивида. Но только ли этим рассмотрением поля 1 и исчерпывается его мышление? И всегда ли то, что представлено в этом поле, так чисто автоматично, как мы предполагали на протяжении всего предыдущего разбора?

Этот предельный наблюдатель (который, не забудьте, — всего лишь ваше обычное, повседневное «я») наблюдает в поле 2 (GH на рис. 12) образ *b*, принадлежащий мозговому состоянию *bb′*, до которого (вертикальная линия) точка пересечения GH и O′O″ еще не дошла. Иными словами, вам снится будущее событие, и это событие переживается наяву через день-другой, когда поле 2 переместится в G″H″. Наутро после сна — то есть когда поле 2 переместилось только в G′H′, — вы по причинам хорошим или дурным записываете на листке бумаги, что вам снилось.

След памяти об этом переживании *bb′* во сне явно находится не в мозговом состоянии *cc′*, где в момент записи сна расположено поле 1, O. Следовательно — если рассуждать предельно логично, — он должен быть где-то еще.

Сам акт записи сна по этой памяти есть, таким образом, явное вмешательство в *автоматическую* последовательность мозговых событий во Времени 1. (Насколько это вмешательство скажется на наших чертежах, мы разберем в следующей главе.) Кроме того,

весь ход рассуждения, который выбирает некоторые подробности этой памяти о сне (а ее нет в поле 1) как важные для вашего умственного исследования, не может быть простым рассмотрением мозговых состояний в поле 1.

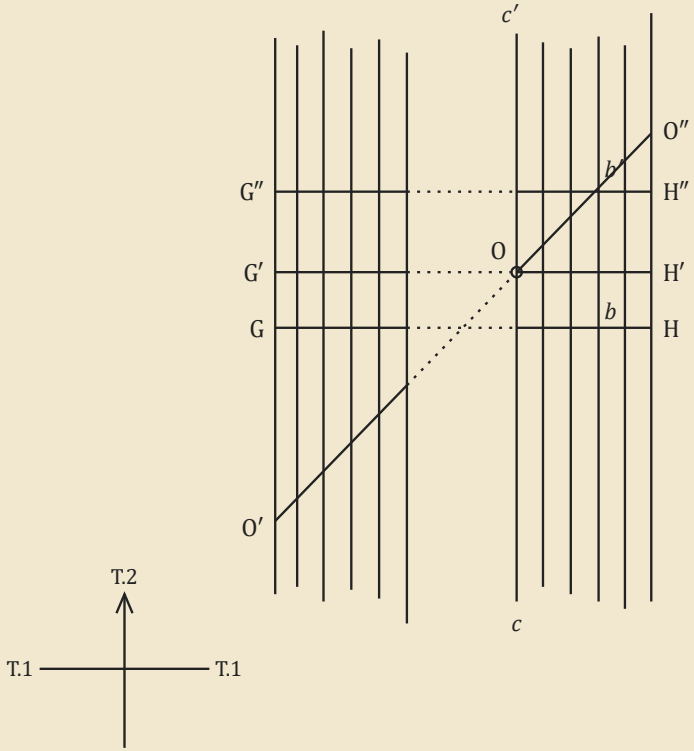

Рис. 12

Поэтому мы обязаны признать за вами пользование следами памяти и умственным снаряжением, *добавочными* к тем, что можно наблюдать в поле 1.

Что мы можем о них узнать?

Посмотрим, что происходит, когда вы засыпаете.

Ваш фокус внимания становится четырехмерным фокусом, перед которым стоят четырехмерные представления — представления, охватывающие промежутки Времени 1, а не просто его мгновения. (Для спящего, разумеется, предельное Время — это Время 2.) Эти представления поля 2 включают чувственные явления, явления памяти и вереницы ассоциативного мышления, относящиеся к вашей обычной бодрствующей жизни, но все они предстают протяженными во Времени 1 — больше или меньше, смотря по тому, насколько сосредоточен ваш фокус. Наблюдаемый субстрат, как всегда, неподвижен. Видимость движений, идущих в трех измерениях Пространства, может возникнуть так же, как она возникает в поле 1 наяву, — то есть от движения фокуса внимания в том же направлении Времени 1, — при одном, однако, условии: этот четырехмерный фокус должен суметь сжаться в этом измерении до длины, не намного превышающей ту, какую он имеет, когда в часы бодрствования следует за истинно трехмерным фокусом в поле 1, держа его в своем центре.

Но этого движущегося трехмерного фокуса нет как путеводителя, когда, как во сне, наблюдатель 1 бездействует; и без этой движущейся метки сосредоточения вам, должно быть, довольно трудно удерживать свой четырехмерный фокус сжатым почти до нуля в измерении Времени 1 и ровно движущимся в этом измерении.

Ссылка на вашу способность сосредоточиваться — это, конечно, утверждение, что вы больше чем чисто пассивный наблюдатель; но раз уж мы признали за вами способность вмешиваться, едва ли можно отказать вам в той способности сосредоточивать внимание, которая неизбежно применялась бы при таком вмешательстве.

Надо признать, что описанные условия весьма точно объясняют свойства явлений сна, как они наблюдаются непосредственно. Весь сон вы стараетесь истолковать обстановку сновидения как череду трехмерных видов, подобных тем, что вы переживаете в поле 1. И всякий раз чрезмерная протяженность вашего фокуса во Времени 1 вас подводит. Ничто не стоит на месте, чтобы на него можно было посмотреть. Все течет. Ведь в ваш вид всегда входят «чуть раньше» и «чуть позже» того мгновения Времени 1, которое вы ищете. И оттого, что ваши попытки удержать сосредоточенный фокус то и дело срываются, история сна развертывается чередой несвязанных сцен. Вы отправляетесь в путь… и вдруг оказываетесь у его конца. Вы все время стараетесь вести внимание ровно в том направлении, к которому привыкли в бодрствующем наблюдении, — то есть вперед по Времени 1, — но внимание все время ослабевает, а когда вы снова его сжимаете, то нередко обнаруживаете, что оно сосредоточено не там и что вы заново наблюдаете более раннюю сцену истории сна. Вы начинаете следовать за тем, в чем наяву узнали бы вереницу связанных образов, но посреди пути внимание слегка ослабевает, так что на деле вы, может быть, воспринимаете первый образ вереницы и сразу за ним последний. Так и получается то любопытное слияние образов, связанных между собой, но (на самом деле) отстоящих друг от друга на несколько звеньев, которое известно (см. часть I) как «интеграция». А то, что вы словно входите в дома, не проходя сквозь стены, — разумеется, одно из самых обыденных происшествий в четырехмерном мире.

Однако совершенно непрерывный сон бывает очень редко. Мозг то и дело шевелится от случайного тока нервной энергии — а это значит, что поле 1 натыкается на что-то наблюдаемое. Тотчас

же внимание (1, 2 и все прочие) сосредоточивается в этом месте, а когда внимание 1 снова угасает, среди образов сна появляется четырехмерный образ, центром которого только что был образ поля 1, — поле 1 тем временем снова ушло на пустое место. Здесь происходит в точности то же, что и в миг засыпания. Телесные ощущения, такие как боль и холод, которые дают о себе знать в поле 1, к тому же смешиваются с настоящими образами сна, по мере того как внимание в поле 1 то возникает, то исчезает. Если внимание к таким переживаниям держится, вы обнаруживаете, что проснулись.

Замечательно, однако, что боль или какое-либо острое телесное ощущение никогда не примешивается к образам сна, если вы в тот самый миг абсолютного Времени действительно не испытываете такого ощущения в поле 1. И это при том, что ваше внимание путешествует среди мозговых состояний, прошлых и будущих, в которых телесное неудобство было или будет отчетливо вам явлено наяву.

Причину этого, быть может, искать недалеко. Хорошо известно, что сила телесного ощущения во многом зависит от степени сосредоточенности внимания. Солдат в бою часто не знает, что ранен; на бегу наперегонки вы не замечаете зубной боли; внимание к сильной боли заставляет исчезнуть боль поменьше. А если сосредоточить внимание даже на очень мелком неудобстве, оно разрастается, пока не станет почти невыносимым. Так вот, без движущегося трехмерного фокуса поля 1 в качестве метки все прочие фокусы концентрического внимания становятся, по нашему нынешнему предположению, менее сосредоточенными. Поэтому во снах — настоящих снах непрерывного сна — вас никогда не слепит яркое солнце, не оглушает громкий шум, не раздражает неудобная одежда, вы не обжигаетесь, не мерзнете и

не устаете. Сны, хотя и кажутся вполне настоящими, лишены всех этих неприятных свойств силы, присущих бодрствующей жизни; мы едва сознаем, что у нас есть тело.

Боль, разумеется, по современному взгляду — ощущение, такое же отдельное от других ощущений, как свет или звук. У нее свой особый нервный аппарат, и ее нельзя теперь смешивать, как прежде, с тем чувством неудобства, которое сопровождает перераздражение органов чувств других родов. Боль в глазах — это нечто иное, чем исключительно яркий свет. Современный взгляд можно выразить так: боль — самое неприятное из ощущений, а не ощущение неприятности как таковой. Как и у всякого другого ощущения, доступный переживанию диапазон ее силы должен быть ограничен. Нельзя воспринимать цвета сколь угодно тусклыми или сколь угодно яркими. Что боль слабее некоторой степени не ощущается, очевидно любому экспериментатору; а то, что, когда сила этого ощущения доходит до известного предела, наступает беспамятство, составляло главную трудность средневекового палача. Крайняя неприятность боли и то, что она отчасти отвлекает внимание от других ощущений, вовсе не означают, что этот диапазон наблюдаемой силы — от едва ощутимой до совершенно невыносимой — велик. Во всяком случае, это не такой диапазон, который, подобно цветовому, содержит великое множество отдельно различимых ступеней.

Поэтому то, что наблюдатель, пользующийся расслабленным фокусом поля 2 «страны снов», вовсе не замечает боли, может означать лишь, что диапазон наблюдаемой силы у этого неприятного и подавляющего явления значительно короче того, что присущ наблюдаемым степеням силы ощущения света.

Так вот, на протяжении всего сна вы думаете об этом сне, точно так же как думаете о своих чувственных переживаниях наяву. Вы оцениваете значение того, что видите во сне; строите наивные планы, как справиться с положениями, в которые попадаете во сне; помните, что произошло во сне непосредственно перед тем. Это и есть то добавочное мышление и запоминание, не принадлежащее полю 1, которое мы пытаемся исследовать.

Было бы слишком сказать, что это во всех смыслах мышление малого ребенка, потому что оно включает понятия, свойственные взрослой жизни, — например, политические идеи. Но все мы согласимся, что это мышление необыкновенно слабое по сравнению с тем, что сопровождает рассмотрение последовательных мозговых состояний в поле 1. И все же это, совершенно ясно, мышление того же общего склада, что и наши бодрствующие размышления. Оно, как мы видели, исходит из мысли, что восприятие череды трехмерных видов — единственно возможный способ наблюдательного опыта; оно не принимает в расчет «чуть раньше» и «чуть позже» искомого мгновения Времени 1, считая это простой неустойчивостью наблюдаемого; оно запоминает прошедшее во сне на тот же мнимо-трехмерный лад; и оно заставляет внимание, когда то сосредоточено, двигаться в привычном направлении Времени 1, несмотря на то что Время для этого мыслителя лежит под прямым углом к этому измерению.

Правда, все это узнаешь не из наблюдения сна, а из наблюдения воспоминаний о сне, после пробуждения. Но эти воспоминания рассматривает не наблюдатель 1. Их нет в его поле. Такое припоминание наяву того, что вы видели во сне и как вы об этом думали во сне, вы совершаете без помощи наблюдателя 1.

Рассмотрим здесь воображаемый случай чисто автоматического наблюдателя 2, чье запоминание и мышление были бы вполне подобны запоминанию и мышлению нашего наблюдателя первого члена. Этот предполагаемый сверхиндивид был бы снабжен следами памяти, простирающимися ассоциативной сетью под прямым углом ко Времени 2. Его мышление состояло бы из блужданий внимания по этому ассоциативному сплетению — блужданий туда и обратно в Пространстве и назад и вперед во Времени 1. Это было бы мышление возвеличенного, четырехмерного рода, в котором Время 2 было бы единственным видимым измерением Времени и в котором четырехмерный взгляд на субстрат был бы естественным и само собой разумеющимся. Такой наблюдатель мог бы сознавать, что все четырехмерные вещи состоят из бесконечного числа трехмерных сечений; но он никогда не стал бы воспринимать или пытаться воспринять, как делаем мы во сне, одно из этих сечений как единственное, а остальные — как неустойчивые, сбивающие с толку добавки.

Так вот, записи блужданий внимания настоящего наблюдателя 2 во сне — те записи, которые позволяют вам вспомнить эти сны, — должны быть следами, простирающимися в четырех измерениях (во Времени 1 и в трех обычных измерениях Пространства). И где бы ни находились эти следы — в мозговом субстрате, или в движущемся во Времени наблюдателе 2 (который есть четырехмерная сущность, отличная от субстрата, по которому он движется), или еще где-нибудь, — они непременно образуют своего рода ассоциативную сеть.

Итак, перед нами случай наблюдателя, который действительно обладает умственным строением, приспособленным для того, чтобы видеть представления в их четырехмерной цельности, но

который тем не менее старается считать такие представления всего лишь трехмерными явлениями. Ваше мышление в отсутствие наблюдателя 1 включает, следовательно, нечто сверх простого рассмотрения четырехмерной ассоциативной структуры. Оно включает *истолкование* этой структуры.

Похоже, таким образом, что профессор У. Макдугалл прав в одном главном пункте. Ведь почти все его доводы в пользу существования анимуса сводятся к настоянию на том, что «значения», как он их называет, суть истолкования анимусом того, что мозг представляет в виде образов. И все же нам было бы трудно принять взгляд Макдугалла во всей его простоте. Есть противоположная теория, слишком сильная и слишком здравая, чтобы ею пренебречь. Лучше всего ее, по-моему, выражает профессор Дж. С. Мур, который заявляет, что «значение есть контекст», и далее доказывает, что значение отдельной идеи — это просто кайма связанных с нею идей, которые и составляют этот контекст.

Ответ сериализма, по-видимому, таков: Мур прав, но и Макдугалл тем не менее не вполне неправ.

Если значение дается контекстом — сопутствующими ассоциациями, — то оно должно даваться каймой частично ослабленного внимания. И это подтверждается тем, что, когда наше внимание к предмету сильно сосредоточено, мы замечаем качество и форму этого предмета в ущерб его значению. Так вот, внимание наблюдателя 2, когда оно окружает внимание бодрствующего наблюдателя 1 и следует за ним, по нашей теории удерживается сосредоточенным в измерении Времени 1, а изменения сосредоточенности происходят главным образом в трех измерениях Пространства. Так что контексты для бодрствующего наблюдателя — это главным образом отношения

пространственного положения и пространственного движения. И это, безусловно, верно в отношении значений, которые он придает тому, что воспринимает. Контексты, которые доставляет очень слабо перекрывающая кайма внимания в четвертом измерении, — это те, что показывают движение наблюдателя 1 во Времени и намек на узор Времени 1 в субстрате. Все это прекрасно согласуется с определением Мура.

Но для нашего воображаемого автоматического наблюдателя 2, мыслящего — в отсутствие наблюдателя 1 — на четырехмерный лад, контексты в четвертом измерении должны быть столь же ясными истолкованиями, как контексты в трех измерениях обычного Пространства. А между тем именно эти четырехмерные контексты для настоящего наблюдателя ясными истолкованиями не являются. И неясны они — для него — потому, что сами им неверно истолковываются. Вместо того чтобы считаться четырехмерными ассоциативными продолжениями, они считаются озадачивающими трехмерными неустойчивостями. А обратные движения внимания, из будущего в прошлое Времени 1, попросту вовсе не замечаются. Истолкования такого рода должны быть истолкованиями соответствующих кайм контекста, которые дает сам наблюдатель.

Здесь может помочь сравнение. Возьмем ребенка, который, набравшись некоторого опыта в чтении двумерных листов печатных нот, приобрел привычку истолковывать эти листы как расположение одномерных аккордов, за которыми внимание следует одно за другим слева направо. Читая такой лист, он находится в положении наблюдателя, пользующегося полем 1. Чтобы распространить сравнение и показать его в положении наблюдателя во время сна, нам пришлось бы представить, что у него такой фокус зрения, который нельзя сосредоточить

настолько, чтобы в нем умещался только один аккорд за раз. Но эту трудность можно обойти, предположив, что теперь ему дали лист, где аккорды не разделены ясно, а так стиснуты, что каждый частично заходит на ближайших соседей справа и слева, и в итоге ни один аккорд нельзя увидеть по отдельности. Никто не станет отрицать, что ребенок, получив такой лист, начнет с попытки прочесть эту загадочную вещь старым, привычным способом и что привычка, которая его к этому принуждает, будет не в листе, а в его уме. Так и привычка к трехмерному истолкованию, которая донимает нас во сне, — не свойство наблюдаемых четырехмерных явлений, а черта нас самих как наблюдателей. Что же до нашей неспособности замечать во сне движения внимания назад по Времени 1, то привычки истолкования, укоренившейся у предельного мыслителя, вполне достаточно, чтобы это объяснить. Ни один ребенок, читая нотный лист, не наблюдает того, по чему скользят его глаза, когда он переводит их обратно к началу новой строки. Вы (надеюсь) прочли каждое слово этой книги с самого начала, и ваш взгляд тысячи раз перескакивал с правого края страницы на левый; но ни разу вы не прочли строку задом наперед и даже не заметили, как выглядит строка в обратном направлении. Более того, даже теперь, когда вы пытаетесь, вы не можете воспринять этот ее облик; и ближе всего к тому, чтобы его себе представить, вы подойдете, глядя на слово, написанное задом наперед, но все-таки слева направо, — как в зеркале. И привычка, которая делает вас слепым к этому облику, не в печатной странице, а в вас самих.

Так мы приходим к любопытному представлению о предельном мыслителе, который учится истолковывать то, что предстает его вниманию, причем учеба эта состоит в том, что в часы бодрствования он неотступным трехмерным вниманием

следит за легкой, автоматической работой этого изумительного ассоциативного механизма — мозга.

Это, надо признать, полный переворот старинного анимистского представления о «высшем» наблюдателе как о существе высочайшего ума, которое добивается наилучшего результата, какого может, с помощью неуклюжего вещественного снаряжения. Но мне кажется, что никуда не деться от ясного свидетельства, которое дает характер нашего мышления во сне. Какие бы способности к будущему высшему разумению ни таились в наблюдателе в бесконечности, это способности, которые еще ждут развития. Поначалу мозг — учитель, а ум — ученик. Ум начинает свое стремление к строению и индивидуальности с того, что лепит себя по образцу мозга.

Эволюция трудилась, возможно, восемьсот миллионов лет над развитием мозга. Сегодня, как указывает профессор Мак-Кендрик, почти все функции нашего тела работают на то, чтобы как следует питать *серое вещество*. И теперь оказывается, что, помимо своей деятельности по самоподдержанию и саморазвитию, мозг служит машиной, которая учит зародышевую душу мыслить.

Теперь мы можем рассмотреть, каково *происхождение* привычки, удерживающей внимание предельного наблюдателя сосредоточенным в поле 1.

В поле 1 он имеет дело всего лишь с простой чередой трехмерных явлений в трехмерном поле. А в поле 2 перед ним вид четырехмерных явлений в четырехмерном поле. Мало того, эти четырехмерные явления у него удвоены. Например, он может найти в точке *a* (рис. 11) ожившее в памяти воспоминание о предшествующем событии Времени 1. А где-то между G и *a* у него есть еще и само исходное событие, оставившее следы памяти,

которые потом ожили. В поле 3 субстрат (см. рис. 10) переполнен пятимерными явлениями (среди которых, впрочем, нет ни одного, не представленного уже в более простой четырехмерной форме в поле 2); и эти явления из-за менее сосредоточенной области фокуса внимания слабее, чем явления в поле 1 или в поле 2. И чем выше мы поднимаемся по ряду, тем хуже понятность представлений и тем меньше их живость.

Итак, именно в поле 1 явления впервые вообще становятся различимы для младенца. А его внимание остается там, где есть чему внимать.

Далее, мы знаем, что даже в пределах поля 1 внимание взрослого может и привлекаться извне, и направляться изнутри. Знаем мы и то, что отводить внимание от точки притяжения — этому приходится учиться, мучительно, за школьной партой. Внимание маленького ребенка, следовательно, должно быть во многом во власти притяжения. А мы знаем, что сильнее всего притягивают внимание грубые телесные удовольствия и телесные боли. Они существуют только в поле 1. Так боль оказывает услугу не только физиологическую.

Наконец, ребенок довольно скоро узнает, что в поле 1 он может вмешиваться, чтобы получать эти удовольствия и избегать этих болей. И это очень быстро становится господствующей целью человека.

Оглядывая предыдущие части этой главы, мы видим, что предельный Разум — Разум, который способен оценить лишь самые простейшие стороны сложного строения, имеющегося в его распоряжении, — всегда должен являть себя как нечто внешнее по отношению к любому представлению о его строении, какое мы можем попытаться составить.

В первой части книги мы старательно избегали вопроса, приписывать ли внутреннее направление внимания предельному наблюдателю или считать, что оно возникает из чисто автоматического внутреннего состояния мозга. Мы довольствовались замечанием, что если считать ответственным действующим лицом предельного наблюдателя, то мы признаем за ним положение анимуса, способного вмешиваться, поскольку сосредоточение внимания, как известно, заметно влияет на образование следов памяти.

Однако, чтобы не оставить никакой ловушки для неосторожного мыслителя, лучше показать, что такое направление внимания — такое вмешательство — должно быть приписано наблюдателю в бесконечности.

Вопрос, в сущности, в том, не обязано ли внимание в каком-либо высшем поле совпадать с какой-то особенностью субстрата, подобной «наибольшему потоку мозговой энергии» в поле 1. Мы видели раньше, что разбор не выявил никакого закона, который заставлял бы внимание направляться на какое-то определенное явление в каком-то определенном поле. Было указано, что внимание, относящееся к наблюдателю в бесконечности, резко отделено разбором от того, что представлено вниманию, то есть от содержимого субстрата. А «наибольший поток мозговой энергии» или что-либо подобное ему в каком-либо высшем поле — это особенность субстрата и, как таковая, по самой своей категории отлична от «фокуса внимания». Теоретически эти две вещи можно разделить. А что это теоретическое различие — различие практическое, реальное, а не просто образчик метафизического крючкотворства, показывает «опыт наяву». Ибо там одна вещь присутствует, а другой нет.

Между условиями этого опыта наяву и теми, что бывают во сне, есть одно большое различие. В первом случае прекращение внимания в поле 1, освобождающее внимание в поле 2, не сопровождается прекращением мозговой деятельности, которую поддерживает тело. Глаза могут быть открыты и передавать большому мозгу световые раздражения, разные по силе в разных частях поля зрения. Уши осаждают шумы разной громкости. Мозговая деятельность затопляет ассоциативные пути, представляя те полчища связанных образов, во внимании к которым (это, как мы видели, сама суть опыта наяву) надо решительно отказывать.

Это показывает, что теоретическое различие между фокусом внимания наблюдателя в бесконечности и любой линией в субстрате, за которой он может привычно следовать, реально, и потому мы обязаны считать, что такой фокус всегда можно отделить от любой такой линии. А там, где эти две вещи совпадают, наблюдателя в бесконечности следует считать соучастником — пассивным или активным — этого совпадения.

Все это, конечно, равносильно признанию, что наблюдатель в бесконечности — существо, потенциально способное к тому, что называют «свободой воли»[*], хотя насколько он, можно сказать, развил в себе эту способность — совсем другой вопрос.

---

[*] Никто не разумеет под «свободной» волей нечто такое, что не движимо вообще никаким побуждением.

Что он может направлять внимание в поле 1 и направляет его, теперь достаточно ясно. Но власть его в поле 2, по-видимому, так же ограничена, как и его понимание этой области. Заметим, однако, что на протяжении своих снов его зачаточный разум чрезвычайно деятельно придает толкования тому, что он наблюдает. (Более того, как я уже замечал, он мастер придавать

неверные.) И общеизвестно, что эту способность истолкования он применяет, сплетая историю сна — драму личных приключений — из разных представлений, на которых сосредоточивается его внимание. Если он вообще может направлять внимание в этом поле, он может изменять ход этой истории; может, по сути, строить драму себе по вкусу. Материала у него почти неограниченное богатство. Он, как мы видели, потенциально способен на такое управление, и, судя по собственному опыту, я склонен думать, что он в небольшой мере им пользуется и что его умение в этом растет с упражнением. Взрослые, мне кажется, не так во власти своих снов, как дети; они могут (я-то, во всяком случае, могу) порой изменить положение, которое пришлось не по душе. Это, впрочем, вопросы для психоаналитика. Но, может быть, когда мы научимся истолковывать четырехмерные контексты как целые, «присутствующие» в настоящем, мыслить четырехмерно и владеть движениями своего внимания, поле 2 покажется нам интереснее поля 1. Но такое развитие понимания и управления вряд ли произойдет, пока мы продолжаем тратить девятнадцать часов из двадцати четырех на упражнение в трехмерном внимании в поле 1.

Мы должны жить, прежде чем сможем вообще достичь хоть разумения, хоть управления. Мы должны спать, чтобы со смертью не оказаться беспомощными чужаками в новых условиях. (Всеобщность сна — замечательная черта в замысле Природы.) И мы должны умереть, прежде чем сможем надеяться продвинуться к более широкому пониманию.

ГЛАВА XXIV

✦

Рассмотрим теперь положение, изображенное на рис. 13.

Когда (в абсолютном Времени) поле 2 находится в GH, субстрат между *a* и H содержит упорядоченный ряд трехмерных состояний мозга, и все они лежат в будущей части Времени 1. Тот предельный мыслитель, который наблюдает сны, — а сны предполагают наблюдение поля 2 как настоящего, — наблюдает, скажем, в этот момент одно из этих будущих состояний, *b′*. Проснувшись, когда поле 2 находится в G′H′, а поле 1 — в O, этот мыслитель вмешивается в O. Предположим, что вмешательство вызвано его воспоминанием о сне, — точно так же, как каждое слово, которое я пишу в этой книге, есть вмешательство, вызванное в конечном счете моими воспоминаниями о подобных снах. (Впрочем, рисунок так же хорошо пояснит последствия вмешательства, исходящего из любой другой деятельности частично обученного ума предельного наблюдателя.) Так вот, надо отметить, что такое вмешательство может совершенно изменить часть будущего пути наблюдателя 1. Если он сядет на поезд до Дувра, а не на экспресс до Саутгемптона, это может кончиться тем, что ему отрубят голову русские политики, а не огреет дубинкой нью-йоркский полицейский. Так что он может вовсе не встретить мозговое событие, изображенное *bb″*, — то событие, которое было воспринято во сне, — а вместо него, когда поле 2 окажется в G″H″, встретить совсем другое событие, *c*.

В той жизни, какую ведет средний цивилизованный человек, вмешательство редко сильно меняет будущий опыт. Слишком уж

мы живем по накатанной колее. Человек может в понедельник купить билет на субботний дневной спектакль и в следующие несколько дней совершить бесчисленное множество мелких вмешательств; но они вовсе не обязательно помешают ему занять свое место в субботу или увидеть на сцене то, что, быть может, снилось ему в ночь с понедельника на вторник. Вмешательство в О может, таким образом, изменить одни события между О и Н′, оставив другие прежними. И в самом деле, если изобразить изменения разрывами вертикальных линий чуть выше ОН′, получится примерно то, что показано на рисунке.

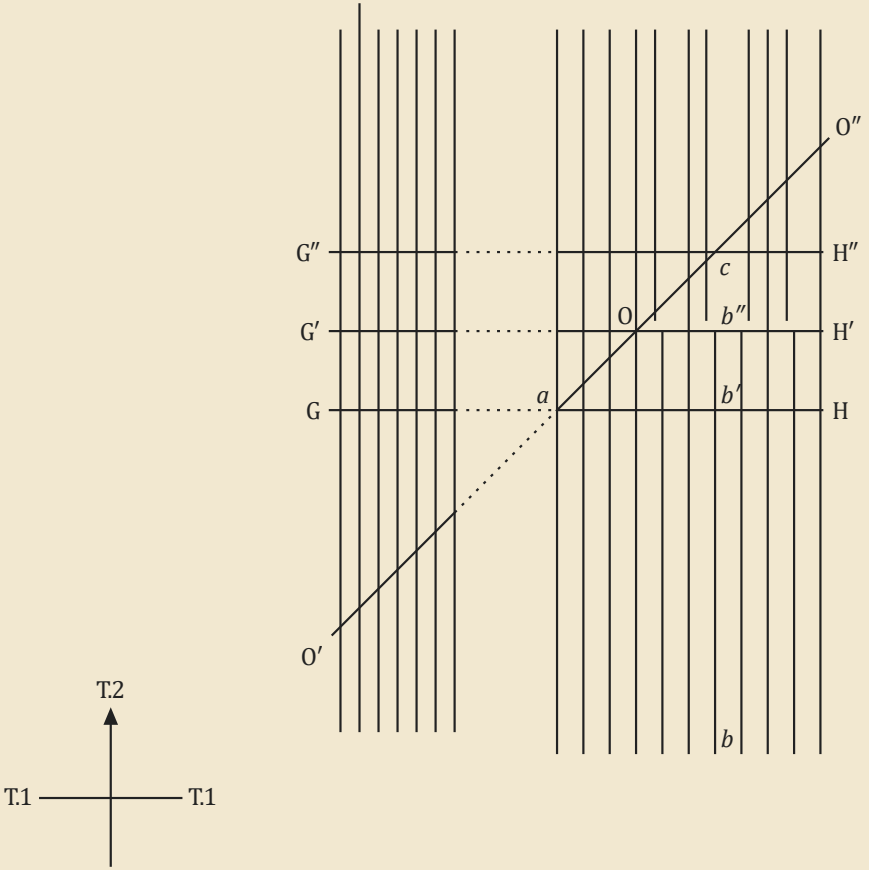

Рис. 13

Следует, однако, заметить, что эти разрывы вертикалей надо считать не неизменными чертами субстрата, существующими прежде, чем (в абсолютном Времени) наблюдатель 1 достигнет O, а переменами в этом субстрате, которые происходят в тот самый миг, когда (в абсолютном Времени) этот наблюдатель достигает этой точки. Это значит, что разрывы изображены как следствие вмешательства, вытекающее из того, как предельный мыслитель

истолковал событие, воспринятое им во сне в b'. (Мы видели в предыдущей главе, что такое истолкование нельзя изобразить ни как какой-либо контекст, ни как след в субстрате.) Считать разрывы заранее существующими (в абсолютном Времени) неподвижными чертами той карты Времени, по которой идет движение, значило бы, что предельный мыслитель встретил бы новое событие независимо от того, видел ли он сон о старом: разрывы возникали бы не вследствие сна.

Мы видели в предыдущей главе, что всякое перемещение внимания требует пассивного согласия или активного вмешательства со стороны наблюдателя в бесконечности. Когда такое перемещение уводит внимание от той линии субстрата, которая изображает поток наибольшей мозговой энергии, мы имеем активное вмешательство, сопровождаемое переменами субстрата, подобными показанным на рис. 13. Но если принять во внимание, какую степень разумности выказывает вмешивающийся, когда мозг спит и не может служить подспорьем его рассуждениям, нельзя представить себе, чтобы его вмешательство в мыслительные процессы мозга было чем-то много большим, нежели настояние, чтобы этот механизм работал ради некоей его собственной цели. Вмешивающийся, по сути, подобен не искусному музыканту, который сочиняет, сидя за фортепиано, а любителю, играющему на пианоле: все его вмешательство в сложную игру этого инструмента сводится к тому, чтобы сменить один перфорированный валик на другой.

То, что перемена в субстрате происходит по всей ОН′ мгновенно (в абсолютном Времени), вполне очевидно, если взглянуть на последствия вмешательства с точки зрения нашей более привычной, трехмерной философии. Никто не станет отрицать, что, когда человек предпринимает шаг, чтобы

предотвратить событие, которое иначе было бы вероятно, вероятность встретить это событие (как бы далеко оно ни было) меняется в тот самый миг, когда он делает этот шаг. В переводе на язык четырехмерной философии это значит, что вероятность того, что наблюдатель 1 встретит событие *bb″*, когда (в абсолютном Времени) он придет в *c*, меняется «в тот самый миг, когда» он вмешивается. Этот «самый миг» — миг того Времени, которым измеряется его движение вдоль O′O″, а это Время есть Время 3 — абсолютное Время для данного рисунка. Следовательно, разрывы возникают, когда (в абсолютном Времени) наблюдатель 1 достигает O, то есть когда (в абсолютном Времени) поле 2 достигает G′H′. Измененный ход событий между O и H′ будет во всех своих частях столь же совершенной механической последовательностью, как и прежде.

> Ясно, что изменение субстрата вдоль OH′ должно затронуть и продолжение этой линии в плоскость (перпендикулярную бумаге), которая изображает длительность линии во Времени 3. Будущая часть этой плоскости должна меняться вместе с изменением линии. И так далее — через все будущее впереди O во всех измерениях Времени. Следовательно, нигде на наших серийных картах Времени нельзя выделить путь впереди O, который был бы абсолютно предопределен во всех своих частях.

Пожалуй, излишне указывать, что предельный «наблюдатель» и предельный «мыслитель» на всем протяжении анализа — это тот наблюдатель и тот мыслитель, которые остаются неучтенными по завершении каждой ступени анализа, — индивидуум, который движется по последнему измерению Времени, показанному на схеме. Таким образом, это всегда одна и та же сущность.

Пишущий эти строки не может знать, что чувствует по этому поводу читатель, но сам он в этом месте был бы благодарен за

десятиминутный перерыв, чтобы разобрать и заново уложить ту груду сведений, которую до сих пор доставило исследование.

Итог такого разбора, по его мнению, должен выглядеть следующим образом.

Сериализм — это завершенное выражение отношения между наблюдателем и наблюдаемым.

Чтобы проанализировать это отношение, вы должны начать с того, чтобы рассматривать обе связанные им стороны (наблюдателя и наблюдаемое) как объекты для себя, мыслящего субъекта: вы должны поместить обе в свою картину.

Поэтому вы вынуждены взять наблюдателем для анализа не себя, а другого, воображаемого индивидуума, которого вы предполагаете подобным себе. Назовем его ради краткости и благозвучия Джонсом.

Вы начинаете с того, что изучаете Джонса как сознающего индивидуума. Все, что вы при этом обнаруживаете, — что он никак не может сознавать, если не сознает серийно.

Отметив это, вы переходите к рассмотрению его как индивидуума, который переживает в последовательности все состояния того, что он наблюдает. Для этого ваша картина должна стать на одно измерение больше, чем Джонс. И тогда анализ показывает вам Джонса как сознающего, психического индивидуума, который движется вдоль измерения Времени. Но ничто не указывает на то, что он нечто большее, чем автомат.

Однако вы обнаруживаете, что, продвинувшись в анализе так далеко, вы логически обязали себя расширить свое полотно еще на одно измерение. И тогда Джонс 1 предстает перед вами наблюдаемым другим наблюдателем, у которого больше измерений, — наблюдателем, который, однако, не вы сами, а все тот же Джонс, Джонс 2, — тогда как Джонс 1 теперь определенно

показывает себя тем бренным автоматом, каким всегда считал его материализм. Джонс 2, однако, оказывается нетленным.

Продолжая анализ, вы видите ряд Джонсов, каждый из которых наблюдает Джонса следующего, низшего члена ряда. Все они нетленны, кроме первого; и все они автоматы, кроме последнего, о котором вы пока знаете недостаточно, чтобы что-либо утверждать.

Здесь вы останавливаетесь, чтобы пересмотреть свою работу и, в частности, проверить законность шагов вашего анализа. Но изъяна вы не находите. Нигде вы невольно не соскользнули в попытку анализировать самого себя. Нигде не подставили себя на место того объективного наблюдателя, которого рассматриваете. Вы все время держались Джонса; а Джонс — законная добыча.

Далее вы отмечаете, что этот серийный Джонс серийно сознает именно так, как того требовали ваши первоначальные выводы о сознании.

Но ведь Джонс подобен вам. Следовательно, вы должны иметь возможность проверить верность своих до сих пор чисто логических открытий о Джонсе, обратившись к собственному опыту.

Серийный Джонс должен быть способен наблюдать действительное движение самого себя вдоль измерения Времени. Поскольку это в той же мере относится и к вам, у вас есть объяснение, почему все люди, образованные и необразованные, и все дети согласны в том, что существует течение основного, но неопределимого «Времени».

Вы отмечаете, что, когда мозг Джонса полностью бездействует, Джонс 2 должен быть способен наблюдать образы тех переживаний, которые мозг последовательно доставлял ему в деятельном состоянии. Это, конечно, было бы весьма

любопытным происшествием. Тем не менее, обратившись к собственному опыту, вы находите, что, когда ваш мозг, по всей видимости, спит, вы «видите сны» и действительно переживаете образы событий яви.

Вы делаете еще более поразительное открытие: образы, которые Джонс воспринимает в таких «снах», должны включать и такие, что относятся к его будущим переживаниям наяву. Вы проверяете это на себе и находите, что это верно.

В ходе анализа вы обнаружили, что сосредоточение внимания есть функция предельного Джонса (последнего Джонса, рассмотренного в ряду), что внимание, сосредоточенное таким образом, есть психический элемент, совершенно отличный от той особенности субстрата Джонса, на которой это внимание оказалось сосредоточено, и что в природе нет закона, который принуждал бы внимание сосредоточиваться в каком-то определенном месте субстрата. Это наводит на мысль, что, где бы внимание ни сосредоточилось в этом субстрате, такое сосредоточение должно быть делом предельного Джонса. Если это действительно так, предельный Джонс должен быть способен переводить внимание с поля 1 на поле 2 даже тогда, когда бодрствующий мозг доставляет переживания Джонсу 1. Вы проверяете это на себе с помощью «опыта наяву» и находите, что это так.

Поскольку предельный Джонс может направлять внимание, он может вмешиваться и менять ход механических событий. Вы доказываете это в собственном случае, совершив механическое действие наяву — записав один из своих снов о будущих переживаниях.

Изучив умственные операции, которые входят в это ваше последнее действие, вы заключаете, что ваш наблюдатель в

бесконечности должен быть способен помнить и думать без помощи мозга. Вы понимаете, что в таком случае это припоминание и обдумывание должны проявляться тогда, когда мозг спит, а наблюдатель 2 рассматривает неподвижные состояния мозга, расположенные в других местах Времени 1, — то есть когда он видит сон. Опыт убеждает вас, что вы и в самом деле, видя сон, думаете о своих снах и помните прежние события этих снов.

Исследование вашего мышления и вашей памяти во сне показывает, что, хотя мозг ваш спит, вы, как предельный наблюдатель своего ряда, стараетесь продолжать и наблюдать, и помнить тем же трехмерным способом, каким делаете это, когда мозг бодрствует и вы наблюдаете его последовательные состояния, представленные в поле 1. Вы понимаете, что это (поскольку ваше внимание во сне четырехмерно) непременно должно вести к странной и сбивающей с толку временной неустойчивости наблюдаемых и вспоминаемых образов — неустойчивости, из-за которой образы сна должны быть куда менее четкими, чем те, другие образы, которые вы способны вызвать воображением наяву. Опыт показывает, что это верно.

Отсюда вы непременно заключаете, что ум предельного наблюдателя складывается, наблюдая последовательно представленные состояния мозга, и, следовательно, учится мыслить трехмерно. Все это настойчиво указывает на то, что ваше мышление во сне на нынешней ступени вашей жизни должно уступать вашему мышлению наяву (когда вы, как предельный наблюдатель, обладающий способностью вмешиваться, пользуетесь помощью мозга). Исследование того, насколько ясно вы мыслите во сне, подтверждает это.

Результаты анализа уверяют вас, что во снах — Джонса или ваших — телесные ощущения должны быть гораздо слабее, чем в жизни наяву. Опыт показывает, что так оно и есть.

Вы находите превосходные причины, по которым предельный Джонс должен держать внимание сосредоточенным на Джонсе 1, пока мозг доставляет Джонсу 1 хоть что-нибудь для наблюдения. И вы находите, что сами поступаете именно так.

Здесь вы делаете предположение. Но оно у вас первое и единственное, а вопрос, которого оно касается, совсем второстепенный. Когда в том месте Времени 1, где оказался Джонс 1, нечего наблюдать, Джонс 1 перестает служить движущейся путеводной меткой для Джонса 2; и вам кажется вероятным, что в этих обстоятельствах перемещения внимания Джонса 2 в поле 2 будут крайне беспорядочны. Вы находите, что это согласуется с вашим собственным опытом сновидений.

Наконец, то представление о наблюдателе, которое вы до сих пор получили, дает вам удовлетворительные телеологические объяснения таких событий, как рождение, трехмерная жизнь, боль, сон и смерть.

Конечный мыслитель, или истолкователь, — тот член ряда, чье мышление есть нечто сверх простого наблюдения содержимого его поля, — это тот наблюдатель, который, подобно предельному Времени, остается не обозначенным на каждой схеме ряда. В первом члене — показанном на рис. 7 (*a*) или 7 (*b*) — он наблюдатель 1; во втором члене он наблюдатель 2, и его поле изображено на рис. 9. И так далее до бесконечности. Существенно, чтобы мы довели рассмотрение ряда до второго члена включительно, иначе серийное отношение не будет раскрыто полностью. Но никакой практической цели не достичь, рассматривая более отдаленные члены. Вы обнаружите, что в

третьем члене никаких новых видов отношения между наблюдателем и наблюдаемым не появляется. Продолжать анализ дальше значит лишь отодвигать назад предельного наблюдателя и мыслителя со всеми его особыми функциями и вставлять дополнительные реагенты, которые все реагируют на содержимое субстрата и все бессознательны, кроме тех случаев, когда этот предельный наблюдатель пользуется ими, чтобы рассмотреть что-то острее.

Достаточно поэтому представлять себе мир как содержащий наблюдателя 2, то есть как поле 3 рис. 9. Это дает вам полное серийное отношение.

ГЛАВА XXV

✦

[Примечание. Если читатель не интересуется физикой, ему советуют пропустить эту главу.]

Физика незадолго до того, как в полную силу дал себя знать обвал, вызванный теорией относительности, пережила два потрясения огромной силы — столь огромной, что причиненный ими ущерб не определен до конца и поныне. При первом из них материю, которая веками считалась самой основной из всех вещей, отмели в сторону, и обнажился «электрон» — по всей видимости, истинная основа объективной вселенной. Но второе потрясение, вызванное открытием любопытной сущности, названной «квантом», произвело еще более глубокую перемену.

Квант, как оказалось, каким-то загадочным образом соответствует подлинному атому некоей физической величины, которую давно (еще в те дни, когда ее можно было мыслить лишь как математико-физическое выражение, ничуть не более конкретное) признали, безусловно, самой основной вещью своего рода. Эта физическая величина называется «действием». Ее не следует путать с «действием» в обычном смысле слова. Это величина, которая каким-то странным образом включает кинетическую энергию, умноженную на Время, или количество движения, умноженное на Пространство; но рядовому читателю незачем ломать голову над значением этих весьма любопытных выражений. При нынешнем состоянии физики всякий, кто пытается мысленно представить себе, что обозначает «действие», просто напрашивается на неприятности; и неспециалисту лучше

всего твердо условиться с самим собой, что это слово, когда оно встречается, означает лишь известную, но пока не опознанную основную сущность.

«Действие, — говорит профессор Эддингтон, — обычно считают самой основной вещью реального мира физики, хотя ум проходит мимо него из-за его непостоянства; и смутно полагают, что атомарность действия есть общий закон и что появление электронов каким-то образом от него зависит. Но точная формулировка теории квантов действия до сих пор не давалась физикам».

Ясно, однако, что если рассматривать какие-либо атомы «действия» в понятиях сериализма, то их надо мыслить как маленькие сущности, рассеянные (так сказать) вдоль Времени 1 и длящиеся во Времени 2, — то есть как реальные сущности в поле 2, столь же реальные, как электроны в поле 1.

До открытия кванта так называемый «принцип наименьшего действия» прочно утвердился как одно из великих основных обобщений физической науки. Принцип этот касается путей, по которым следуют тела, обладающие «массой», когда они переходят от одного расположения к другому, более позднему во Времени. И он гласит, что эти пути будут таковы, что «действие» (величина «энергия, умноженная на Время») окажется наименьшим из возможных при данных обстоятельствах. Таким образом, принцип можно применять для предсказаний.

Есть и другая точная наука, которая может притязать на дар предсказания. Это наука чисто математическая; от физики она отличается тем, что исходит из допущения, будто у вычислителя нет никакого способа узнать, какие законы механической причины и следствия (если таковые вообще есть) участвуют в его задаче, и потому пренебрегает ими всеми и приходит к результату

путем оценки «вероятности». Физика может предсказать путь, который непосредственно предстоит планете, с помощью «принципа наименьшего действия»; эта же другая наука — математическая наука о «вероятности» — может предсказать то же самое столь же точно посредством так называемого «принципа наибольшей вероятности». Человек с улицы невольно пользуется этой наукой, когда говорит о каком-либо будущем событии: «Шансов за него так много, что оно наступит практически наверняка». Эта наука рассматривает все будущие события как «вероятности», и то, что она о них сообщает, — это степень их вероятности. Когда степень эта так велика, что делает событие несомненным, наука становится столь же подлинно пророческой, как и физика.

Для того, кто излагает эту математическую науку, существует одно, и только одно, будущее состояние вселенной — то, которое при всех нынешних обстоятельствах обладает «наибольшей вероятностью». Для физика тоже существует одно, и только одно, будущее состояние вселенной — то, которое с учетом всех нынешних обстоятельств потребует «наименьшего действия».

Поскольку для обеих наук имеется в виду одно и то же будущее состояние, мы рассматриваем здесь два принципа, которые ведут нас к одному и тому же выводу, по всей видимости, совершенно разными путями. И у нас были бы веские основания подозревать, что эти два принципа — лишь разные способы взглянуть на какой-то единый принцип, лежащий в основе устройства вселенной.

И вот случилось так, что Эддингтон, углубившись в область математической физики, заметил, что и в «вероятности», и в «действии» проявляется одна весьма своеобразная черта. Это наводило на мысль не только о том, что эти две вещи связаны, но

и о том, что связь эта должна иметь вполне определенный математический характер. Затем пришло подтверждение. Это математическое соотношение было получено без учета двух «принципов»; но, применив его к математическому выражению этих принципов, он обнаружил, что оно действительно превращает «принцип наибольшей вероятности» в «принцип наименьшего действия», и наоборот. Тем самым они стали лишь двумя разными способами выразить один и тот же лежащий в основе факт.

Короче говоря, Эддингтон отождествляет «действие» с тем, что называется «функцией» от «функции» «вероятности». «Действие, — полагает он (рядовому читателю незачем беспокоиться о том, чтобы понять математику), — есть взятый со знаком минус логарифм статистической вероятности того состояния мира, которое существует». («Существует» значит существует в рассматриваемом месте Времени, безотносительно к тому, прошлое это место, настоящее или будущее.)

Читатель, возможно, ничего не смыслит в логарифмах; но он сумеет увидеть, что вероятное «состояние мира», о котором идет речь в этой фразе, — не вероятное состояние «действия». Ведь в таком случае утверждение гласило бы, что «действие» есть взятый со знаком минус логарифм статистической вероятности состояния самого себя! Какой же тогда мир имеет в виду Эддингтон под «миром, который существует», раз это не мир «действия»? Ответ может быть только один (поскольку отождествление Эддингтона основано на том, что «действие» считается самой основной сущностью): это мир, рассматриваемый как состоящий из неких сущностей, менее основных, чем «действие».

Установив это, мы можем рассмотреть, что означает отождествление, если выразить его нематематическим языком.

Прежде всего надо помнить, что Эддингтон пишет как сторонник Времени-измерения и что для него единицы действия — сущности, существующие в положительной, настоящей вселенной. С другой стороны, вероятности — это выражения, которыми пользуется наука, считающая Время простой абстракцией. Так что «вероятные» будущие расположения, которые она имеет в виду, — это расположения неких сущностей, принадлежащих миру с меньшим числом измерений, чем мир Эддингтона.

Отсюда отождествление есть утверждение, примиряющее две науки: одну, имеющую дело с вероятными расположениями трехмерных сущностей, и другую — с существующими расположениями сущностей большего числа измерений. И означает оно вот что: всюду, где мы (мысля в понятиях трехмерной науки) считаем, что в будущем воображаемого Времени есть события наибольшей вероятности, мы должны (мысля в понятиях любой науки, признающей измерение Времени) считать, что в настоящем, существующем поле Времени есть единицы действия (действительная конфигурация более основных сущностей), расположенные так, как это свойственно состоянию наименьшего действия.

Нам сразу очевидно, что утверждение о «вероятных расположениях» — это утверждение о том, что счел бы «вещами» физик, принимающий наше поле 1 за свой настоящий, существующий мир. А утверждение о соответствующем «действии» — это утверждение о том, что счел бы вещами физик, принимающий за настоящий, существующий мир какое-то более высокое поле нашего ряда.

Субстрат, которым мы занимались в прежних главах, устроен очень просто: он растет лишь прямым добавлением измерений Времени. Вся сложная часть сериализма на наших схемах — система наблюдателей, полей и реагентов — чисто психическая. Если мы отвергаем гипотезу атомарности действия, наш субстрат есть многомерный континуум следующего рода. Атомы материи — или, скажем, электроны, — разделенные в Пространстве, простирались бы во Времени 1 как непрерывные мировые линии, которые, в свою очередь, простирались бы во Времени 2 как мировые плоскости. На этот континуум мы должны были бы (как мы и сделали) наложить нашу психическую систему движущихся полей. Результат дал бы нам все существенное для того сериализма, который пытается изложить эта книга.

Если же мы примем мнение, что существуют атомы действия, более основные, чем электроны, мы уже не можем рассматривать содержимое поля 2 просто как содержимое поля 1, протянутое во времени, — ибо конфигурация атомов действия предполагает временную атомарность, которая не только разбивает любые такие предполагаемые мировые линии, но и показывает их как потоки атомов более основных и большего числа измерений, чем атомы поля 1. Однако такая поправка не лишила бы силы результатов, полученных нами в прежних главах при анализе психической стороны картины.

* * *

Разумеется, нет никаких причин, по которым сторонник теории относительности не мог бы считать поле 2 рис. 9 деформируемым. Тогда поле 3 стало бы деформируемым в этих четырех измерениях. Но на силу довода сериалиста это не повлияло бы. Поле 3 могло бы быть деформируемым во всех пяти измерениях,

ничуть его не тревожа. Мне кажется, однако, что простейшее сочетание сериализма с релятивистским взглядом — считать поле 2 реальным миром «точек-событий» релятивиста, тем его миром, который один и тот же для всех наблюдателей и по которому, следовательно, все психические наблюдатели движутся с общим измерением Времени и делят общее поле 1. Поле 3 простиралось бы вверх во Времени 2 на этом четырехмерном основании.

ГЛАВА XXVI

✦

Боюсь, способности наблюдателя вмешиваться недостаточно, чтобы сделать его полным хозяином своей судьбы. Ибо есть и другие наблюдатели, наделенные подобными способностями. Пока наш друг лежит в постели и видит во сне счастливые вероятности своего будущего, какой-нибудь недруг, одержимый той же манией вмешательства, может поджечь дом и обратить эти вероятности в то, что могло бы быть. (Они, конечно, навсегда остались бы сущностями в прошлом субстрата по Времени 2, но сущностями, которых поле 1 так и не встретило.) И если своим концом во Времени 1 наблюдатель может быть обязан вмешательству других наблюдателей, то почти наверняка своим началом он не обязан ничему иному. До рождения он не может быть ничем, кроме вероятности в будущем рода человеческого.

Это подводит нас к вопросу о том, как связаны поля разных наблюдателей.

Знание того, что такие наблюдатели могут вмешиваться, помогает нам понять, что их поля 1 в своем движении вдоль Времени 1 должны держаться почти вровень. Ведь если бы поле наблюдателя А отставало от поля наблюдателя В и А вмешался бы в путь В в той точке субстрата В, которая находится вровень с А, то В обнаружил бы, что его переживания в поле 1 чудесным образом изменились. Он мог бы даже обнаружить себя чудесным образом мертвым — убитым А немного раньше, сам того не ведая. А такого в нашем опыте не случается.

Далее, эти поля 1 — лишь пересечения неподвижных диагональных реагентов с полями 2. Раз поля 1 движутся приблизительно вровень, неподвижные диагонали должны лежать приблизительно в одной плоскости. Но отсюда же следует, что поля 2, двигаясь вверх по Времени 2, должны держать довольно ровное «равнение».

Теория относительности пока вовсе не занимается движением этих полей 1. Она занимается лишь картами субстратов, по которым движутся эти поля.* Если бы, однако, мы применили сериализм к теории относительности, мы, возможно, обнаружили бы, что наши неподвижные диагонали в двух измерениях Времени нельзя считать лежащими строго в одной плоскости. Но то, насколько поля или диагонали могли бы отклоняться от точного равнения, было бы значительно ограничено законом, по которому, если вмешательство какого-либо наблюдателя в его поле 1 состоит в том, что он посылает световой луч другому наблюдателю, этот луч должен прийти в поле 1 второго наблюдателя.

---

* Картами, из которых она выводит общую для всех карту «точек-событий», разделенных «интервалами».

Рассмотрим, однако, случай матери и ее ребенка. Ясно, что в момент рождения ребенка поля 1 этих двух существ должны совпадать. Это означает, что их поля 2 в этой точке соприкасаются и находятся в одном и том же мгновении Времени 2. Это означает также, что их диагональные реагенты в этой точке соприкасаются и направлены вдоль одной и той же диагональной плоскости.

Предположим же, что мы начертили плоскую схему «родословного древа» всего человечества, взяв одно измерение бумаги за Пространство, а другое — за Время 1. Получилась бы сеть с многочисленными точками пересечения, изображающими

браки, и многочисленными ответвлениями, изображающими рождения. И вы нашли бы, что в этой сети можно провести непрерывную связь между любыми двумя точками, какие бы вы ни выбрали: все человеческие семьи связаны родством именно так.

Если допустить, что эта схема изображает только *мозги* этих индивидуумов, она была бы первым временным протяжением, ступенью 1, в таком анализе Времени, где мы имеем дело со всеми человеческими наблюдателями вместе, а не с одним. Следовательно, на второй ступени она изображала бы связанные между собой поля 2 всех этих наблюдателей.

По линиям этой всеобщей сети поля 2 двигались бы *индивидуальные* поля 1. Эти последние определялись бы исключительно точками, где линии движущейся сети поля 2 пересекаются с соответствующими линиями подобной же, но неподвижной сети, которая простирается по диагонали во Времени 1 и Времени 2 и составлена из связанных между собой диагональных реагентов этих индивидуумов.

Здесь мы можем настолько отступить от сути нашего рассуждения, чтобы бегло взглянуть на один довольно любопытный вопрос. Является ли эта *сеть* поля 2, с широкими промежутками Пространства между ее линиями, ближайшим подобием всеобщего поля 2? Или же существует поле 2, которое заполняет все Пространство, включая и эти промежутки?

Рассмотрим снова сеть этого всеобщего мозгового субстрата — «родословного древа», часть которой, предположим, изображена в перспективе соединенными линиями AB, BC и BD на рис. 14.

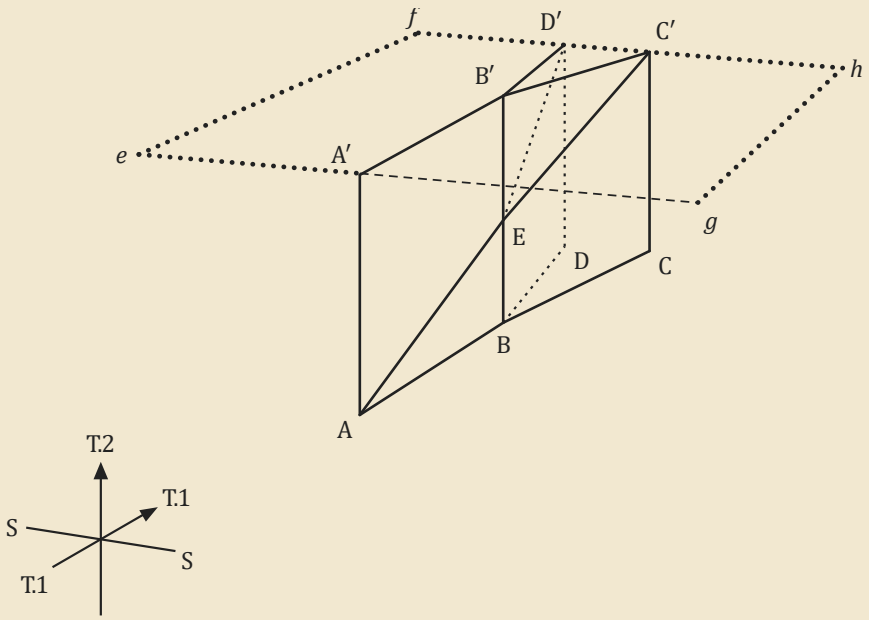

Рис. 14

Эти три линии будут длиться вверх во Времени 2 в виде плоскостей AA′B′B, BB′C′C и BB′D′D. Эти плоскости будут пересечены соответствующими реагентами AE, EC′ и ED′, а также соответствующими полями 2 (показанными для простоты вверху рисунка) A′B′, B′C′ и B′D′, составляющими часть A′B′C′D′ сети поля 2. Так вот, совершенно ясно, что линии сети поля 2 должны повторять форму фигуры субстрата. Если, например, когда сеть поля 2 находится внизу рисунка, вмешательство меняет направление линий субстрата так, что B′C′ и B′D′ расходятся под более узким углом, чем BC и BD, то соответствующие линии поля 2 должны сблизиться, чтобы повторить эту форму. Иначе у нас не было бы полей 1 в C′ и D′, когда сеть поля 2 дошла бы до верха рисунка. Но такое приспособление линий поля 2 к меняющейся

форме фигуры субстрата можно объяснить, только если считать эти линии *пересечениями этого субстрата со всеобщим, заполняющим Пространство полем 2*, таким, какое изображено *efgh*. Подобным же образом должен существовать всеобщий, заполняющий Пространство диагональный реагент (не показанный на рисунке, чтобы не усложнять его), пересечения которого с изменчивым субстратом и составляют изменчивые индивидуальные реагенты AE, EC′ и ED′. А место пересечения этого всеобщего поля 2 с этим всеобщим реагентом должно быть всеобщим полем 1, *fh*.*

* Насколько я могу судить, в теории относительности это поле было бы абсолютным полем, движущимся по абсолютному субстрату точек-событий релятивиста.

Но теперь нам надо выяснить, почему каждой из этих отклоняемых линий, по которым отклоняемый субстрат пересекается всеобщим полем 2, во всех ее отклонениях следует некий определенный сознающий наблюдатель 2, чье внимание в поле 1 не может выйти за пределы этой смещающейся линии. Ведь этот индивидуальный наблюдатель, не будем забывать, — *не* содержимое субстрата в его поле. Анализ показал, что он — независимая сущность, которая сознательно наблюдает это содержимое субстрата, а также в зачаточной форме истолковывает его и думает о нем. Почему же тогда он привязан к нему во всех его пространственных извивах и во всех вызванных вмешательством переменах его пространственного положения?

«Очевидно, — могут ответить, — потому, что движущееся „поле представления“ — лишь название той части наблюдаемого субстрата, которая совпадает с положением движущегося наблюдателя, так сказать, покрыта им. Поэтому общее, заполняющее Пространство поле 2 есть область, покрытая общим

наблюдателем, который наблюдает все, что существует, а индивидуальные сознающие наблюдатели — лишь те места этого общего наблюдателя, где его пересекают те особые изменчивые части субстрата, которые представляют собой сложные мозги живых организмов».

Надо признать, что, насколько это объяснение простирается, оно бесспорно; и можно отметить: поскольку реагенты сознательны лишь там, где их пересекает этот всеобщий наблюдатель, и поскольку линии пересечения между мозговыми субстратами и всеобщим наблюдателем могут меняться в пределах области, занятой этим наблюдателем, он должен быть способен наделять сознанием любое место в пределах этой области.

Но все это не вполне отвечает на наш вопрос. Это говорит нам, что индивидуальные наблюдатели — лишь части общего наблюдателя, но не говорит ясно, *почему* они индивидуальны.

Ясно, что единственное, что придает индивидуальность тем частям общего наблюдателя, которые оказались пересечены изменчивыми линиями общей сети мозгового субстрата, — это… сами эти изменчивые мозговые линии. Далее, мы видели, что предельный мыслитель в ряду, принадлежащем каждому индивидуальному наблюдателю, учится мыслить в понятиях механического мышления мозга. Значит, общий наблюдатель должен быть на всем протяжении заполняемой им области Пространства тем неизвестным началом, которое лежит в основе сознания и ума, и он обособляет себя в некоторых далеко отстоящих друг от друга местах как связанную сеть индивидуальных мыслителей. Сейчас мы увидим, что из этого следует.

Но сперва надо отметить, что всеобщее поле 1, о котором мы упоминали выше, будет, конечно, полем 1 всеобщего, заполняющего Пространство наблюдателя; ибо он должен быть столь же серийным, как и индивидуальные наблюдатели. Его вместе с ними — ведь они его части — должно быть можно проследить вверх по ряду до единого высшего общего наблюдателя в бесконечности.

Здесь можно отметить, что индивидуальный сознающий наблюдатель возникает тогда, когда всеобщее поле 1 этого высшего наблюдателя достигает той точки в сети мозгового субстрата («точки-события»), где телесная линия индивидуума (изменчивая линия вероятностей) отделяется от родительского ствола.

Далее, поскольку поле 2 этого высшего общего наблюдателя охватывает протяжение во Времени 1 всего генеалогически связанного мозгового субстрата, его внимание должно быть способно проходить эту сеть по всей ее длине во Времени 1.

Опять же, поскольку он дает сознание всем тем своим частям, которые составляют индивидуальных наблюдателей в бесконечности, — а значит, дает им и их сознательное наблюдение, — и поскольку эти индивидуумы обладают, как мы установили, той способностью вмешиваться, которая есть функция сосредоточенного сознательного наблюдения (внимания), мы должны считать этого высшего наблюдателя первоисточником способности индивидуума вмешиваться.

Итак, мы можем подвести итог, сказав, что этот высший общий наблюдатель есть источник всего того сознания, намерения и вмешательства, которые лежат в основе простого механического мышления; что он в своих пересечениях с мозговыми субстратами воплощен во всех земных сознательных формах жизни, во всех

измерениях Времени; и что он — благодаря единству сети, образованной таким образом в нем самом, и способности его внимания обозревать эту сеть во всю ее ширь — должен заключать в себе особое олицетворение всей генеалогически связанной сознательной жизни. И можно добавить, что это «олицетворение» должно быть способно мыслить в масштабе более обширном, чем наш, благодаря огромному охвату во Времени и в Пространстве его поля 2 и огромной длительности его опыта как «предельного мыслителя» в этом поле.

Мы отклонились от нашей главной задачи в то, что, по-видимому, есть область для исследований богослова. Оставим ее ему (он найдет поразительное множество изречений, которые подходят к делу) и вернемся к нашему собственному занятию.

Последователи Ницше заметят, что теории циклического возвращения (оправданны они или нет) приобретают совсем иной вид в свете сериализма. Если допустить ради довода, что возвращение к какой-то прошлой конфигурации материальной вселенной происходит, то из этого уже не следует, что такое возвращение есть новое начало цикла, подобного тому, который мы переживаем сейчас. Ведь вмешательство может действовать так, чтобы избегать неудовлетворительных конфигураций. Одним из следствий такого вторжения в чисто автоматическую последовательность событий было бы, конечно, огромное удлинение цикла. Но важнейшим следствием было бы сокращение этого самого длинного из возможных циклов до такого, который вмешивающиеся — общий и частные — сочли бы удовлетворительным.

С другой стороны, надо помнить, что сходные телесные конфигурации, разделенные во Времени 1, принадлежали бы разным наблюдателям 2 — разным душам. (Это понравилось бы Мэриону Кроуфорду.) А если бы во Времени 2 происходили

повторения четырехмерных конфигураций одного из этих наблюдателей 2, то эти повторения, по аналогии, принадлежали бы разным наблюдателям 3 (частям нашего первоначально рассмотренного индивидуального наблюдателя 3 — так же, как наблюдатели 2, разделенные во Времени 1, суть части общего наблюдателя сети поля 2). И так далее до бесконечности.

Эта книга задумана не более чем как общее введение в сериализм как теорию вселенной. У всякой такой теории должны быть свои психологическая, физическая, богословская и телеологическая стороны. На каждую из них мы бегло взглянули, но достаточно долго, чтобы увидеть, сколь обширно и сколь многообещающе то поле для исследований, которое открывает новый метод анализа. Но собственно исследование в этих различных областях мы все время считали делом специалистов, которых оно касается более непосредственно.

Человек с улицы, однако, будет ждать чего-то вроде краткого изложения того, как ему следует понимать влияние сериализма на него самого. Такие изложения не всегда желательны — по причинам, которые вполне ясны людям рассудительным. Но в настоящем случае все пункты, которые прямо касаются человека с улицы, пришлось затронуть по ходу книги, поскольку так вышло, что ни один из них нельзя было опустить, не оборвав рассуждения в решающем месте и не оставив теорию, так сказать, висеть в воздухе. Не будет вреда, если собрать в одном месте то, что уже было сказано в разрозненных абзацах на предыдущих страницах.

Итак, говоря в общих чертах, я сказал бы следующее.

1. Сериализм раскрывает существование разумного рода «души» — индивидуальной души, у которой есть определенное начало в абсолютном Времени; души, чье бессмертие, лежащее в других измерениях Времени, не противоречит очевидному концу

индивидуума в измерении Времени физиолога; и души, чье существование не отменяет открытия физиолога, что деятельность мозга дает формальную основу всему земному опыту и всему ассоциативному мышлению.

2. Он показывает, что природа этой души и ее умственного развития дает нам удовлетворительный ответ на «зачем» эволюции, рождения, боли, сна и смерти.

3. Он раскрывает существование высшего общего наблюдателя, источника всего того сознания, намерения и вмешательства, которые лежат в основе простого механического мышления, — наблюдателя, который заключает в себе менее общего наблюдателя, олицетворяющего всю генеалогически связанную жизнь и способного к человекоподобному мышлению и предвидению такого рода, который далеко превосходит наши индивидуальные возможности. В высшем наблюдателе мы, индивидуальные наблюдатели, и то древо, ветви которого мы составляем, живем и существуем. Но никакое «поглощение» нам не предстоит: мы уже поглощены, и движение идет к обособлению.

4. Он указывает на существование общего для всех поля 1, заполняющего все Пространство (что не противоречит теории относительности). Это дало бы нам, во всяком случае, первое необходимое условие для того, чтобы могло возникнуть что-либо вроде настоящего телепатического общения. Более того, взаимосвязь линий в древовидной сети поля 2, по-видимому, открывает в этом отношении и другую возможность.